

Военные
Приключения

АВАРИЙНЫЙ ВЗЛЁТ

ИРИНА ПЕВИТ

**Военные
Приключения®**

ИРИНА ЛЕВИТ

АВАРИЙНЫЙ ВЗЛЕТ

**Москва
«Вече»**

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)
Л36

«Военные приключения» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Составитель серии В.И. Пищенко

Левит, И.С.

Л36 Аварийный взлет : роман / Ирина Левит. — М.: Вече, 2023. — 320 с. — (Военные приключения).

ISBN 978-5-4484-4317-6

Знак информационной продукции **12+**

В крупном аэропорту города Губернска среди бела дня ударом ножа убивают главу местного филиала и зятя владельца страховой компании «Гранит» Эдуарда Марадинского. Поскольку преступление в аэропорту — слишком резонансное, в Губернск прилетает московская оперативно-следственная группа. Ее руководитель полковник Купревич полагает, что дерзкое убийство имеет психологическую подоплеку, а потому приглашает в качестве консультанта Аркадия Михайловича Казика — психолога, человека, который своим весьма оригинальным видением проблем не раз помогал правоохранительным органам расследовать преступления.

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-4317-6

© Левит И.С., 2023
© ООО «Издательство «Вече», 2023

АВАРИЙНЫЙ ВЗЛЕТ

ГЛАВА 1

Поначалу Галя возмутилась. Ну что за дела?! Ведь она же громко постучала, крикнула: «Есть кто-нибудь?! Уборка!» — а только потом, когда никто не откликнулся, зашла в мужской туалет: то есть со всеми мерами предосторожности, строго по инструкции. Однако в дальней кабинке совершенно очевидно кто-то затаился. Вот именно — затаился, потому как ни звука, ни шороха не издавал, обнаруживая себя лишь краем ботинка, проглядывающего сквозь зазор между дверью и полом.

— Мужчина! Я убираться пришла! — зычно сообщила Галя, но неизвестный никак не отреагировал. Даже ботинком не шевельнул.

«Плохо, что ли, человеку? Может, сердце прихватило?» — озаботилась Галя и уже без всяких церемоний дернула за ручку двери, которая легко отъехала в сторону. И тут же охнула, взвизгнула и даже швабру уронила.

Матерь божья!

Мужчина полулежал-полустоял на коленях, навалившись грудью на унитаз и уткнувшись головой в сливной бачок. А в спине у него торчал нож.

Галя Петунина, почти сорок лет прожившая в деревне на краю области, где жизнь тоже была «крайняя», то есть бедная, пьяная и драчливая, только два года назад перебралась в город, опять же на окраину, с бедностью, пьянками и драками, однако на работу устроилась хо-

рошую — уборщицей в аэропорт. Здесь бедностью не пахло, пьяные по углам не валялись и драк никто не устраивал. Все пристойно, чинно и... чисто. Ну да, чисто, начальница над дворниками и уборщицами Нина Григорьевна Кондакова за этим следила строго, а чистоту поддерживать завсегда проще, чем бардак разгребать. Платили в аэропорту не бог весть сколько, можно было и посытнее место найти, однако Галя за свою работу держалась: все-таки не где-нибудь в хлеву убирается — почти во дворце!

И вот нате вам!

В деревне Галя не раз поножовщину видела, троих в больницу отправляли, а двоих сразу в морг, но то по пьянке ножами друг в друга пыряли, и в хлеву, а тут — дворец! И мужчина с виду солидный и совсем не пьяный. Сразу понятно: из приличных.

Это ж надо!

После оха, взвизга и падения швабры Галя Петунина, жизнью обтесанная и всякими бедами отшлифованная, махом охолонула и ни в какую панику впадать не стала. А принялась звонить начальнице Нине Григорьевне. Дескать, проблема большая, мужчину в туалете прирезали, и она, Галя, рядом с этим прирезанным стоит, а на дверь табличку повесила — «Извините, туалет временно не работает, идет уборка». Как и полагается по инструкции.

ГЛАВА 2

— Ой, только вот не надо уж вам, Борис Борисович, морочить мне голову! — досадливо проговорила Софья Михайловна. — Достаточно, что этот, — она махнула рукой в сторону брата, — вечно пытается мне ее дурить!

Взмах получился какой-то обреченный, а досада, словно застарелая. Хотя чего уж там — Борис Борисо-

вич Орехов сроду ничего не морочил и не дурил Софье Михайловне Казик, ни при чем он был тут совершенно! Не то что братец родной Аркашенька — хитрец, шельмец и авантюрист.

— Что вы, Софья Михайловна? Как можно?! Никак нет! — перепугался подполковник полиции Орехов.

— Да-да, Софочка! Вернее, нет-нет! — залебезил братец Аркашенька.

— Тогда зачем вы, Борис Борисович, рассказываете мне эти сказки про психологические семинары для полицейских славного города Губернска, куда непременно надо поехать вот ему, великому и несравненному психологу? — Софья Михайловна бросила ядовитый взгляд на Аркадия Михайловича. — Я что, не смотрю телевизор? Не читаю новости в Интернете? Не знаю, что в Губернском аэропорту в туалете убили человека? И теперь все гадают, как это могло произойти, и слушают заверения ваших, Борис Борисович, больших начальников, что это уникальное преступление обязательно будет раскрыто.

— Ну, да... случилось такое в Губернске... ну вот такое совпадение... — забубнил Орехов. — Так кто ж думал-то?... Убили позавчера, а семинар запланировали...

— Перестаньте! — отрезала Софья Михайловна. — Вы же не мой брат. Это ему наврать — как... свиной окорок умять! Обжора! — гневно заявила она, и «обжора» разве что пугливым ежиком не свернулся.

По большому счету, именно с этого и началось. Со свиного окорока.

С утра пораньше позвонила Маша, давно и основательно «прикормленная» Казиком продавщица мяса с Центрального рынка, и сообщила, что ей сегодня привезли из деревни потрясающий свиной окорок, который она готова припрятать для любимого покупателя. «Только настоящий еврей может оценить настоящую

свинину!», — всякий раз, припрятывая что-нибудь пот-
рясающее, умилялась искренняя и плохо образованная
Маша. Аркадий Михайлович охотно соглашался. А что,
религиозным человеком он не был, в синагогу не ходил
и даже Тору ни разу не читал, хотя и пытался, продви-
нувшись только до двадцатой страницы.

Окорок действительно оказался отменным, и по до-
роге домой Аркадий Михайлович всячески будоражил
свою фантазию, придумывая, каким бы образом заста-
вить сестру расщедриться на вкусное угощение.

— Ты, конечно, можешь отправляться к Маше, но
даже не рассчитывай, что тебе сегодня перепадет хоть
кусочек, — с самого начала развеяла гастрономические
мечты брата Софья Михайловна. — Вчера ты тайком
умял половину курицы, причем копченой. Я нашла
в мусорном ведре кости, хотя ты их всячески пытался
запрятать в свекольных очистках. Позавчера у вас на
кафедре праздновали день рождения, и ты, несколько
не сомневаюсь, налопался пирогов. Поза-позавчера...
Впрочем, все свои грехи ты сам прекрасно знаешь,
и знаешь, что я их знаю тоже!

— Ну какие же грехи, Софочка?.. Ну ты вечно пре-
увеличиваешь!.. — принялся традиционно оправды-
ваться Аркадий Михайлович, на что получил опять же
традиционный ответ:

— Посмотри на себя в зеркало. Ты похож на шар!
Тебя не обойти, не объехать — проще перепрыгнуть.
У тебя лишнего веса больше, чем поклажи на выючном
осле! И ты сам — осел! Потому что не в состоянии по-
нять: твое обжорство доведет тебя до инфаркта, инсуль-
та, а самое малое — до заворота кишок!..

Эти сетования, равно как и угрозы, переходящие
во вполне конкретные боевые действия по внедрению
диеты в стан противника, сопровождали Аркадия Ми-
хайловича почти всю жизнь. Любимая сестра, которая

вполне могла подрабатывать скелетом в каком-нибудь медицинском вузе, неистово боролась за то, чтобы любимый брат не попал в этот самый вуз в качестве экспоната для изучения всего букета болезней, связанных с неумеренной любовью к вкусной, но нездоровой пище.

Софья Михайловна была неутомима и неумолима в своей битве, а Аркадий Михайлович — изворотлив и хитроумен в отражении массированных атак.

Софья Михайловна действовала, как командующий несокрушимой армии, а Аркадий Михайлович — как командир неистребимого партизанского отряда.

Софья Михайловна боролась под лозунгом «Враг не пройдет!», а Аркадий Михайлович — под девизом «Победа будет за нами!»

Они жили вместе долгие годы, искренне любили друг друга, но сдаваться не собирались.

Кусок свежайшей свинины явно обещал превратиться в очередную «стратегическую высоту», вокруг которой предстояло разгореться новому бою.

Все решил звонок Орехова. Сначала они разговаривали по телефону: подполковник — серьезно, психолог — заинтригованно. А затем Казик обрадованно предложил:

— Борис Борисович, дорогой, приходите сегодня к нам домой на ужин!

— Вы что, опять хотите поесть, укрывшись за моей спиной? — хмыкнул Орехов.

— Ну, конечно, — не стал отнекиваться Казик. — Я купил потрясающий свиной окорок, но Софочка — вы же ее знаете! — строжится, хочет меня вместо свинины накормить овощной запеканкой. А вы придете, и она расстарается. И я по-человечески поем!

— А потом Софья Михайловна будет есть вас. При чем поедом, — напомнил очевидное Орехов.

— А-а!.. — традиционно отмахнулся Аркадий Михайлович. — Это ведь уже будет потом. А сначала... — он сладостно причмокнул, — я полакомлюсь окороком. И к тому же, — перешел он уже на серьезный тон, — надо ведь как-то объяснить Софочке, почему мне надо ехать в Губернск. Если я начну объяснять, она наверняка что-нибудь заподозрит. Потому что она меня всегда подозревает. А вы у нее в доверии, Борис Борисович.

Подполковник Орехов, однако, доверия не оправдал. Более того, был категорически пристыжен, по сути обвинен в проявлении совершеннейшего неуважения к умной достойной женщине и вынужден был оправдываться, словно какой-нибудь младший лейтенант.

— Вы, Борис Борисович, хотите отправить моего брата в Губернск именно потому, что в аэропорту убили человека. Но, насколько понимаю, сами туда ехать не собираетесь. То есть посылаете Аркадия на произвол судьбы, — безапелляционно констатировала Софья Михайловна, и Орехову пришлось «расколоться».

Ну да, все правда. В четверг, в первой половине дня, в аэропорту Губернска убили человека, причем в туалете. Ситуация из ряда вон, и дело тут же взяла на особый контроль Москва, отправив рано утром в пятницу в Губернск оперативно-следственную группу под руководством полковника Купревича из Следственного комитета. А с Олегом Романовичем Купревичем Орехов хорошо знаком. Три года назад они вместе отдыхали в санатории, подружились, довольно тесно продолжают общаться. Мужик хороший, порядочный... да, вот именно. И очень грамотный. Просто суперпрофессионал! А потому Орехов всегда готов ему помочь.

— А при чем здесь мой брат? — перебила Софья Михайловна, но вопрос ее был скорее риторическим.

При чем, при чем? Да при том, что братец родимый — хитрец, шельмец и авантюрист! И не раз уже

совал свой могучий нос в дела, которыми должны заниматься правоохранные органы, и только они, однако же Аркаша, еще несколько лет назад вполне успешно и совершенно официально совмещавший работу психолога и частного детектива и однажды крепко пострадавший от этого, никак не мог постоять в стороне. То, что Казикам пришлось буквально бежать в Сибирь, спасаясь от гнева очень влиятельного человека, казалось, должно было вразумить братца Аркашу. Однако весьма хорошо обосновавшись на новом месте, он, словно попавший в винный погреб пьяница, «сорвался». Да не один раз. Причем в компании Орехова. А ведь обещал «завязать»...

— Что значит «при чем»? Вы же знаете, Аркадий Михайлович мне регулярно помогает. Правоохранительным органам то есть, — вроде как укорил подполковник. — И я Олегу Романовичу много о нем рассказывал.

— А теперь, — вновь перебила Софья Михайловна, — после многочисленных рассказов вы решили сдать моего брата в аренду своему приятелю? Следственному комитету то есть?

— Ну зачем вы так?! — уже не просто с укором, а почти с обидой воскликнул Орехов. — Тут же особый случай... Ну понятно, когда в аэропортах теракты устраивали... Не приведи господь! Но хотя бы цель была понятна. А тут в туалете аэропорта ножом убивают уважаемого бизнесмена, директора страховой компании Марадинского. Спрашивается: какая цель?

— Можно подумать, у нас мало бизнесменов убивают, пусть и уважаемых! — фыркнула Софья Михайловна.

— Но ведь не в аэропорту! В особо охраняемом месте! Где все утыкано видеокамерами! Где в терминал, то есть в зал для пассажиров и встречающих, все проходят через рамки металлоискателя, и никто никакой нож в кармане не пронесет! Худшего места, чтобы убить биз-

несмена, который к тому же не живет в крепости, не ездит в броневице и даже охраны не имеет, придумать невозможно. Однако же вот!..

— Да, — нехотя согласилась Софья Михайловна, — весьма странно...

— В том-то и дело! Конечно, там сейчас все проверяют снизу доверху, справа налево и даже по диагонали. Но Олег Романович подозревает, что есть здесь какой-то чисто психологический мотив. Либо связанный с самим Марадинским, либо непосредственно с аэропортом. Преступнику почему-то понадобилось убить этого человека именно в аэропорту. Это исключительно дерзкое преступление. И крайне рискованное. Причем объективные причины никак не просматриваются — Марадинского можно было убить где угодно, а аэропорт от такого инцидента особо не пострадает, никто его услугами пользоваться не перестанет, другого-то ведь нет, и даже генерального директора не уволят, потому что он совершенно новый человек, всего месяца два работает. Поэтому Купревич предполагает, что тут есть какой-то субъективный момент. Психологический. Вот он и просил подключить Аркадия Михайловича. Да, — упредил возможный вопрос Орехов, — в наших органах есть свои психологи. Но... Олег Романович хочет, чтобы это, с одной стороны, был человек немного в нашем деле понимающий, а с другой, — независимый эксперт, у которого, как говорится, глаз не замыленный. Ну, чтобы он мог посмотреть на ситуацию свежим взглядом и ни на какие наши правила не ориентировался.

— Надо же! — вновь фыркнула Софья Михайловна. — Какой ваш приятель оригинал!

— Совершенно верно, — с готовностью согласился Орехов. — Большой оригинал! У нас таких не шибко любят и в нашей системе особо не держат, — вздохнул он.

— А ваш Купревич все-таки как-то держится?

— Ну... это отдельный случай. Его терпят. Потому что бывают такие... оригинальные дела, с которыми только оригиналам и разбираться. И Олег Романович тут лучше всех.

— Если ваш Купревич лучше всех, то вполне может обойтись без моего братца, который лучше всех только по части обжорства! Тем более, что ваш Купревич — полковник, и все в его распоряжении, а мой Аркадий — не понятно кто, и будет, как приبلудный пес!

— Вы совершенно напрасно волнуетесь! — горячо заверил Орехов. — Об Аркадии Михайловиче полностью позаботятся, его всем обеспечат, и с него даже волосинка не упадет!

— Ну, если с него даже пучок волосинок упадет, — заботливая сестра ткнула пальцем в буйную шевелюру Казика, — я это переживу. Но если Аркадий без моего пригляда прибавит хоть килограмм, я заставлю его есть одну капусту, а с вами, Борис Борисович, больше общаться не стану.

И Софья Михайловна демонстративно убрала со стола тарелку с остатками свинины.

ГЛАВА 3

Жена ушла от Сергея Дергачева за неделю до серебряной свадьбы. Вообще-то Сергей планировал организовать праздник — не гульбище, конечно, но что-нибудь запоминающееся: в ресторане, с цветами и подарками. В конце концов, за двадцать пять лет он с Оксаной ни разу не отмечал свадебную дату, так что юбилейный повод следовало использовать сполна. Однако жена отказалась. Сначала принялась бубнить нечто невнятное, а потом вздохнула и сказала:

— Я устала от тебя, Сережа. И я от тебя ухожу.

— В каком смысле? — не понял он

— В прямом.

— То есть мы вот жили с тобой четверть века и даже не ссорились, а сегодня ты то ли не выпалась, то ли переработала, в общем, устала и решила уйти?

Оксана неопределенно покачала головой, усмехнулась, и он вдруг сообразил: да она же шутит! Несколько по-дурацки, но что поделаешь, коли у нее всегда с юмором было не ахти. Он сам тоже далеко не хохмач, так что тут они квиты. Дожили оба до сорока трех лет, а ни анекдот рассказать, ни острое словцо вставить, ни засмеяться в нужный момент толком не научились. Но разве это самый большой грех?

— Ты шутишь, — констатировал он.

— У меня плохо с чувством юмора. Ты же знаешь, — укорила жена.

— Знаю. Поэтому у тебя шутки такие дурацкие.

— Я говорю серьезно, — действительно серьезно сказала Оксана. — Я устала от тебя за эти двадцать пять лет. Нет, я, конечно, не сразу устала, потом долго не понимала, что устала, но вот теперь поняла. В последний год поняла, когда Даша вышла замуж, уехала к мужу, а я осталась только с тобой.

— Значит, наша дочь вышла замуж, и ты расхотела сама быть замужем. За мной. Или...

— Перестань, Сережа! Никакого другого мужчины нет. Даже теоретически. Просто у меня кончились силы.

— Какие силы? — растерялся он. — Почему они кончились? Я разве что-то сделал с твоими силами?

— Да, конечно, я должна тебе объяснить. Я не уверена, что ты меня поймешь, — с досадой произнесла жена, — но я тебе объясню. — Она помолчала и заговорила ровным спокойным тоном человека, который давно все обдумал и все свои думы запомнил, и теперь все

озвучит, и ни в чем не спутается. — Сережа, это ведь ты на выпускном вечере в школе предложил, чтобы мы поженились сразу, как восемнадцать лет исполнится.

— Мы любили друг друга. С девятого класса.

— Да, но ты предлагал пожениться и при этом собирался уехать в летное училище.

— Я хотел быть летчиком с пятого класса.

— И ты уехал. И поступил. А потом настоял, чтобы мы побыстрее поженились. И где мы поженились? И как? Наспех, по дурацки, без нормальной свадьбы, в клубе рядом с твоей казармой. А потом родилась Даша, нам было девятнадцать лет, и я с ней нянькалась, параллельно училась, а ты жил в другом городе и без всяких забот становился летчиком. Да, ты переживал, что первые годы практически не видел свою дочь. Ну, так... налетами... Но когда пришла пора приземлиться, выяснилось, что твой аэродром далеко от нашего дома, и мне, а не тебе надо этот дом менять. И с профессией что-то делать. Моей, а не твоей.

— Но ведь я не мог не поехать по месту службы...

— Не мог. И опять очень переживал, что я вынуждена все бросить, и свою биологию тоже, хотя меня в аспирантуру брали.

— Да, переживал.

— И впоследствии тоже постоянно переживал. Из-за того, что мотаемся туда-сюда, живем по съемным углам, в лучшем случае в общаговских комнатухах... Из-за того, что у меня сроду нормальной работы не было, а твоя работа была ненормальная, но тебе нравилась, и ты ничего не хотел менять...

— Да, — не возразил Сергей.

— А потом ты чуть не погиб. Но не в небе, не в самолете своем, а на земле. Это ж надо, чтобы летчик пострадал от самолета на земле! На тебя какой-то кусок крыла упал. Оторвался и грохнулся прямо на тебя, хотя

вокруг было полно свободного места. И все думали, что ты не выживешь. А ты полгода в больнице провалялся, но все же выжил. И еще долго восстанавливался. И я все забросила, даже Дашуню, и выхаживала, и вытягивала тебя.

— Ты меня выходила и вытянула, — признал Сергей.

— А ты переживал и маялся, что тебе запретили летать. Изводил и себя, и меня.

— Тебя?

— А ты думаешь, если ты не ныл и не пил, я жила спокойно? Я же все видела, чувствовала и понимала! Я старалась тебя всячески поддержать, а ты молчал и выглядел полумертвым.

— Я не знал, что мне делать дальше. У меня не было другой профессии...

— Не было, — подтвердила жена. — Но, к счастью, тебя взяли в транспортную полицию. Но ты же опять не успокоился... Ты же опять переживал и маялся, что все не так и не эдак, и лез туда, куда тебя не просили... А чем кончилось?

— Очередная медкомиссия меня забраковала. Зацепились за старую травму.

— Я не знаю, кто за что зацепился. Только согласись, Сережа, твое начальство не сильно плакало. Зато сильно плакал ты. Ну, хорошо, не плакал, ты никогда не плакал, однако же опять переживал и маялся. Разве не так?

— Так, — согласился Сергей.

— А я опять тебя всячески поддерживала и, между прочим, с трудом уговорила вернуться домой. Туда, где мы выросли...

— Где за три месяца друг за другом умерли мои родители...

— У тебя были замечательные родители. Их очень жаль. Но у нас появилась своя квартира. А у тебя по-

явилась новая работа. Пусть не в небе, но рядом, в аэропорту. Как она называется?

— Служба авиационной безопасности, — сказал Сергей, хотя жена и так знала. Жена всегда все знала.

— Вот именно. САБ, — произнесла Оксана без запинки общепринятую в авиации аббревиатуру, — как раз то, что тебе было нужно. И ты за два года дорос до заместителя начальника. Но и тут умудряешься переживать и маяться. А я тебя снова поддерживаю. Ну и когда это кончится? — спросила жена и сама же ответила: — Никогда! — Она вздохнула, помолчала несколько секунд и поставила точку: — Я двадцать пять лет живу твоей жизнью, уже выросла и вышла замуж наша дочь, и я от всего этого устала...

Через три дня жена уехала в Нижний Новгород, куда перебрались дочь с мужем, еще через месяц Сергей получил документы на развод и остался один. Со всеми своими переживаниями и маятой, но при этом с ощущением, которого у него раньше не было, а теперь появилось, — пустоты. И это была странная пустота: как будто в доме долго жили гости, а затем разом исчезли и даже помещение проветрили.

Он почти сутками торчал на работе, домой возвращался только переночевать, да и то не всегда — порой оставался в аэропорту. Регулярно общался по телефону с дочерью — та разговаривала, как обычно, словно ничего не случилось и рядом нет матери. Жена, уже бывшая, к телефону не подошла ни разу.

Сергей всегда был равнодушен к спиртному и, оставшись один, не стал искать утешения в бутылке — просто страдал в гнетущей тишине и давящей пустоте.

А два с небольшим месяца назад позвонил Юрий Александрович Лавронин, заместитель генерального директора по безопасности Губернского аэропорта.

Они познакомились три года назад. Совершенно случайно. Оказались в Москве в компании общих знакомых. Разговорились и обнаружили немало общего. Что оба служили в полиции: только Сергей без особого успеха, а Юрий Александрович с весьма зримыми достижениями — ушел в отставку полковником, заместителем начальника Губернского областного Главного управления МВД. Что оба работают в аэропорту: Сергей уже полгода замначальника САБа, а Юрий Александрович — четыре года замдиректора по безопасности Губернского аэропорта. Пятнадцатилетняя разница в возрасте и явное отличие в служебном положении довольно быстро нивелировались, и они в тот вечер в основном общались друг с другом. На следующий день их обоих зазвали отправиться в Архангельское, и эта поездка еще больше сблизила. Расставались если не друзьями, то почти приятелями. И все дальнейшие годы они пусть не очень часто, но регулярно созванивались, причем отнюдь не формально — им было чем друг с другом поделиться. Сергей, по характеру очень сдержанный и весьма закрытый, которому так и не удалось обрести близких друзей (да он и не сильно стремился), очень ценил общение с Лаврониным. Юрия Александровича он считал старшим товарищем — и по части жизненного опыта, и в смысле необремененного никакими официальными рамками искреннего расположения. Единственный барьер, который между ними сохранялся: Лавронин звал Сергея по имени и на «ты», а тот его — по имени-отчеству и на «вы».

Лавронину Сергей первому сообщил об уходе жены. Юрий Александрович не возмущался, не сочувствовал, сказал просто: «Я понимаю, ты сразу из пацана превратился в мужа. Ты вольным человеком никогда не жил. Ну вот в сорок три года попробуешь. И ничего страшного не случится».

Сергей тогда подумал: может, он и прав. Однако возвращаться в пустой дом ему не хотелось, и в вакууме, образовавшемся вокруг, было невозможно дышать.

Лавронин позвонил поздно вечером. Спросил:

— Не разбудил случайно?

— Ну-у... — неопределенно пробормотал Сергей, который рано вставал и ложился не поздно, и уже почти заснул, но врать он не любил, даже по мелкому, а признаваться было как-то неловко. Прикинул: уж коли так поздно звонит, значит, что-то срочное.

— Дело довольно срочное, — подтвердил догадку Лавронин. — Ты, может, в курсе, а может, нет, но пару месяцев назад наш аэропорт продали.

Сергей был не курсе.

— То есть у нас и раньше частные акционеры имелись, но пятьдесят один процент акций принадлежал государству. А два месяца назад государство свой пакет продало компании «АвиаАльянс». Может, слышал о такой?

Сергей не слышал.

— Так вот вчера нас официально уведомили, что через две недели приедет новый генеральный директор, некто Огородов. А сегодня днем мой начальник САБа подал заявление об увольнении. И сегодня вечером я звоню тебе с предложением: бросай все к чертовой матери и приезжай в Губернск руководить САБом. Под моим началом. Сроку тебе на соображение — до завтрашнего утра. Потому как времени нет нисколько. Тебя могут заставить отрабатывать две недели, но уж ты постарайся ужать процесс, придумай что-нибудь. Я хочу, чтобы ты здесь, в Губернске, появился до приезда нового генерального. Я, конечно, общую информацию об этом Огородове собрал, вроде ничего мужик, но кто его знает... Ты ж понимаешь: новая метла — она ведь может начать мести неведомо в какую сторону. А мне надо, чтобы

начальником САБа был профи и совершенно свой, надежный человек.

Это Сергей как раз понимал: для любого аэропорта профессиональный и надежный начальник Службы авиационной безопасности — первейшее дело. А для любого замдиректора, который отвечает за всю безопасность в целом, — правая рука и вторая голова.

К тому же Сергей знал: он действительно профи, и Лавронин в этом нисколько не сомневается.

Но с чего вдруг срываться с места, все бросать и ехать неведь куда?

— Ты вообще меня слышишь? — потребовал ответной реакции Лавронин. — Или заснул?

— Слышу, — подал голос Сергей. — Просто как-то неожиданно... А вы ответ быстрый ждете... Подумать надо...

— Я тебе дал срок до утра, — напомнил Лавронин. — А долго думать-то тебе зачем? Что тебя держит? Жена с тобой развелась. У дочки своя жизнь. Обе от тебя уехали. Особых друзей, насколько я понимаю, у тебя нет. Да и в наше время ни для какого общения проблем нет. Жилье? Так мы тебе квартиру снимем рядом с работой, в Авиагородке, причем за счет аэропорта. Работа? Но я тебя зову на точно такую же, только на первую позицию. Причем в аэропорт, который всяко покрупнее твоего нынешнего. И вообще... чувствую, раскис ты... Поэтому тебе надо начинать новую жизнь. Не с чистого листа, но вот как раз с новой страницы. Уж прости за литературщину...

На следующий день Дергачев написал заявление об увольнении. Отрабатывать его заставили пять рабочих дней, так что уже в воскресенье Сергей (оставив квартиру заботам соседки) вылетел в Губернск — аккурат к началу новой трудовой недели на новом месте.

Аэропорт Сергею понравился сразу — по сравнению с ним прежний казался родственником из дальней провинции.

Как организована Служба авиационной безопасности, понравилось тоже — прежний начальник, возглавлявший САБ лет пятнадцать, дело свое знал. И коллектив нормальный собрал, и о технической оснащённости позаботился основательно.

Поселили его поблизости — в двухкомнатной квартире, в микрорайоне, который когда-то начали строить (и постепенно расстраивать) для работников аэропорта и который все называли просто Авиагородком.

И машину выделили — правда, без водителя, но Дергачев сам отказался.

Через несколько дней появился новый генеральный директор — Валерий Леонидович Огородов. На Дергачева он произвел нейтральное впечатление. Примерно одного с Сергеем возраста, примерно одного роста, с такой же сдержанной манерой общения и ровным тоном голоса. Про себя Сергей всегда думал, что сам он — ничего особенного. И про Огородова сначала так решил. Однако пригляделся и понял: в новом генеральном определено что-то есть. Вот только — что, он разобраться не мог. Впрочем, он никогда не умел хорошо разбираться в людях — по крайней мере, сам так считал.

В первый же день Огородов собрал руководителей основных служб в конференц-зале и выступил с краткой речью: он ценит доверие акционеров, считает своей главной задачей повышение эффективности работы аэропорта, не собирается махать шашкой, однако будет требовать жесткого порядка ... ну и так далее. Сергей слушал и думал, что слова в общем-то правильные, а как будет на самом деле, время покажет. Он человек совсем новый, и директор совсем новый, и обоим им

еще предстоит во всем глубоко разобраться, определиться, укорениться.

— Ну как тебе Огородов? — спросил Лавронин.

— Ну что с одного раза видно? — пожал плечами Сергей.

— С первого раза видно, что новый генеральный полностью упаковался в новую одежду, причем дорожную. А это что значит?

— Что? — не понял Сергей.

— Мужик резко поменял статус. Был замдиректора по экономике заштатного аэропорта, а стал гендиректором нашего. И тут же поменял прикид. Чтобы внешне соответствовать.

Сергей вновь пожал плечами. Ему подобные тонкости были совсем непонятны. В дорогих одеждах он не разбирался и разбираться не собирался. В конце концов не его дело.

Он с самого начала для себя решил: вот есть у него свои задачи, свои обязанности, своя мера ответственности — в общем, своя территория. И нечего за пределы этой территории даже на полноги ступать. Чтобы не было, как на службе в полиции и на работе в прежнем аэропорту, когда он периодически совался не в свои дела, переживал и маялся от невозможности на что-то повлиять, а потом с ним прощались без огорчения. По большому счету, он и с авиацией расстался, поскольку полез на чужую территорию — решил проконтролировать ремонт самолета, — а в результате чуть не погиб под обломком крыла...

За последующие два месяца Дергачев хоть и пересекался периодически с Огородовым, однако порог его кабинета ни разу не переступал и особых бесед с ним не имел. Нужды не возникало. Да и зачем? У Сергея имелся свой начальник — с ним и общался. И еще была куча дел. Служба авиационной безопасности охраняла

все и вся: не только пассажирский терминал и административное здание, перрон и взлетно-посадочную полосу, но и огромную производственную зону с ангаром, цехами, складами, гаражом спецтехники и различными другими объектами. В общем, держала многокилометровую территорию аэропорта «под колпаком», и это была не условная, а вполне конкретная территория, где главным начальником был он, Сергей Дергачев.

...Тот день начался привычно. В восемь утра он приехал на работу. В восемь десять собрал у себя в кабинете традиционную внутреннюю планерку — принял доклады от ночных дежурных, поставил задачи и раздал задания на предстоящие сутки. В девять началось ежедневное селекторное совещание руководителей аэропортовых служб — краткие отчеты, краткие сообщения... Ничего такого-эдакого не произошло и не ожидалось — в том числе ответственных визитов и важных мероприятий. Да, ожидалась некоторые проблемы с разгрузкой багажа — утренний самолет из Москвы должен был прибыть с более чем часовой задержкой, а следом садился самолет из Петербурга, и его пассажирам свой багаж явно предстояло ждать дольше запланированного.

— Служба обслуживания пассажиров, сможете оперативно разгрузить два рейса? — спросил гендиректор.

— Приложим все силы, — явственно вздохнула начальница службы Тихомирова и жалобно добавила: — Но вы же знаете, у нас всегда дефицит грузчиков.

— Служба авиационной безопасности, сможете выделить дополнительно людей на контроль за разгрузкой? — проигнорировал жалобы Тихомировой гендиректор.

— Сделаем, — ответил Дергачев и подумал: хорошо, что селектор проводится без видеосвязи, никто не заметит его недовольного лица.

Да, с грузчиками всегда проблема, не слишком-то на эту работу рвутся. Однако и в САБ очередь желающих тоже не стоит. Работа с жесткой дисциплиной в любых условиях (в жару и стужу, дождь и снег), с толпами людей (в том числе весьма противных и даже неадекватных), с повышенной ответственностью и вниманием (ничего нельзя упустить), подчас довольно монотонная и нудная (особенно на досмотре в пассажирском терминале, здесь стояли в основном женщины, мужчины редко выдерживали)... А зарплата повыше, конечно, чем у грузчиков, но совсем не ахти.

Дергачев не любил сидеть в кабинете. Он постоянно ходил и ездил на объекты, где работали САБовцы, — контролировал свою территорию. А уж в пассажирский терминал, который обслуживал пассажиров внутренней и международной линий, наведывался каждый день, а то и не по разу. В тот день хотел проверить, как идут дела с разгрузкой московского и питерского рейсов, однако ему принесли срочные бумаги, и он никуда не пошел, досидев до «тихого часа», — так называли время с 11:30 до 12:30, когда в аэропорту не принимали и не отправляли самолеты. Вот именно тогда ему и позвонила Нина Григорьевна Кондакова, руководитель клининговой службы, а по-простому — начальница над уборщицами и дворниками.

Она сообщила, что в пассажирском терминале, в туалете цокольного этажа найден мертвый мужчина. И не просто мертвый, а убитый. Потому что с ножом в спине. По крайней мере, так сказала обнаружившая его уборщица Галина Петунина.

Сергей прибежал первым и увидел уборщицу, которая со шваброй наперевес перекрывала вход в цокольный этаж. Та зыркнула сурово, перевела взгляд на висящий на ленте пропуск Дергачева, пробурчала:

— Начальник САБа? Новый?

Сергей кивнул.

— Я своей начальнице, Нине Григорьевне, позвонила. По инструкции. Но оттуда, — она кивнула вниз, — людей выгнала. Их немного было, только в женском туалете. А в мужском пусто было. Потом хотели зайти, но я не пустила. И здесь встала. А мужика того я не трогала, даже не прикасалась. Но он точно мертвый. Что я, резаных не видела?

«Молодец», — хотел похвалить ее за предусмотрительность Дергачев, однако не успел, потому как на него едва ли не налетела Кондакова. Запыхавшаяся, с растрепавшимися волосами, она, похоже, неслась откуда-то с дальних пределов.

— Это правда? — спросила она прерывистым голосом, непонятно к кому обращаясь.

— Да что я, резаных не видела? — повторила уборщица.

— Я еще не видел, — сказал Дергачев и стал спускаться вниз.

Нина Григорьевна засеменила следом. Бдительная Галина Петунина осталась на страже.

А потом все завертелось...

Сергей позвонил Лаврону. Тот примчался вместе с Огородовым, начальником линейного отдела транспортной полиции Христенко и группой полицейских. Быстро оцепили вход в цоколь, оттеснив любопытствующий народ. Меньше чем через час с сиренами примчалась бригада из областного ГУВД. А к вечеру пришло сообщение: завтра утром из Москвы прилетает группа во главе со следователем по особо важным делам Следственного комитета России полковником Купревичем, который и возглавит расследование.

Личность убитого установили сразу. Во внутреннем кармане обнаружили паспорт. Но и без всякого паспорта его узнал Лавронин.

— Так это же Марадинский... Эдуард Борисович... Директор страховой компании «Гранит»! — воскликнул он изумленно.

— Какой кошмар... — отреагировал гендиректор.

В карманах Марадинского, помимо паспорта, нашли визитницу и связку из трех ключей, явно от помещений, однако не обнаружили двух непереносимых вещей — портмоне и мобильного телефона.

Вечером Сергей домой не поехал — остался в кабинете, решив посмотреть записи видеокамер. Копии забрала полиция, однако Дергачев возглавлял Службу авиационной безопасности и, хотя его в общем-то отодвинули в сторону, все-таки был когда-то полицейским и отодвигаться не хотел.

Записей было много — с разных камер и в разных ракурсах. Дергачев понимал: спецслужбы все сведут в единое целое, а пока это почти свалка, однако некое представление составить можно — по крайней мере, в общих чертах.

Впрочем, совершенно конкретно определялось время появления Марадинского — в 10: 26. Именно тогда к терминалу подкатило такси, из которого вылез Марадинский — сорокавосемилетний (так значилось в паспорте), среднего роста, со светлыми, зачесанными назад волосами. У него было вполне симпатичное, но, пожалуй, излишне сосредоточенное лицо человека, погруженного в какие-то серьезные размышления. Впрочем, мало ли кто о чем думает — это не повод строить далеко идущие гипотезы.

В руках у Эдуарда Борисовича ничего не было. («Ни сумку, ни ключи от машины не украли по причине отсутствия и того, и другого», — отметил Дергачев).

На входах в терминал (и даже в VIP-зал) стояли багажные сканеры и рамки металлоискателя, которые не могли миновать ни пассажиры, ни встречающие-прово-

жающие, ни даже сотрудники аэропорта, включая генерального директора. Марадинский прошел через «рамку», не спеша двинулся вглубь зала, внимательно посмотрел куда-то в сторону и вверх (Дергачев прикинул: похоже, на табло прилета-вылета), сел в одно из кресел напротив зала прилета, поблизости от лестницы в цокольный этаж, вынул из кармана телефон и принялся там что-то изучать. Он явно кого-то ждал, однако столь же явно не московский рейс, поскольку в этот момент пошел основной поток столичных пассажиров, на которых Марадинский не обратил внимания.

Зато Дергачев обратил внимание, как промчалась Нина Григорьевна Кондакова, а затем небыстрым шагом прошествовал генеральный директор. Огородов, как и сам Дергачев, регулярно навещался в пассажирский терминал — для «проверки ситуации на месте». И новый директор, и новый начальник САБа считали это для себя важным — по причине именно того, что были новыми.

Огородов притормозил рядом с выходом из сектора прилета, наблюдая за пассажирами, которые дружно двинулись с багажом, и в этот момент на него буквально наехала огромным чемоданом могучая тетка, обвешанная еще двумя массивными сумками и явно отдающая какие-то команды трем цепляющимся за нее пацанам младшего школьного возраста. Огородов резко отпрянул — аж полы его плаща взметнулись крыльями, — но тетка даже внимания не обратила. Зато обратил внимание проходивший сзади гендиректора парень, на которого Огородов чуть не налетел. Парень инстинктивно взмахнул руками, придержав гендиректора за спину, после чего сунул руки в карманы и прошел дальше.

Марадинский, который находился на одной с гендиректором линии просмотра видеокамеры, продолжал изучать содержимое своего телефона. Огородов

из поля видимости исчез, а Марадинский так и сидел еще почти десять минут, лишь пару раз бросив взгляд в сторону табло. Неожиданно он встрепенулся, соскочил с места и почти побежал к лестнице, спускающейся в цокольный этаж.

И тут начальник САБа обнаружил изъян, который, изучая в первые дни работу видеокамер, не заметил. По обе стороны лестницы высились две опорные колонны длиной два метра и шириной сантиметров шестьдесят, так вот пространство с внутренней стороны колонн находилось в «мертвой» зоне. Марадинский завернул за колонну и исчез. Цокольный этаж, где находились туалеты, камеры совершенно намеренно не фиксировали.

Это, конечно, настораживало. Но насторожило что-то еще. Какая-то мелочь... нечто проскользнувшее... не зацепившее поначалу взгляд... однако вдруг царапнувшее.

Сергей снова прокрутил запись, на сей раз в медленном режиме... и вдруг заметил. Где-то совершенно по краю увидел часть граничащей с сектором прилета кофейни «У Рустама», а за столиком — начальницу VIP-зала Ольгу Валерьевну Егорову. У нее было не то, чтобы испуганное, но явно обеспокоенное лицо.

Дергачев включил запись с другой камеры, которая полностью захватывала кофейню, и с интересом принялся рассматривать.

Егорова пила кофе и вид имела вполне безмятежный. Ровно до того момента, пока не появился гендиректор. Вот тут-то ее лицо и приобрело обеспокоенность. Она схватила свою чашку и быстро переместилась вглубь, в полумрак, наполовину спрятавшись за искусственным деревцем.

Чего это она? И с какой стати там оказалась? В VIP-зале есть свое кафе, а у сотрудников в комнате отдыха — отличная кофе-машина. Впрочем, решил

Сергей, к делу это не имеет никакого отношения. Егорова уже покинула терминал, а Марадинский был еще вполне себе жив.

ГЛАВА 4

Муж ушел от Ольги Егоровой за неделю до 23 февраля. Вообще-то Ольга планировала отметить мужской праздник особым подарком — шикарным шелковым галстуком, специально купленным по заказу в Милане знакомой стюардессой. Уж в чем-чем, а в галстуках муж Артем прекрасно разбирался. Но, разумеется, не только в этом, а и в тонкостях фондового рынка, которым успешно занимался, работая в банке. Галстуки Артем любил, однако жену любил гораздо больше — по крайней мере, так всегда думала Ольга.

— Я от тебя устал, — сказал Артем.

— В каком смысле? — не поняла Ольга.

— В самом прямом. — Он тяжело вздохнул. — Мы женаты десять лет. И последние восемь лет ты меня постоянно изводишь.

— Я? Извожу?! — изумилась жена.

— Именно ты, — подтвердил муж. — А если не понимаешь, я тебе все четко изложу.

И он начал излагать — четко, по пунктам, как, вероятно, делал доклады в своем банке.

— Первые полтора года у нас не было проблем, хотя именно этот период один из самых сложных — люди друг к другу притираются, учатся жить семейным коллективом. Но у нас все было замечательно. И не только в совместной жизни. Именно тогда я перешел в другой банк, где меня по-настоящему оценили. А ты оставила свое загибающееся турбюро и перешла на работу в аэропорт, где тебя взяли в VIP-зал, то есть опять же по-настоящему оценили, в том числе за знание трех

иностранных языков. Потом ты заговорила о ребенке. Я не возражал. Но, видимо, возражал гипотетический ребенок, потому что он никак не зарождался. Ты начала нервничать, я тебя начал успокаивать. А затем ты отправилась по врачам. И ходила по ним, по всяким разным, год, и от всех слышала, что с тобой все в порядке. Разумеется, заподозрили меня, хотя я нисколько не сомневался, что и со мной все в порядке. Так и оказалось. У меня тоже ничего не нашли. Однако я по твоему настоянию вынужден был таскаться по врачам, по самым разным, и проходить через такие исследования... До сих пор вздрагиваю.

Артем действительно вздрогнул, его лицо передернулось гримасой.

— Но ведь ты тоже хотел ребенка... — осторожно напомнила Ольга.

— Хотел, — согласился Артем. — Но я совершенно не хотел идиотских расспросов и унижительных процедур. В результате и мне, и тебе сказали: успокойтесь, у вас все в порядке, рано или поздно получится. Но ты не собиралась успокаиваться. Ты жила, как будто напополам разрезанная: одна половина — нормальной женщины, а другая — вечно встревоженно-озабоченной страдальцы. Причем я видел в основном именно вторую половину.

— Неправда! — возроптала Ольга. — Я старалась тебе не досаждать.

— Старалась! — фыркнул муж. — Я что, не замечал, как ты постоянно маешься? Я не знал, как ты разыскиваешь, а потом бегаешь по всяким кудесникам-чудесникам? Я не видел, как ты потребляешь то таблетки, то непонятные травки-муравки, то прочую ерунду? Наконец ты нашла какого-то необыкновенного доктора с какими-то необыкновенными методиками. И ему, естественно, опять понадобился я.

— Ты упирался...

— Да, упирался! Но ты же была словно помесь удава с коброй: методично душила и одновременно кусала, выдавая все это за объятия и поцелуи. И я перестал упираться. И отправился к необыкновенному доктору. И опять вынужден был чувствовать себя подопытным кроликом. И снова без всякого нужного результата. А вчера ты уехала к родителям и забыла дома свой телефон. Позвонили с незнакомого номера, оказалось, из очередного медицинского центра, и предупредили, что тебе назначена консультация на следующей неделе. Вот, я все записал. — Артем вытащил из кармана листок и почти с отвращением сунул его Ольге. — И тогда я понял, что больше не хочу с тобой жить. Я устал от женщины, которая вполне нормальная на стороне и которая совершенно ненормальная со мной. Да, устал. И потому жить с тобой больше не хочу.

И муж ушел.

Вернее, не так — уйти пришлось самой Ольге. Потому что их квартира — хоть и двухкомнатная, но большая, в старом добротном доме в тихом центре, — была куплена Артему родителями за год до свадьбы. И Ольга ни на что претендовать не могла.

— Все-таки недаром твой муженек ценными бумагами занимается. Я слышала, там надо не только уметь четко рассчитывать наперед, но и чутье иметь. А у твоего муженька с этим полный порядок, — выдала заключение Нина Кондакова.

Она имела в виду как раз квартиру.

Когда Ольга выходила замуж, еще был жив дед, мамин отец, долгие годы проработавший авиационным инженером и обитавший (после смерти жены) один в двухкомнатной квартире в Авиагородке. Он-то и пристроил (пользуясь старыми знакомствами) внуч-

ку в аэропорт. Через два года после свадьбы дед умер, написав завещание на Ольгу, которая, вступив в наследство, предложила мужу сделать из двух квартир одну большей площадью, а главное — с дополнительной комнатой для будущего ребенка. Артем энтузиазм пригасил: «Тебе загорелось? Ты разве не знаешь: если продать квартиру менее, чем через три года, придется платить налог? Тебе хочется просто так, без особой надобности, подарить государству деньги?» Ольга этого не знала, ничего дарить государству не хотела и, действительно, особой надобности в том не имела: ребенок пока не намечался, а ей с Артемом вполне хватало существующего жилья.

Дедовское наследство удалось весьма быстро и разумно пристроить. Как раз пришла работать руководителем клининговой службы Нина Григорьевна Кондакова, которая с недавно женившимся сыном обитала на противоположном от аэропорта конце города и хотела снять что-нибудь небольшое и недорогое рядом с работой. Ольгина квартира показалась ей исключительно подходящей.

Поначалу Нина Григорьевна произвела странное впечатление — не то чтобы пугающее, но настораживающее.

На двенадцать лет старше Ольги, маленькая, тощенькая, с короткими темными волосами и почти черными, прямо-таки прожигающими глазами, Кондакова обладала громким властным голосом, быстрыми резкими движениями, а в целом характером, про который говорили, что ей бы войсками командовать.

Командовала Нина Григорьевна дворниками и уборщицами, людьми в массе своей весьма специфическими. «У меня самый тяжелый контингент», — заявляла она, и никто не возражал. Кондаковой вообще старались не возражать, особенно учитывая, что с ее появлением не

только здания, но и огромная аэропортовская территория стали содержаться в образцовом порядке, чего прежде отродясь не бывало.

Сам «контингент» Нину Григорьевну боялся до жути, однако относился к ней с большим почтением. Начальница своих подчиненных не только жестко держала в кулаке, но и этим же кулаком регулярно выбивала для них премии, льготы и прочие блага. Как не ценить? А то, что гоняет нещадно да периодически матом кроет, так это ничего — за дело, а не по злобе.

Вручая Нине Григорьевне ключи от квартиры, Ольга подумала: все-таки человек не сторонний, из своего коллектива, а поскольку чистотой заведует, и дедову квартиру в помойку не превратит. А то, что симпатий не вызывает... так с ней чай не пить и дружбу не водить. Квартирантка и есть квартирантка.

Вышло все, однако, иначе. Жесткая на работе Нина Григорьевна в личном общении оказалась женщиной вполне душевной и к тому же мудрой. В результате и чай они стали вместе пить, и от «выканья» с отчествами отказались, и вообще тесно сдружились.

На то, что Ольгу муж по сути выставил из дома, а Ольга теперь вынуждена выставить из квартиры Нину, Кондакова отреагировала спокойно:

— Не переживай. Я себе что-нибудь присмотрю другое.

— Да ты оставайся пока, подыщи себе подходящее жилье, хватит нам двухкомнатной квартиры, — обрадовалась Ольга тому, что у подруги нет обид. — А хочешь, вообще оставайся.

— Э-э-э... нет, — отказалась подруга, — я, знаешь ли, уже привыкла жить самостоятельно.

И буквально через неделю съехала. Вернее, поднялась на два этажа выше — в том же подъезде сняла однокомнатную квартиру.

— Твой муженек, конечно, очень дальновидный, — сказала Нина и смачно откусила кусок от жареного пирожка со щавелем.

Прежде Ольга даже не знала, что со щавелем можно делать пирожки, и они такие вкусные, а Нина пожарила, принесла и, можно сказать, открыла Ольге глаза.

— Он заранее все прикинул, — продолжила открывать глаза Нина, на сей раз на Артема. — Посуди сама: сколько стоит его большая «двушка» в хорошем доме в центре города? А сколько стоит твоя типовая «двушка» на выселках? — Нина покрутила головой, примеряясь к размерам кухни, на которой они пили чай и ели пирожки. — Несоразмерные цены. А теперь представь: он продает свое добро, ты свое добришко, и вы покупаете другую квартиру. А потом разводитесь. И что?

— Что? — переспросила Ольга.

— Новая квартира делится пополам. Потому как приобретена в браке. И никого не интересует, у кого какой был вклад первоначальный. Или его вовсе не было. Знаешь, есть такие хитрые девицы: выскочат замуж за мужика с квартирой, а потом начинают кланчить, дескать, давай эту продадим, купим получше... а потом — бац, подают на развод и половину оттяпывают.

— А хитрых мужиков не бывает? — мрачно спросила Ольга.

— Бывает, — легко согласилась Нина. — Но тебе, считай, повезло. Ты по крайней мере при своих осталась.

Ну да, при своих... Без ребенка... Без мужа... Но хотя бы с крышей на выселках...

Ольге очень захотелось заплакать. Но она, конечно, удержалась. Она всегда умела сдерживать эмоции...

Развели их быстро. А чего тянуть? Молодые, здоровые, детей нет, материальных претензий друг к другу не имеют.

— Удачи тебе, — сказал Артем на прощание и пошел в одну сторону.

— И тебе, — ответила Ольга и двинулась в другую.

Через несколько метров остановилась, оглянулась на удаляющуюся спину, удивилась... Совершенно чужая спина... совершенно незнакомого человека. И разом исчезли обида, недоумение, боль... Разом все исчезло. Словно не было десяти лет, в течение которых она считала, что любит мужа, а он любит ее.

...Тот день начался привычно. Около девяти Ольга приехала на работу, выслушала информацию старшего администратора Жанны, которая дежурила ночью. Все прошло спокойно, без проблем и даже мелких сложностей. А если бы они и возникли, Жанна бы все урегулировала наилучшим образом.

Вообще-то, когда три года назад уволился начальник VIP-зала, Ольга полагала, что это место Жанны — она считалась образцовой да к тому же наиболее опытной. Однако предложили Ольге, и та взяла сутки на размышление. Мысленно-то согласилась сразу, но не могла не переговорить первым делом с Жанной — чувствовала себя неловко, словно неведомым образом подсидела более достойного, а неловкости уж слишком не хотелось.

«Не морочь себе голову! — отмахнулась Жанна. — Мне это первой предложили, но я отказалась и назвала тебя. Пойми, меня вполне устраивает моя должность, а стать начальником — значит навесить на себя дополнительную ответственность, дополнительную нервозность и ненормированный рабочий день. А мне нужен четкий график — у меня два сына подростка, мне за ними приглядывать надо».

Ну да, подумала тогда Ольга, у Жанны дети, а у нее самой их нет, поэтому вполне может работать не по графику, а как потребуется.

В девять утра началось селекторное совещание. Единственной ожидавшейся проблемой стало опоздание московского рейса и скорость разгрузки багажа с учетом прилетающего почти встык рейса из Петербурга. Впрочем, подобные накладки возникали с разными рейсами регулярно, так что их вполне можно было провести по разряду текущих осложнений.

Для Ольги это в данном случае вообще ничего не значило — с московского рейса никто не зарегистрировался в VIP-зале. Такое тоже случалось. Вот на вылет люди были почти всегда. Оно и понятно: ведь как обычно происходит, особенно если самолет большой? Сначала надо отстоять в очереди, чтобы через досмотр пройти в сам терминал. Затем отстоять очередь на регистрацию, самому тягать на весы и на ленту багаж. Потом тащиться в «чистую зону», где опять проходить досмотр (причем с особой тщательностью). После болтаться в ожидании приглашения на посадку. Снова стоять в очереди на эту самую посадку. Загружаться в самолет, тесниться и толкаться, терпеливо ожидая, когда, наконец, все рассядутся. А если еще рейс международный!.. Тут совсем измаетесь, пока пройдешь таможенников, а прежде всего — паспортный контроль: пограничников сроду не хватало, и тут «хвосты» тянулись, как в советское время в Мавзолей.

Иное дело — в VIP-зале. Прошел через рамку металлоискателя, багаж через сканер пропустил — и отдыхай в удобных креслах без суеты. Потому как все в одном месте: и регистрация, и досмотр, и условная «стерильная зона», и пограничный контроль с таможней — без очередей и хлопот. А затем пригласят в специальный

автобус и доставят в самолет перед самым вылетом — когда другие пассажиры уже рассядутся.

Ну да, такое обслуживание стоит денег. Но если эти деньги есть да еще и статус хочется соблюсти, то зачем отказывать себе в повышенном комфорте?

Вот на прилете можно и сэкономить, особенно если это внутренние рейсы, а с собой лишь ручная кладь. Впрочем, и багаж обычно выдавали без больших задержек, при этом никаких регистраций и проверок. Те, кто улетали через VIP-зал, нередко возвращались как «простые смертные».

Сегодня на московском рейсе все записались в «простые смертные», в отличие от питерского рейса. Тут зарегистрировались семеро, причем четверо — французы. Вероятно, их кто-то должен был встречать, однако явно за дверями VIP-зала, поскольку заявки ни от кого не поступало — встречающие за свое ожидание в VIP-зале тоже должны были платить. Ольга прикинула, что французам вполне может понадобиться помощь, а французский язык знала только она. Однако до посадки самолета из Питера оставались еще полчаса, и она решила сходить к Рустаму.

Этот большой тучный мужчина лет шестидесяти уже много лет держал в аэропорту кофейню — в пассажирском терминале, рядом с сектором прилета и выдачи багажа. Работал он вместе с четырьмя сыновьями и невестками, а называлась кофейня вполне конкретно — «У Рустама». Кофе здесь был дорогой, однако Ольга считала, что нигде его не готовят так вкусно, как тут, — даже в Италии, где он прекрасен и в шикарном ресторане, и в деревенской забегаловке.

Ольга приложила электронный ключ к двери, которая напрямую открывала путь из VIP-зала в пассажирский терминал и которой пользовались лишь сотрудники, и сразу попала из уютной тиши в шумную многолюд-

ность. И почти машинально подумала: чтобы постоянно работать в пассажирском терминале, надо иметь крепкие нервы. Сама она, разнеженная умиротворенностью VIP-зала, наверняка бы одурела через два дня.

— О! Ольга Валерьевна, здравствуйте, красавица! — расплылся в широченной улыбке Рустам.

Из-за его спины выглянул один из сыновей и приветственно помахал рукой.

Ольгу здесь хорошо знали и относились с искренней симпатией. Начальница, а любезная, без фанаберии, не гнушается из своего зала для важных персон ходить в кофейню для обычного люда — так считало семейство Рустама и даже этим периодически хвасталось. Ее с радостью поили бы кофе бесплатно (и неоднократно предлагали), однако Ольга неизменно отказывалась, принимая лишь то, что кофе ей готовили с особым старанием.

— Мне привезли такой кофе!.. О!.. — причмокнул Рустам. — Я его не для продажи, для себя оставил. Вам, моя красавица, сейчас сделаю на песке...

— Захлебнетесь от удовольствия! — вклинился сын, и отец поморщился:

— Фу ты, что такое говоришь... Зачем захлебываться? Не надо. Надо удовольствие получить!

— Обязательно получу, — не усомнилась Ольга и пристроилась на диванчик рядом с входом в кофейню.

Она пила превосходный кофе и наблюдала, как рядом снуют люди — очевидно, в основном встречающие, причем не только московского, но и питерского рейсов. Наблюдать за людьми было любопытно — попадались довольно занятные экземпляры.

Вот девушка... Как будто сделанная на 3D принтере, по точным параметрам глянцевых журналов. Наверное, сама природа сделала ее симпатичной, но теперь подлинность понять было сложно. Особенно впечатляли ресницы — наращенные с таким размахом, что, каза-

лось, они в любой момент отвалятся под собственной тяжестью и рассыплются густым ворсом по груди. Грудь тоже была сделана с размахом, так что ни одна ворсинка не упала бы на пол.

Или мужчина... С красивой атлетической фигурой, плотно упакованной в тугие джинсы и короткую куртку из тонкой синей кожи. Лицо у мужчины тоже было красивое, но... чем-то отталкивающее. Скорее всего, из-за холодного высокомерного взгляда и презрительно искривленного рта.

Или женщина неопределенного возраста, сидевшая в одном из кресел... На ее коленях лежал ребенок, вернее, атласный конверт, в какие укладывают младенцев, но рассмотреть малыша было невозможно: его личико прикрывала кружевная накидка. Мальчик это или девочка тоже не угадывалось — конверт был не голубого (для мальчиков) и не розового (для девочек), а какого-то бледно-зеленого цвета. У Ольги это вызвало печальный вздох — она тоже хотела бы держать на руках такой конверт. Хотя женщина всего лишь придерживала ладонью атласный сверток, который лежал на ее коленях, словно красиво упакованное бревно, и лицо у нее было отрешенно-равнодушное.

У Ольги женщина вызвала недоумение, граничащее с неприязнью (неужели не понимает своего счастья?), и она принялась рассматривать бабульку — маленькую, худенькую, похожую на мошку. Бабулька суетливо сменила перед креслами и безостановочно крутила головой, словно что-то постоянно высматривая. Тоненькими пальчиками она держала огромный гладиолус, который все норовил выпасть из ее крошечных ручонков.

И он все-таки выпал — прямо под ноги сидящему в кресле парню в бесформенных штанах и такой же бесформенной куртке с большим капюшоном, наброшенным на голову. Парень, похоже, дремал, свесив голову

на грудь, — края капюшона занавешивали почти поллица. На гладиолус он внимания не обратил, и бабулька, с удивительной шустростью и подвижностью в спине, нагнулась, подхватила цветок и принялась сдувать с него невидимую пыль.

Мимо пронеслась главный борец с пылью и всякой грязью Нина Кондакова. Ольгу она не заметила. Зато спустя пару минут сама Ольга заметила генерального директора. Он шествовал (иначе и не скажешь), придирчиво (опять-таки иначе не скажешь) оглядывая вверенные ему владения.

Если бы Ольга вот так увидела прежнего директора, отнеслась бы к этому совершенно спокойно. Прежний не имел привычки вникать во всякие мелочи и держать всех под контролем — его интересовал конечный результат и за него он спрашивал строго. Иное дело директор нынешний: он влезал во всякую щель, стараясь цепко отслеживать каждый шаг подчиненных. Ольга помнила, как Огородов явился к ней с инспекторской проверкой. Не только потребовал, чтобы ему представили всю (до мельчайших подробностей) схему работы VIP-зала и каждого сотрудника, но и тщательно обследовал все закутки, включая служебные помещения и даже женский туалет. «Не обращай внимания! — успокоила тогда Нина Кондакова. — Человек новый, хочет тщательно разобраться, вникнуть. Освоится — успокоится, перестанет мозг выносить».

Огородов работал всего два месяца, пока не успокоился, и Ольга решила, что незачем ей попадаться на глаза директору, который запросто может мозг вынести: с какой стати начальница VIP-зала в разгар рабочего дня расслаживается в кофейне пассажирского терминала?

Спасаться бегством было поздно, но имелся путь к отступлению: Ольга подхватила чашку и быстро переместилась в глубь кафе, за столик рядом с искусст-

венным деревцем. Деревце, с довольно реденькими веточками и мелкими листиками, было, конечно, весьма жалким укрытием, но хоть что-то. Опять же директору, чтобы пройти мимо кофейни, хватило бы тридцати секунд, и вряд ли он стал бы рассматривать, кто там кофе попивает. Однако же Огородов, уже почти скрывшийся с Ольгиных глаз, вдруг притормозил, пропуская дружно устремившихся из сектора выдачи багажа пассажиров московского рейса.

Для Ольги уже настала пора возвращаться к себе (рейс из Питера был на подходе), и она вдруг подумала, что выйдет скверно, если директор так и останется здесь стоять с намерением проконтролировать оперативность работы багажного отделения. Однако подобное в планы директора, судя по всему, не входило, поскольку он двинулся вперед, но ровно на один шаг, так как на него буквально наехала огромным чемоданом могучая бабища. С ног, конечно, она директора не сбила, но Огородов резко шарахнулся назад и налетел спиной на проходившего сзади парня. Парень дернулся, то ли оттолкнул, то ли придержал спину Огородова и продолжил путь. Похоже, он не собирался обращать внимание на столь мелкий инцидент. Бабища же свой наезд вообще проигнорировала — даже не глянула в сторону директора. Зато тот с недовольным видом принялся рассматривать свой ботинок из светлой замши, на котором явственно отпечатался след чемоданного колеса.

Ольга внимательно следила за директором, прикидывая, что, если он сейчас не уйдет, ей придется нарушить конспирацию. Но Огородов, раздраженно мотнув головой, быстрым шагом направился к дальнему выходу из терминала. А Ольга, кивнув на прощание Рустаму, бегом понеслась в свой VIP-зал.

Французам, прилетевшим из Питера, никакие переводческие услуги не понадобились. Один из них весьма

бойко изъяснялся по-русски, и Ольга подумала, что напрасно она нервничала-торопилась — вполне обошлись без нее.

А потом понеслось...

Сначала поступила внутренняя информация о мертвом человеке, найденном в туалете.

Вскоре она разнеслась по интернету, в том числе в виде записей с мобильных телефонов, запечатлевших, как из цокольного этажа выносят прикрытое накидкой тело.

Довольно быстро интернет загудел предположениями: судя по количеству полицейских, в том числе больших начальников, собравшихся в аэропорту, человек был убит.

Еще через некоторое время стало известно: действительно убит, и это директор страховой компании «Гранит» Эдуард Борисович Марадинский.

Услышав фамилию, Ольга ахнула. Марадинского она прекрасно знала. Он регулярно летал, обычно в Москву, и всегда пользовался услугами VIP-зала.

ГЛАВА 5

— Аркаша, только прошу: помни о своих обещаниях! — почти умоляюще воскликнула Софья Михайловна Казик.

— Ну что ты, душенька! Я ни в коем случае не буду объедаться! Ни одной лишней калории! — пылко (хотя и лицемерно) заверил Аркадий Михайлович.

— Я не только о твоём обжорстве, — вздохнула сестра. — Я о твоём обещании быть осторожным и не лезть, куда лезть не обязательно. Ты же пойми, Аркаша, они люди в погонах, у них своя компания, причем московская, а ты для них посторонний человек, которым они просто хотят попользоваться. И другого дела им до тебя

нет. И вообще... чужой город. Непонятно, как ты там устроишься...

— Меня обещали там встретить и прекрасно устроить! — столь же пылко (и на сей раз без всякого лицемерия) вновь заверил брат. — Я буду жить в гостинице при аэропорте, очень хорошей, как меня заверили, гостинице. К тому же Борис Борисович мне дал телефон полковника Купревича. В общем, никаких проблем.

— Ну, не знаю... В любом случае ты должен каждый день выходить со мной на связь.

— Всенепременно! — ободряюще улыбнулся Аркадий Михайлович, получив в ответ скорбный взгляд.

Никакого оптимизма Софья Михайловна не разделяла. Впрочем, как всегда, когда любимый брат ввязывался в очередную (по мнению сестры) криминальную авантюру...

Казик прилетел в Губернск ранним утром.

— Уважаемые пассажиры, просим вас оставаться на своих местах до полной остановки самолета и подачи трапа. На выход мы вас пригласим, — традиционно предупредил голос стюардессы.

И тут же (опять-таки традиционно) основная часть пассажиров шумно задвигалась, принялась вылезать из кресел, доставать с верхних полок свои вещи... Все загалдели — словно стая птиц, заведших, наконец, родное гнездовье.

Вопреки большинству, Аркадий Михайлович суесться не стал. Какой смысл? Можно подумать, если он не будет толкаться в проходе и пробиваться к выходу, его оставят в самолете на всю оставшуюся жизнь.

Он сидел около иллюминатора и спокойно наблюдал, как подкатил трап и почти тут же подъехала черная легковая машина, из которой выскочила девушка в форме сотрудницы аэропорта. Через минуту девушка уже

оказалась в салоне, что-то сказала стюардессе, и через громкоговоритель раздалось:

— Аркадий Михайлович Казик. Просим вас пройти на выход.

Пассажиры принялись крутить головами, и Аркадий Михайлович начал протискиваться между стоящими в проходе людьми, ощущая на себе неодобрительные взгляды. Можно подумать, их собирались оставить в самолете.

Казик и девушка спустились на перрон, сотрудница аэропорта распахнула дверь автомобиля:

— Прошу вас...

— С чем связано такое внимание? — удивился Аркадий Михайлович, усаживаясь на заднее сидение.

— Ну как же? — удивилась в свою очередь девушка. — Вы же идете через VIP-зал. С этого рейса вы один, а было бы несколько человек, подали бы микроавтобус. Вас уже встречают. И чемодан ваш сейчас доставят.

«Зря Софочка беспокоилась, меня не просто встречают, а прямо как очень важную персону. Надо ее успокоить», — подумал Аркадий Михайлович, прекрасно понимая: меньше всего сестра волнуется по этому поводу, чай, не дитя малое, на улице не потеряется.

— Вот ваш встречающий, — сообщила девушка, когда они оказались внутри VIP-зала (как успел заметить Казик, весьма респектабельного и одновременно уютного) и, кивнув в сторону полицейского, который что-то весьма энергично рассказывал сотруднице в форменной рубашке с надписью «САБ», с едва уловимой, но все же иронией окликнула: — Товарищ офицер, отвлекитесь, пожалуйста, ваш гость прибыл.

Полицейский отреагировал мгновенно — подскочил к Казику и отрапортовал:

— Старший лейтенант Севастьян Гаврюшин! Получил приказ вас, Аркадий Михайлович, встретить!

Это был невысокий крепыш с несколько простоватым, но симпатичным круглым лицом, светлыми коротко стриженными волосами и веселыми голубыми глазами. В советское время таких любили изображать на плакатах, посвященных молодым передовикам производства.

— Здравствуйте, Севастьян... э-э-э... не знаю вашего отчества, — поприветствовал Казик.

— Да можно без отчества, — отмахнулся парень. — И вообще можете просто Севой звать, нам с вами теперь постоянно общаться придется. Меня вроде как к вам приставили.

— В каком смысле — приставили? — не понял Аркадий Михайлович.

— Ну-у-у... С вами, конечно, напрямую работать будет сам московский полковник Купревич. А я вроде как в помощниках у вас буду. Вы тут человек новый, а я в аэропорту уже пять лет, в ЛОВД служу. То есть в линейном отделе внутренних дел. Я здесь каждый угол знаю. Вот и буду помогать... по разным вопросам.

Гаврюшин с откровенным любопытством оглядел Казика с головы до ног и улыбнулся — как показалось Аркадию Михайловичу, совершенно искренне.

— Давайте тут присядем, подождем ваш чемодан, а я вам план действий изложу. — Гаврюшин кивнул в сторону дивана, расположенного в углу.

— Прямо целый план действий? — хмыкнул Казик, усаживаясь на диван.

— Ну конечно! — не уловил иронии старлей. — Прежде всего...

В этот момент из глубин куртки Казика раздался телефонный звонок. Аркадий Михайлович принялся рыться во внутренних карманах (их было аж четыре штуки), не с первой попытки извлек трубку и тут же начал оправдываться:

— Софочка, дорогая, я, можно сказать, только приземлился. Ну да, ну да... не сию минуту... Но я никак не мог позвонить тебе сразу же... Вот именно потому, что меня сразу же встретили... Я потом объясню... Конечно, конечно, все в порядке... Извини, пожалуйста, душенька.

Казик облегченно выдохнул. Об обещании позвонить сестре сразу после приземления он попросту забыл. Но исключительно потому, что его действительно тут же встретили, причем словно дорогого гостя, чего он не ожидал. Так что в своем оправдании ничего не наврал.

— Жена? — проявил неделикатное любопытство Гаврюшин.

— Сестра.

— Ну надо же! — посочувствовал старлей. — Прямо как моя сестрица. Она на пятнадцать лет старше и все пытается меня на коротком поводке держать. Я, правда, этот поводок регулярно перегрызаю, но она тут же новым обзаводится. И я еще понимаю: своей семьи у нее не было бы. Так нет же! И муж, и двое пацанов, а все равно меня пытается постоянно под контролем держать. Родители давно ее шпыняют, дескать, я не мальчик, двадцать восемь лет, пора от меня отстать, а она не унимается. Говорит, что они, родители, слабохарактерные, а мне пусть и двадцать восемь, и в полиции я служу, а все равно нечего мне давать особую вольницу. Типа того, что я запросто еще могу всяких глупостей надевать. И уже натворил по полной, потому что после юридического факультета не в контору какую-нибудь цивильную устроился, а в полицию пошел, и это есть моя глупость.

— Моя сестра тоже очень недовольна, что я, кандидат психологических наук, причем с хорошей и вполне цивильной работой, имею дело с полицией.

— Так вы психолог? — изумился Гаврюшин.

— Совершенно верно.

— Ну надо же... Мне ведь сказали, что прилетает очень важный эксперт...

— Вы разочарованы? — спросил Казик.

— Никак нет! — опомнился старлей. Разочароваться он еще не успел, но удивился сразу, как только увидел этого большеногого вихрастого толстяка, которого совершенно невозможно было представить в мундире. — У меня приказ вам помогать! — отчеканил он. — И я...

— Вы должны мне изложить план действий, — напомнил Казик.

— Так точно! — явно обрадовался возможности ловко выскользнуть из неловкой ситуации Гаврюшин. — Значит, прежде всего мы с вами пройдем в бюро пропусков. Это рядом, где проходная в производственную зону. Там вас сотрудник САБа, то есть Службы авиационной безопасности, сфотографирует и выдаст вот такой пропуск. — Он извлек из кармана пластиковую карточку со своей фотографией, фамилией, именем и отчеством, какими-то цифрами и знаками. — Это электронный пропуск. Тут на разных входах аппараты специальные стоят, будете к ним пропуск прикладывать и проходить, куда надо.

— А разве охранников на ваших проходных нет? — Казик покосился на двух женщин в форме САБа, стоящих у входа в VIP-зал около рамки металлоискателя.

— Есть, — сказал Гаврюшин. — Но люди — живые, поэтому не слишком надежные. А техника не устанет, не отвлечется, не схалтурит...

— Но она может сломаться.

— Поэтому к ней люди приставлены. Все друг друга страхуют, — веско изрек старлей и вдруг воскликнул: — Вот и ваш багаж доставили!

Из глубин зала показалась девушка с чемоданом. Гаврюшин перехватил чемодан за ручку и, не дав Ка-

зику даже прикоснуться к собственному добру, пока-
тил чемодан к выходу. Аркадий Михайлович засеменял
следом.

Бюро пропусков действительно находилось побли-
зости — в небольшом павильоне рядом с огромными
широченными воротами, которые открывали путь на
большую (глазом не окинешь) территорию, огорожен-
ную забором с остроконечными прутьями.

— Там производственная зона, — пояснил Гав-
рюшин. — Пешком обходить — ноги сотрешь. А вот
это, — он показал через забор на стоящие поблизости
от ворот два одинаковые двухэтажные здания, — наше
ЛОВД и САБ. Соседствуем, так сказать.

Женщина в бюро пропусков пощелкала клавишами
компьютера, произнесла сухо:

— Казик Аркадий Михайлович. Есть соответствующее
распоряжение. — Потом вдруг с некоторым недоумением
приподняла брови и добавила: — С литерой «А».

— Верно, — подтвердил Гаврюшин.

— Вы, Аркадий Михайлович, пожалуйста, сядьте
вот сюда, я вас сфотографирую, — произнесла женщи-
на уже не сухо, а с неким проблеском любезности. —
Смотрите прямо... голову чуть левее... хорошо... А те-
перь прошу ваш паспорт... Подождите, пожалуйста,
несколько минут в коридоре, там есть стулья, я сделаю
пропуск.

— А что такое литера «А»? — понизив голос, заинт-
ригованно спросил Казик и оглядел пустой коридор.

— Это «вездеход», — тоже понизил голос старлей. —
Это значит, вы можете со своим пропуском проходить
везде, в любое время, даже в помещение аэронавига-
ции и на перрон через пограничный контроль, ну то
есть, считайте, через границу туда-сюда запросто може-
те ходить. У меня, например, такого пропуска нет. Та-
кой пропуск требует особых согласований, в том числе

с ФСБ. Полковник Купревич, видать, очень большой человек, смог так быстро вам «вездеход» организовать.

— А зачем мне аэронавигация? Это ведь там сидят авиадиспетчеры? — проявил осведомленность (впрочем, всего лишь теоретическую, где-то вычитанную) Казик.

Гаврюшин неопределенно пожал плечами:

— Ну, мало ли...

Через несколько минут женщина вынесла пластиковую карточку на плотной синей ленте со словами:

— Вам лучше на шею повесить. И удобно, и всегда под рукой, и не потеряете.

Аркадий Михайлович повертел в руках свой электронный пропуск с красной буквой «А» в верхнем углу и набросил на шею ленту.

— Моя любимая погода! — сладко вздохнул Гаврюшин, когда они вышли на улицу. — Начало сентября... золотая осень... Сейчас бы по лесу гулять...

— А вы вынуждены гулять со мной. — Казик посмотрел на желто-красно-зеленый лесок, который тянулся вдоль одной стороны дороги из аэропорта.

— Ну чего уж вынужден... — смутился Гаврюшин. — Мне, между прочим, не приказали, а предложили. Дескать, прилетит эксперт, надо ему помогать, ну и все такое прочее. А мне интересно. Мне вообще новые люди интересны. Особенно если эксперты. Я, правда, не знал, что вы, оказывается, психолог.

— А знали бы — отказались?

— Зачем? Психология — это интересно... Я вот и сам последние дни думаю: с чего бы вдруг этого мужика прирезали именно в аэропорту... — старлей осекся, заговорил деловито: — Сейчас я вас в гостиницу устрою. Это близко. Вон видите? — Он ткнул пальцем в сторону отделанного голубым пластиком семиэтажного здания, расположенного метрах в трехстах за шлагбаумом, открывающим въезд на привокзальную

площадь. — А вот это, — Гаврюшин кивнул в сторону пятиэтажного здания из белого кирпича, стоящего сразу за шлагбаумом, — административный корпус. Здесь все аэропортовское начальство сидит и еще кое-какие службы. И тут место для москвичей выделили, на втором этаже, конференц-зал освободили. Я вас туда провожу. Но сначала в гостиницу, мне велено вас сначала на постой устроить.

Для гостиницы, предназначенной не для проживания, а для пережидания, предоставленный Казику номер оказался очень даже приличным. Выдержанный в бежево-коричневых тонах, с отделанным песочного цвета плиткой санузлом, обставленный с явным пониманием потребностей постояльцев: с достаточно широкой кроватью, шкафом, двумя стульями, небольшим креслом, компактным холодильником, длинным (вдоль стены) столом, на котором стояли телевизор, чайник и еще оставалось много свободного места. Единственным предметом, явно выпадавшим из общей гармонии, был сейф — примерно метр высотой и полметра шириной, выкрашенный темно-зеленой кое-где облупившейся краской, втиснутый между столом и шкафом.

— Да вот, сейф принесли, с кодовым замком, — перехватил взгляд Аркадия Михайловича Гаврюшин. — А как же? Вам ведь могут дать какие-то особые документы... А вот это карточка на питание. — Севастьян сунул руку в карман и извлек пластиковый прямоугольник. — В ресторане гостиницы и в кафе в административном корпусе у вас по ней будет скидка. Аж тридцать процентов! А в терминалы не ходите, там жутко дорого. Начальство местное в основном в административном корпусе питается, но я вам сильно советую: идите в нашу столовую. Обычную столовую для самых рядовых. Она в промзоне, сразу за зданиями ЛОВД и САБа, я их вам показывал.

— А зачем мне идти куда-то в столовую, когда я могу вот здесь, поблизости? Тем более со скидкой? — заинтересовался Казик.

— Ну-у-у... — разулыбался, причем с некоторой гордостью Гаврюшин, — здесь, конечно, по ресторанному, но в столовой гораздо дешевле, а главное — гораздо вкуснее!

— Неужели? — В последние годы Аркадий Михайлович в разных местах питался, но вот обычными столовыми даже не интересовался.

— Это вы напрасно, — укоризненно произнес Гаврюшин. — Эта столовая у нас наследственная. Ею лет пятнадцать Дарья Андреевна заведует. А до того ее мать, лет двадцать пять командовала. Дарья Андреевна говорит, что столовая — это фамильная гордость! И уж вы мне поверьте, там полный порядок, и еда, конечно, пусть без ресторанных наворотов, но совершенно домашняя. Очень вкусная еда, и порции большие. И работает круглосуточно. Хотя... — он пожал плечами, — вы сами решайте. И — да, для тех, кто живет в гостинице, с половины восьмого до половины одиннадцатого утра завтраки бесплатные. Вот, кстати, — старлей глянул на часы, — вы еще запросто успеете позавтракать.

— А вы сами-то позавтракать успели? — привычно озаботился чужим желудком Аркадий Михайлович.

— Я совсем не голодный... — замялся Гаврюшин.

— Тогда мы пойдем в ресторан вместе! — сделал свой вывод Казик.

— Но... вы уж сами... а я потом в столовую схожу...

— Даже не вздумайте возражать! Я вас приглашаю, и я оплачиваю, — пресек попытку протеста Казик. — Во-первых, я могу себе позволить. А во-вторых, мы ведь теперь вроде как напарники, а нет лучшего способа поближе познакомиться, нежели совместная трапеза. Уж вы мне поверьте, — назидательно сказал Аркадий

Михайлович. — Но Севой я вас звать не буду. Мне больше нравится Севастьян.

Гаврюшин пожал плечами: Севастьян, так Севастьян, он ведь хотел как проще.

В ресторане совсем не голодный старший лейтенант съел яичницу из трех яиц с беконом, порцию блинчиков с мясом, бутерброд с соленой рыбой и выпил большую чашку кофе с двумя небольшими сладкими булочками. Вообще-то он намеревался поесть скромно (исключительно из деликатности), однако под напором Казика сдался (позавтракать с утра не успел), впрочем, и недавно обретенный напарник по части личного потребления еды тоже действовал с размахом.

— Моя сестра Софочка постоянно пытается держать меня на диете, — пожаловался Аркадий Михайлович. — Так я хоть на воле почувствую себя человеком.

И он с удовольствием погладил себя по животу.

«А мужик, похоже, нормальный», — подумал Гаврюшин. Впрочем, он с самого начала ничего плохого не думал. Он вообще с самого начала старался ничего плохого о людях не думать, хотя сестра постоянно каркала, дескать, скоро у брата начнется профессиональная деформация, и он будет в каждом подозревать преступника. За пять лет службы Севастьян таких, с профдеформацией, повидал немало, даже можно сказать — очень много, и всячески пытался не встать в общий строй.

«А парнишка, похоже, неплохой», — прикинул Казик, сделал последний глоток кофе, и тут же в его кармане раздался звонок.

— Аркадий Михайлович, здравствуйте.

— Олег Романович? — Казик глянул на экран телефона, где высветился номер полковника Купревича.

— Совершенно верно. Надеюсь, вас хорошо встретили, вы успели устроиться в гостинице и позавтракать?

У полковника был красивый мягкий голос — прямо

шелк с бархатом. Казик подумал, что таким голосом хорошо рассказывать сказки на ночь детям или обольщать чувствительных дам. Но сам он не был ни ребенком, ни дамой, а потому насторожился: таким голосом в кино говорят умные хитрые следователи.

— Меня прекрасно встретили, я замечательно устроился в гостинице и только что позавтракал, — придал шелковистость-бархатистость своему голосу Казик.

Хотел добавить пару одобрительных слов про Гаврюшина, но осекся. Кто знает, как отреагирует полковник?

— Ну коли вы освободились, я попрошу вас пожаловать ко мне. Старший лейтенант проводит, — с подчеркнутой церемонностью произнес Купревич.

У входа в конференц-зал, где разместились московская оперативно-следственная группа, стоял полицейский. Он въедливо зыркнул на Аркадия Михайловича и приветственно кивнул Гаврюшину:

— Вас ждут.

В большой комнате со сдвинутыми в сторону креслами, экраном на стене, несколькими явно принесенными откуда-то столами с компьютерами и прочей (включая бытовую) техникой, а также длинным столом для заседаний сидели четыре человека. Они мельком глянули на вошедших и продолжили заниматься своими делами.

У дальней стены виднелась дверь, за которой находилась узкая комната (из тех, что в былые времена называли «комнатой президиума»), в торце стоял стол, а рядом со столом — мужчина.

— Свободен, — кивнул он Гаврюшину и, едва ли не распахнув объятия, двинулся навстречу Казiku. — Я рад вас видеть, Аркадий Михайлович!

Внешне полковник Купревич меньше всего походил на человека в погонах, а больше всего — на университетского профессора начала прошлого века (по край-

ней мере, как их нередко изображали на фотографиях). Среднего роста, в неброском аккуратном костюме, с тщательно подстриженными темными (с легкими серебристыми прожилками) волосами, приятным, исключительно интеллигентным лицом. Вот только глаза... Прикрытые прозрачными линзами очков в тонкой золотистой оправе, эти глаза были словно многослойными. Верхний слой — любезный и почти ласковый. За ним — умный и весьма въедливый. Еще глубже — решительный и даже жесткий.

«А ведь он может быть очень опасным человеком», — подумал Казик.

ГЛАВА 6

Валерий Леонидович Огородов считал, что вылепил свою судьбу исключительно сам, и был в принципе прав. Он родился в небольшом городке на Волге в благополучной, но совершенно обычной семье рядовых инженеров. И уже подростком понял: его никто не возьмет за руку и не поведет в светлые дали. Эти самые дали представлялись ему без особых вычурностей: интересная работа, хорошая карьера, материальное благополучие и достойная семья. Вполне разумные желания, которые, однако, ему никто не собирался просто так исполнять, — увы, волшебники нигде не просматривались.

После школы он не стал замахиваться на Москву или Петербург (хотя хотелось) и отправился в областной центр с четкой задачей: поступить в университет экономики и финансов. Именно такое образование ему казалось наиболее перспективным. Конкурс был большой, но Валерий тщательно готовился последние два школьных года и поступил с первого захода, причем на бюджетное место — платное образование его семья не смогла бы потянуть.

На последнем курсе он начал активно подрабатывать в небольшой фирмочке, куда и трудоустроился сразу после окончания вуза. Года через два перешел уже в достаточно большую и серьезную фирму. А потом (не просто так, а выдержав самый настоящий конкурс!) — в крупную респектабельную компанию с разветвленной сетью, соответствующим влиянием и большими перспективами.

Здесь он проработал восемь лет, дойдя до должности начальника одного из самых ведущих отделов, с совершенно ясной перспективой получить пост замдиректора. Однако все закончилось мгновенно — умер от инфаркта основатель и главный руководитель компании. И как часто случается в российском бизнесе, потеря хозяина приводит к крушению всего дела, что и случилось в течение года. Но, будучи хорошим экономистом, Валерий это понял уже через пару месяцев, глядя на неумелую суету и шараханье в разные стороны сына и наследника. А будучи человеком, который не рассчитывал на везение, полагаясь исключительно на себя, начал активно искать новое место работы.

И тут ему повезло. Пожалуй, впервые просто так — манна небесная на голову упала. Оказалось, что он очень удачно женился.

Вообще-то к тому времени он был женат уже достаточно давно. Причем женился по искренней любви — никаких заманчивых перспектив ему Маша не сулила. И познакомились они случайно — при обстоятельствах в некотором смысле печальных.

Стоял конец ноября — отвратительное время, когда еще не наступила настоящая зима, но уже образовалась снежная каша с предательскими наледями. Валерий возвращался с работы в десять вечера, срезая путь до съемной квартиры через сквер. Он был погружен в свои производственные проблемы и не обратил вни-

мания на девушку, которая шла метрах в пятнадцати впереди. Впрочем, девушка это или юноша, со спины было и не понять: брюки, толстая куртка, вязаная шапочка, спортивная сумка через плечо. Просто человек. Обратил внимания он только тогда, когда человек вдруг словно подпрыгнул, вскрикнул тонким голосом и неловко завалился на бок. Вообще-то Валерий уже свернул на тропинку между кустов, чтобы, преодолев невысокое ограждение, оказаться как раз напротив собственного дома. Но остановился, огляделся, нет ли других прохожих, убедился в безлюдности сквера, посмотрел, не поднимется ли человек, однако тот продолжал лежать на боку, неловко подвернув под себя ногу, и Валерий с недовольным вздохом изменил маршрут.

Это была девушка — как потом выяснилось, вполне симпатичная, но тогда Валерий ее симпатичности не очень заметил, уж слишком страдальческим было ее лицо.

— Я, кажется, ногу сломала, — простонала девушка. — И телефон дома забыла.

— Я сейчас вызову вам «скорую», — пообещал Валерий и принялся ждать врача. Ну а что поделаешь, если у девушки нет телефона?

«Скорая» приехала достаточно быстро, и Валерий вполне мог считать себя свободным. Однако все же отправился в больницу, объяснив самому себе, что у девушки, назвавшейся Машей, нет телефона, она не сможет связаться с кем нужно... хотя на самом деле эта девушка его чем-то зацепила.

Случайная встреча через полгода завершилась свадьбой. Впрочем, чистым везением это никак нельзя было назвать — Валерий все-таки приложил определенные усилия, а мог просто свернуть на другую дорожку и не иметь никаких хлопот.

Удивительно, но ровно через пятнадцать лет после встречи с Машей в таком же ноябре, в то же самое ве-

чернее время и на том же самом месте произошла аналогичная ситуация. Огородов уже давно жил в другом районе города, оказался в безлюдном сквере случайно и заметил старика, завалившегося на скамейку. Одежда старика была перепачкана грязным снегом, и сначала Огородов принял его за пьяного, хотел свернуть в сторону, но что-то «толкнуло», и он подошел поближе. У старика было белое лицо, его рука цеплялась за левый борт пальто.

— Сердце... — прошептал старик.

— Я сейчас вызову вам «скорую», — пообещал Огородов и принялся ждать врача. Ну а что поделаешь, если старик был совсем никакой?

«Скорая» опять появилась достаточно быстро, но на сей раз Валерий уже не собирался ехать в больницу.

— Пожалуйста, позвоните внучке... — с трудом проговорил старик и, тяжело дыша, продиктовал номер.

Огородов забил номер в свой телефон и, узнав, в какую больницу отвезут пациента, почти сразу позвонил.

Похоже, старика уже успели потерять, потому как внучка откликнулась нервным голосом, принялась взволнованно выяснять подробности, поспешно благодарить. Вернувшись домой, Валерий все рассказал жене, та подивилась совпадению, но, в отличие от истории с Машей, историю со стариком Огородов выкинул из головы.

Однако через полтора месяца ему позвонил незнакомый мужчина. Представился Иннокентием Сергеевичем, тем самым мужчиной из сквера, и попросил о встрече. Огородов поначалу удивился, как его нашли, но тут же сообразил: он же звонил внучке со своего телефона, вот она и запомнила номер.

Иннокентий Сергеевич оказался хоть и стариком, но отнюдь не дряхлым. А его внучка Лариса — спортивного вида девицей с умным въедливым взглядом. Вале-

рия благодарили («Если бы не вы, я просто умер бы от инфаркта прямо на улице»), предлагали деньги («Не думайте, мы не нищие»), а когда спаситель от денег категорически отказался, попросили записать номера телефонов и почти потребовали: если понадобится помощь, — всегда пожалуйста.

— Благодарность, увы, в наше время нечастое явление, — резюмировала Маша и спросила: — Симпатичные люди?

— Нормальные, — пожал плечами Валерий.

Дружить семьями он не собирался.

...Женившись на Маше, одну из своих жизненных задач Огородов выполнил — создал хорошую семью. Ребенок был, правда, один, сын, однако же о многодетности никогда не мечталось. Материальный достаток тоже имелся — не богатство, разумеется, но на вполне благополучную жизнь хватало. А вот что касалось интересной работы и карьеры, то к тридцати семи годам все разом оказалось под вопросом после скоропостижной смерти владельца компании. И вот тогда выяснилось, что Валерию повезло с женитьбой уже не просто в личном, а в сугубо деловом плане.

С Машиным московским дядюшкой Колей, Николаем Ивановичем Серовым, Огородов познакомился еще на свадьбе. И в последующие годы они виделись неоднократно — дядя Коля любимую племянницу и ее семью вниманием не обходил. И как раз в то самое время, когда Огородов размышлял о новом месте работы, нарисовался (явно проинформированный Машей) Николай Иванович, недавно занявший не очень высокий, однако же начальственный пост в Росавиации.

— Ну вот что, Валера, — сказал дядя Коля, — директор вашего аэропорта присматривает руководителя отдела в свою экономическую службу. Я готов тебя порекомендовать. Ты как?

Думал Огородов недолго. Местный аэропорт, конечно, был из разряда «средних», без статуса «международный», должность, которую предлагали, тоже была не бог весть какая, однако предприятие в масштабах области считалось весьма солидным, с хорошими зарплатами, и начальник отдела — не мальчик на побегушках, вполне может иметь перспективы.

Через три года Огородова назначили заместителем директора по экономике.

Дядя Коля, теперь уже занимавший весьма высокий начальственный пост в Росавиации Николай Иванович Серов, позвонил в июне нынешнего года.

— Слушай, Валера, ты на своем рабочем месте не засиделся? — спросил он.

Огородов как раз сидел на «рабочем месте», то есть в своем кабинете, пил кофе после весьма напряженного совещания.

— В каком смысле? — не понял он.

— В фигуральном, — хмыкнул Николай Иванович. — Ты про аэропорт «Губернский» что-нибудь знаешь?

Огородов «что-нибудь» знал про многие более-менее заметные аэропорты, а уж про такие значимые, как «Губернский», — само собой разумеется.

Совсем недавно государство продало свой контрольный пакет акций компании «АвиаАльянс», и Огородов с немалым интересом наблюдал за развитием событий. Интересовало это его прежде всего как экономиста: родной аэропорт был госсобственностью, и замдиректора по экономике пытался просчитать, насколько выгодно для предприятия перейти в частные руки. Впрочем, он понимал: сравнивать с «Губернским» нет особого смысла — не тот масштаб, не те объективные условия, не такие перспективы.

— Ну а как же, — отреагировал Огородов.

— Так вот, Валера, новый владелец намерен сменить генерального директора. А я намерен предложить твою кандидатуру.

— Мою?! — поразился Огородов. С таким же успехом дядюшка Коля мог предложить его кандидатуру на пост замминистра транспорта. По крайней мере, ему так представлялось.

— А что такого? — В голосе Николая Ивановича явственно прорезались нотки недовольства. — Ты себя совсем низко ценишь?

Огородов низко себя не ценил. По большому счету, вообще считал, что нынешнее служебное кресло стало тесноватым, да только где другое взять?

— Ну... просто как-то неожиданно... — пробормотал он. — Я все-таки не авиационщик... я экономист...

— В том-то и дело! — решительно заявил Николай Иванович. — В «Губернском» профессионалов авиационщиков хватает. Нынешний гендиректор тоже из них. Однако же ситуация другая. Когда аэропорт государственный, что главное? Чтобы это был надежный инфраструктурный объект. А экономика... Ну да, должны быть приличные показатели. Но по большому счету, для государства это так... ерунда. Да ты это по своему аэропорту видишь. Что, вы сильно упираетесь для экономического роста?

Огородов вздохнул. Правда, все правда.

— Совсем другое дело, когда есть частный собственник. Ну да, главное — чтобы был надежный инфраструктурный объект. Но это еще и бизнес. Крупный бизнес! Он должен развиваться. Деньги приносить. Ты же ведь не думаешь, будто «АвиаАльянс» купил «Губернский», чтобы из Москвы самолетикам ручками махать?

Валерий, конечно, так не думал. Чай, не дурак.

— Вот поэтому нужен на должность гендиректора не технарь, а экономист. И я считаю, ты подходишь, — не

спросил, а констатировал Николай Иванович. — А потому, Валера, составь свое резюме и мне отошли. Да не скромничай.

Вечером, тщательно составив резюме, Огородов принялся изучать потенциального (хотя просто поверить невозможно!) работодателя. В широкодоступных информационных источниках «АвиаАльянс» начали упоминать только после продажи контрольного пакета акций «Губернского». В том числе уточнялось, что эта компания входит в многопрофильный холдинг «Альянс-плюс». Покопавшись в специализированных источниках, Огородов узнал, что «АвиаАльянс» в качестве самостоятельной компании образовался только полтора года назад путем объединения ряда транспортных и финансовых структур холдинга. Погрузившись в совсем специфические глубины и сопоставив ряд фактов, пришел к выводу: двое ранее существующих держателей наиболее крупных пакетов акций аэропорта «Губернский» тесно связаны с «Альянс-плюс». Огородов решил, что это вполне разумно: у столь важного объекта не должно быть семь нянек.

Николай Иванович позвонил через четыре дня.

— Приезжай в Москву. С тобой хочет встретиться директор «АвиаАльянса» Альберт Павлович Пашков.

Беседа с Пашковым продлилась два с половиной часа, причем разговаривали не только на профессиональные темы, но и на самые разные, в том числе совершенно отвлеченные. «Прощупывает со всех сторон», — понял Огородов, постаравшись с этих самых сторон предстать в наилучшем свете, однако без перебора, не забывая, что любые, даже самые положительные, излишества вызывают настороженность.

Через неделю Пашков сообщил: принято решение назначить Валерия Леонидовича генеральным директором аэропорта «Губернский». Огородов, пребывавший все

дни в состоянии нервной неуверенности, почувствовал себя человеком, на которого свалилась совершенно неожиданная удача, и теперь главное — крепко удержать ее в руках. Впрочем, он не сомневался: удержит. Он всю свою жизнь выстраивал собственными руками, так что достаточно натренировал их силу и ловкость.

Несколько побаивался Валерий реакции жены: вот так срываться с места, далеко уезжать от родного города... все-таки не юная, готовая к приключениям девочка... Сорок четыре года... Как, впрочем, и ему самому. Но мужчине проще — особенно, если у него начинается карьерный взлет. По крайней мере, ему так казалось. Однако Маша порадовала: полное одобрение и готовность ехать хоть куда.

Зато реакция директора пока еще родного аэропорта обидела.

— Ну надо же? — поразился он. — Ишь, как вы скакнули!

— Что значит «скакнул»? Я ему что, кенгуру? — пожаловался жене Огородов.

— Валера, не обращай внимания, — успокоила Маша. — Для него, конечно, это все очень неожиданно. Во-первых, тебя назначили на такой аэропорт... А он здесь сидит уже лет двадцать и скоро пойдет на пенсию. Во-вторых, он тебя ценит и совсем не хочет терять...

— Ну да, ну да... — согласился Валерий и подумал, что все эти мелочи вообще уже не имеют никакого значения.

В Губернск он отправился через Москву. Правда, без Маши. Жена повздыхала, но привела вполне разумный довод: сын Петя перешел в одиннадцатый класс, не стоит мальчика в последний год срывать с места, пусть доучится, а потом он все равно хочет поступать в московский вуз, и тогда Маша переберется к мужу окончательно. Опять же у мужа сейчас будет масса дел

на новой работе, не стоит ему тратить силы еще и на семью.

Огородов тоже повздыхал, но согласился: умница жена как всегда права.

Перед вылетом в Губернск опять состоялась весьма продолжительная встреча с Пашковым. На сей раз разговор шел без всяких «ответвлений» — четко, конкретно, с точной постановкой задач.

— Как вы понимаете, есть задачи важные, а среди них — самая важная. К ее решению надо приступать без кавалерийского наскока... впрочем, насколько можно судить, вы человек взвешенный... однако и без излишней раскачки. Мы даем вам широкие полномочия, но... — Пашков посмотрел многозначительно, — от успешного решения этой задачи будет зависеть, насколько мы правы в отношении вас.

— Я понимаю, — сказал Огородов и подумал, что вот, наконец, ему доверили по-настоящему масштабное дело, и он, безусловно, с ним справится.

Кошмар!.. Это была первая реакция, когда стало известно об убийстве Марадинского. Человека, который был партнером аэропорта. Человека, который всегда пользовался только VIP-залом, но почему-то оказался в общем терминале.

Конечно, тут же все закрутилось-завертелось. Полицейские, криминалисты, журналисты, какие-то неизвестные люди и вполне известные... Звонки, разговоры, слухи... Основным «разруливателем» стал не гендиректор, а заместитель по безопасности, что, в принципе, было логичным — его зона ответственности. Даже из областной администрации прежде всего вышли на Лаврони́на, Огородова это несколько задело, хотя и не сильно: в конце концов, он человек новый, а Лавронин на своей должности давно.

Правда, именно генеральному директору позвонил Пашков. Огородов ничего темнить не стал, однако и ясности не внес — по причине ее отсутствия. На саму фамилию Марадинского Альберт Павлович отреагировал одним словом: «Плохо». Валерий Леонидович спорить не стал.

Следом прорвалась жена. Ей Огородов сказал то же самое, плюс постарался успокоить. Но она, конечно, не успокоилась.

С Валерием Леонидовичем побеседовал полицейский полковник. Однако разговор получился достаточно беспредметным, если не считать признания, что — да, кто такой Марадинский генеральному директору известно.

К вечеру поступила информация: дело взято на контроль руководителем Следственного комитета России и завтра утром в Губернск прилетает оперативно-следственная группа из Москвы под руководством полковника Купревича. К их приезду Огородов распорядился выделить номера в аэропортовской гостинице и подготовить конференц-зал для размещения там штаба.

Ну и, разумеется, весь день он был в тесном контакте с Лаврониным, от которого, кажется, пар валил.

Затишье наступило только часам к одиннадцати вечера, и Валерий Леонидович решил не ехать домой (в квартиру, арендованную для него в городе), а остаться ночевать на диване в комнате отдыха, где предусмотрительно хранился комплект постельного белья. Там же на всякий случай Огородов держал бритву, зубную щетку, запасные носки, рубашку и костюм.

Обычно он старался лечь спать до полуночи, но в этот раз сна не было, зато было желание посмотреть записи видеокамер. Валерий Леонидович внимательно посмотрел записи один раз, другой... Заснул уже только в районе трех часов с тревогой на душе: он, как

назло, оказался в терминале в одно время с Марадинским, правда, когда покинул терминал, тот еще был жив-здоров.

ГЛАВА 7

— Прошу вас, Аркадий Михайлович, присаживайтесь. Может, чай, кофе?

Взгляд Олега Романовича Купревича был любезным и почти ласковым, за ним прятались ум и вьедливость и совсем скрывались решительность и даже жесткость. Он подкатил Казiku офисное кресло, сел рядом — у противоположной стороны приставного столика.

Хрестоматийный вариант: не хочешь демонстрировать собеседнику кто хозяин, а кто просто посетитель, желаешь сразу установить доверительный контакт — не усаживайся за свой рабочий стол, не проводи невидимую границу. Казик оценил подобное знание этикета и в общем-то правил психологии.

— Благодарю вас, я только что позавтракал.

Казик посмотрел в источающие любезность многослойные глаза Купревича и вновь подумал, что тут надо быть настороже.

— А вы насторожились, — заявил Олег Романович и улыбнулся. — Вы действительно хороший психолог. Но я не собираюсь играть с вами в какие-то игры, потому что ничего путного из этого не выйдет. Я достаточно наслышан о вас от подполковника Орехова. Впрочем, вы наверняка обо мне тоже кое-что узнали.

Аркадий Михайлович неопределенно повел плечами.

— Ну, например, Борис Борисович ведь вам сказал, что я в некотором смысле оригинал, а оригиналов в нашей системе недолюбливают?

— В общем, да, — не стал отнекиваться Казик.

— Однако меня терпят, потому что я умею добиваться определенных результатов, особенно, если дела слишком необычные.

Казик кивнул.

— Ну вот, поэтому я не только захотел, но и добился возможности привлечь вас к этому делу в качестве независимого эксперта. Причем вы наделены большой свободой, я ведь вам пробил даже пропуск «вездеход», вы никому не подчиняетесь, за исключением меня, разумеется.

— То есть я обязан выполнять ваши команды? — уточнил Аркадий Михайлович.

— Нет-нет! — воспротивился Купревич. — Речь не о приказах. Речь только о том, что вы напрямую взаимодействуете исключительно со мной, и никто не вправе вмешиваться в ваши дела. И вообще можете в принципе ни с кем из моих людей не общаться.

— А старший лейтенант Гаврюшин?

— Он только вам помогает.

— А заодно и приглядывает за мной?

— Не придумывайте себе лишнего, — очень серьезно произнес Купревич. — Вы здесь ничего не знаете, осваиваться вам некогда, а Гаврюшин тут знает все. И вообще... Я доверяю подполковнику Орехову, следовательно, доверяю вам. Причем даже не собираюсь брать с вас подписку о неразглашении. Как сказал Орехов, вы человек говорливый, но не болтливый. Правильно?

— А еще, как считает Орехов, я хитрец, шельмец и авантюрист. Правильно? — Казик ухмыльнулся, и Купревич ухмыльнулся в ответ:

— Именно так и считает. Но ведь я оригинал, а потому меня устраивает.

Он встал, подошел к сейфу (куда более внушительному, нежели в номере Аркадия Михайловича), извлек ноутбук, положил перед Казиком.

— Здесь полный набор материалов по делу, включая записи с видеокамер. Разумеется, записи собраны в единый пакет, то, что может заинтересовать. Изучите у себя в номере, однако храните ноутбук исключительно в сейфе. И пароль придумайте, но мне назовите. Надеюсь, пароль будет не датой вашего рождения?

— О, нет. И можете сразу себе записать. — Казик продиктовал цифры.

— Я запомнил, — сказал полковник. — Но прежде, чем вы все посмотрите, хочу вам рассказать в общих чертах. И тогда вам станет ясно, зачем мне понадобился психолог, причем сторонний, а не из нашего ведомства.

— Но у вас наверняка есть очень хорошие специалисты, — попытался заступиться за коллег Казик.

— Есть. Но... — Купревич неопределенно повел плечами, — у них вырабатывается естественная профдеформация. Наши спецы все-таки ориентированы на преступников. Или на их жертвы. А здесь, мне кажется... что-то более многослойное...

И он посмотрел на Казика своими многослойными глазами — взором из второго слоя, который умный и въедливый.

— Ну, посудите сами. Кто у нас убитый? Марадинский Эдуард Борисович, сорок восемь лет, директор местного филиала страховой компании «Гранит».

— Кажется, я что-то о ней слышал...

— Не удивительно. Крупная компания, имеет ряд региональных филиалов, здесь, в Губернске, наиболее крупный. Кстати, «Гранит» отсюда и пошел, еще в девяностые годы. Создатель и главный владелец — Безменцев Алексей Владимирович, который по-прежнему всем рулит. Восемнадцать лет назад перевел свой головной офис в Москву и тогда же здесь, на хозяйстве, оставил Марадинского.

— Этот Эдуард Борисович достаточно рано сделал карьеру, — заметил Казик.

— Ну еще бы! — хмыкнул Купревич. — Марадинский женат на дочери Безменцева Эмме. Но!.. При том, что Марадинский — зять, он еще и очень хороший спец. Это все признают. В том числе в аэропорту.

— Вот в этом аэропорту? — Аркадий Михайлович удивленно покрутил головой, словно намереваясь обнаружить рядом какой-то другой аэропорт, а совсем не тот, где находился сам и где убили хорошего спеца Марадинского.

— В этом самом, — подтвердил Купревич. — Где Эдуард Борисович считается VIP-персоной не только как пассажир, но и как партнер. Уже двенадцать лет его фирма страхует ряд объектов аэропорта. Причем объекты очень выгодные — вот этот административный корпус, гостиницу и пассажирский терминал.

— А чем они выгодны? — заинтересовался Казик.

— Ну, с одной стороны, их страхуют на весьма приличные суммы, то есть и страховые взносы очень приличные. А с другой стороны, за этими зданиями хорошо следят. Сами посудите: это же не ангары, не склады — это же в некотором смысле «лицо» аэропорта, где постоянно люди, причем соответствующие, терминал вообще под дополнительной охраной... В общем, все под контролем, причем неусыпным. Здесь какой-то особый страховой случай — из разряда почти невероятного. А по мелочам... типа того, как нынешней зимой на четвертом этаже административного здания батарею прорвало и несколько кабинетов залило, ремонт потребовался. Да, страховая заплатила, но эту ерунду наверняка даже не заметила.

— А почему «Гранит» не страхует другие объекты? — вновь заинтересовался Казик.

— Потому, что такая серьезная организация, как аэропорт, не кладет все яйца в одну корзину. Но, по-

верьте, «Гранит» с тех договоров, какие есть, большую выгоду имеет.

— Получается, убили не просто какого-то бизнесмена, а многолетнего партнера аэропорта... Это, конечно, зацепка...

— Мы это, естественно, отрабатываем, — кивнул Купревич. — Но любопытно другое. Марадинский регулярно, раза два в месяц, куда-нибудь летал, в основном в Москву. И всегда только через VIP-зал. И прилетал так же. У его фирмы с аэропортом даже договор на постоянное обслуживание имеется. Марадинский сто лет порога общего терминала не переступал. А в тот четверг вдруг нате вам — явился. Причем он никуда улетать-прилетать не собирался, мы по билетам проверили. Ни на работе, ни дома понятия не имели, что он собрался в аэропорт. Более того, он приехал не на служебной машине, не на своей собственной, а на такси. Спрашивается: зачем он приехал и почему так секретно?

Олег Романович посмотрел на Аркадия Михайловича с интересом, и тот подумал: Купревич что, проверяет его на сообразительность? Ведь все в принципе очевидно.

— Вы меня проверяете на сообразительность? — спросил Казик. Купревич молчал, и Аркадий Михайлович продолжил: — Из вашей весьма скудной информации следует только одно: Марадинский приехал в аэропорт встретить кого-то, кто прилетал. Причем не хотел, чтобы об этом знали на работе и дома. Если бы он хотел тайно пересечься с кем-то из местных, выбрал бы другое место. Зачем тащиться в аэропорт?

— Я ни на что вас не проверяю. С какой стати? — удивленно блеснул очками полковник. — Просто у меня такая манера разговора. Я, если хотите, в некотором смысле проверяю собственные соображения. Вы, к примеру, допускаете, что у Марадинского была встреча с кем-то из работников аэропорта?

— Не очень.

— Вот как? И почему?

— Я в данном случае исхожу из чистой психологии. Марадинский был здесь VIP-персоной. Следовательно, и общаться он должен был здесь с соответствующими людьми, а такие люди могли пригласить в свои кабинеты или хотя бы в VIP-зал, где можно прекрасно и весьма уединенно пообщаться. А Марадинский, который, судя по всему, никак не хотел афишировать свой визит, зачем-то является в общий терминал, где масса народа и где запросто можно встретить кого-то из знакомых.

Полковник покивал, и Аркадий Михайлович не понял: он об этом не подумал или вновь проверяет собственные соображения?

— Ладно, оставим пока этот момент, — сказал Купревич. — В любом случае о встрече Марадинский должен был договориться. Вероятнее всего, по телефону. Но его телефон украли, как и кошелек, где вряд ли было много денег, а банковские карты сразу заблокировали. Но мы получили распечатку телефонных звонков Марадинского, и наши специалисты сейчас с этим разбираются. А вот теперь второй момент: почему убили в аэропорту? Любое другое место — куда более подходящее. Марадинский не ездил в бронетранспортере, не ходил с охраной... Причем спонтанность полностью исключается. Спонтанно один алкаш может другого по башке треснуть бутылкой. И то, если водку уже выпили. А в аэропорт надо умудриться нож пронести. Это почти спецоперация. На всех входах, даже в VIP-зал, стоят рамки металлоискателя, все, от чемоданов до дамских сумочек, просвечивается на сканерах, на каждом входе работают по два сотрудника САБа и еще полицейский, без полицейского только в VIP-зале обходятся. Никто не позволит нож пронести.

— А в чемодане?

— В чемодане можно, пока в «чистую зону» человек не попадет. Но чтобы нож из чемодана вынуть, этот чемодан надо открыть. Так вот проверили по камерам все, аж за три часа до появления Марадинского, и ни за что глаз не зацепился. Да, шесть человек лазали в чемоданы. Но... ни один из них даже не приближался к цокольному этажу. И нигде не заметили, чтобы кто-то доставал и кому-то передавал хоть отдаленно похожее на нож. А камеры в аэропорту очень хорошие, с отличным разрешением, далеко не везде такие.

— Нож мог пронести кто-то из работников, — не сдался Казик. — И в кафе ножи есть.

— С работниками еще идут проверки, но точно, что никто из них в цоколь не спускался, за исключением уборщицы. Она там убирала в восемь утра, а потом тогда, когда тело нашла. А по поводу кафе, то — да, там полно ножей, но такого, каким зарезали Марадинского, нет точно. Такой для кафе не подходит.

— Какой-то особенный нож? — заинтриговался Аркадий Михайлович. Особенный нож — это, конечно, не отпечаток пальца, однако может быть весьма существенной зацепкой. По крайней мере, ему так казалось.

— «Выкидуха» с довольно тонким и узким клинком. В кафе такими не пользуются. Вы знаете, что такое «выкидуха»?

На сей раз это действительно был отнюдь не проверочный вопрос, и Казик отреагировал соответственно:

— Понятия не имею.

— Это нож, лезвие которого находится в рукоятке с кнопкой. Человек нажимает кнопку, и лезвие под действием пружины выскакивает, как, к примеру, стержень в шариковой ручке. В зависимости от пружины выскакивать может с той или иной силой.

— Да-да, — закивал Казик, — про такие ножи я слышал. Я только не знал, что они называются «выкидухой». Я думал, они называются «джагой».

— Вот как? — Полковник посмотрел с удивлением. — Честно говоря, не предполагал, что вы подобные слова знаете.

— Я в книжке прочитал, — не стал скрывать источник информации Аркадий Михайлович. — Книжка-то была дрянь дрянью, но слово мне показалось красивым.

— Все это жаргон, значения не имеет, — отмахнулся Купревич. — А имеет значение то, что нож именно такой, но, как говорится, без всяких особенностей. Причем преступник не оставил на нем никаких следов. Искать, откуда в принципе мог взяться подобный нож, кто его сделал, — бессмысленно. Это надо всю страну перевернуть, и все равно вряд ли обнаружим. Поэтому преступник спокойно его нам оставил. Это с одной стороны. А с другой, наверняка опасался кровью испачкаться. Этот человек свое дело знает. Он профессионал.

Аркадий Михайлович подумал, что сейчас вновь прозвучит нечто типа «И знаете почему?», и пошел на опережение, спросив:

— И почему вы так решили?

— Во-первых, очень быстрые и четкие действия. Мы попытались воссоздать картину. Получается примерно так. Марадинский открывает дверцу кабинки, переступает порог, преступник тут же упирается ему в спину рукояткой ножа, нажимает кнопку. Марадинский, ничего не успевая сообразить, падает вперед. Все занимает буквально мгновение. Во-вторых, удар — точно в сердце. Уверяю вас: просто так, одним ударом попасть человеку в сердце... причем через одежду, через куртку... это требует серьезного навыка.

— Неужели Марадинский даже не вскрикнул? — озадачился Казик.

— Может, и вскрикнул. Только его вряд ли кто услышал. В это время в туалете наверняка никого не было. Понимаете, цоколь не слишком популярное место. Он единственный оставшийся от прежнего здания, которое во время реконструкции снесли, а на этом месте построили новый терминал. Туалетами там мало пользуются, туда даже пандуса нет. Зачем куда-то спускаться, когда в терминале достаточно туалетов? Мы проверили: в то время, когда Марадинского могли убить, в цоколь спускались всего пять женщин и трое мужчин. Никто особо не задерживался. Мы вообще посчитали всех, кто входил-выходил в течение часа. И — что особенно важно! — ни у кого не было чемоданов.

— А из этих троих мужчин никто не заметил мертвое тело? — уточнил Казик.

— Мы всех троих нашли, причем на редкость быстро. Побеседовали с ними вчера, никто из них ничего не заметил. Правда, один припомнил, что дверцы свободных кабинок были приоткрыты, а в дальней кабинке — закрыта. Он, естественно, подумал, что там занято. Мы, конечно, продолжаем проверять и этих мужчин, и пятерых женщин, однако все они явно случайные люди. Профессионал, совершенно очевидно, действовал гораздо хитрее.

— Тоннель прорыл? — хмыкнул Аркадий Михайлович и тут же устыдился: нашел время шутки шутить.

— Не тоннель, разумеется, — проигнорировал иронию полковник. — Но явно предварительно все изучил — в терминале скрытых камер нет. Зато есть серьезный изъян. Видеокамер в аэропорту достаточно, однако ни одна не фиксирует, что делается в цоколе. Максимум две верхние ступеньки. Мы тех восьмерых вычислили только потому, что они спускались на эти ступеньки, а потом из видимости пропадали. Более того, обнаружили, чего раньше вообще никто не замечал. По

обе стороны спуска в цоколь — две колонны. А за ними метра два — мертвая зона. То есть человек мог зайти за колонну, спуститься в цоколь, и камеры бы его не зафиксировали.

— Н-да... — пробормотал Казик, но Купревич махнул рукой:

— Все это я вам рассказываю для понимания общей картины, с этим подробно разбираются наши специалисты. Однако имеется еще одна версия. Дело не просто в личности Марадинского. Дело прежде всего в самом аэропорте! Партнера аэропорта надо было убить непременно в аэропорту!

— То есть вызвать большой скандал и кого-то конкретного подставить?

— Именно. Вопрос: кого?

— Вероятно, в первую очередь генерального директора?

— Вполне вероятно, однако нелепо. Валерий Леонидович Огородов работает всего два месяца, по сути, еще осваивается. Никому поперек горла встать не успел, ничего принципиального сделать — тоже. Если есть какие-то огрехи, то это пока не его огрехи. Поэтому рассчитывать, что его уберут с должности, довольно глупо. Аналогичная ситуация с начальником Службы авиационной безопасности Сергеем Геннадьевичем Дергачевым. Он опять же человек совершенно новый, появился в аэропорту буквально на несколько дней раньше Огородова. И тоже еще нигде ничего попортить не успел. Вот кому можно счет выставить, так это Юрию Александровичу Лаврону, который работает замдиректора по безопасности уже семь лет. Но!.. — Купревич выдержал паузу, посмотрел многозначительно куда-то вверх. — Это птица высокого полета, до нее, образно говоря, не всякая пуля долетит, да и стрелять в такую птицу совершенно бессмысленно. Как в орла из рогатки.

— Такой солидный господин? — спросил Казик.

— Авторитетный, — подчеркнул Купревич. — Бывший замначальника областного ГУВД, полковник, семь лет назад ушел в отставку и сразу переместился на должность замдиректора аэропорта. За все годы никаких нареканий, как раз наоборот — почти образцово выстроил здесь все, что касается безопасности. Мало того, у него прекрасные отношения с нужными людьми в Москве, с очень многими влиятельными людьми города, включая силовиков. То, что вам так быстро сделали нужный пропуск, — как раз его заслуга, он обо всем оперативно договорился. К тому же Лавронин приятельствует с губернатором.

— Ценный человек, — согласился Аркадий Михайлович.

— Особенно для Огородова. Тот ведь здесь птица неведомая, а ему нужно поскорей попасть в стаю, то есть войти в круг местной элиты. Чай, не парикмахерской заведует — аэропортом командует. И здесь главный помощник — орел Лавронин, который, кстати, весьма активно Огородова со всеми знакомит. Вот с губернатором познакомил буквально через неделю, причем общались не в кабинете, а в загородной резиденции, можно сказать, неформально. Поэтому подставлять Лавронина... В расчете на что? — покривился Купревич. — На то, что его уберут, а кого-то другого поставят? Но кого и зачем? Особенно после такого инцидента? Кадровые вопросы решают директор и собственники, а для них Лавронин чуть ли не самый ценный кадр. Одним словом... — Полковник уставился на Казика, и Аркадий Михайлович внутренне поежился: это был взгляд из того, самого глубинного, «слоя» — решительный и даже жесткий. — ...это не просто убийство. Это нарочито наглое убийство! А наглость — из категории эмоционального. Есть мотив, который пока совершенно не понятен и явно имеет

психологическую основу. По крайней мере, мне так кажется... — Взгляд устремился к верхнему «слою», став любезным и почти ласковым. — В общем, вы, Аркадий Михайлович, — Купревич похлопал ладонью по ноутбуку, — поизучайте свежим глазом, подумайте над мотивами. Понимаю, вы практически ночь не спали, наверняка устали... но постарайтесь не затягивать.

— Я совершенно не устал, — заверил Казик и вышел из комнаты.

В конференц-зале его ждал Гаврюшин. Он что-то рассматривал в телефоне и улыбался.

— Севастьян! — окликнул Казик. Гаврюшин вздрогнул, оглянулся и вмиг стал серьезным. Даже озабоченным. — Я сейчас в гостиницу, а вы можете идти по своим делам.

— Да, конечно, но... Тут звонил Юрий Александрович Лавронин... замдиректора по безопасности... Просил, чтобы вы к нему зашли... Здесь рядом... на этаж подняться, — тоном, вроде как извиняющимся за беспокойство, произнес Гаврюшин.

— С превеликим удовольствием! — заверил Аркадий Михайлович.

ГЛАВА 8

— Я совершенно не собираюсь вас в чем-то обвинять, Юрий Александрович. Вы работаете достаточно давно, и к вам не было никаких нареканий. До сегодняшнего дня... Согласитесь, такое преступление в аэропорту — в сфере вашей ответственности. — Судя по тону, генеральный директор действительно не обвинял, скорее, сочувствовал, но Лавронин понимал: да, камень упал в его огород. Причем еще какой камень! — И кого убили? Эдуарда Борисовича Марадинского, делового партнера аэропорта, я уж не говорю, что зятя владель-

ца крупнейшей страховой компании. Вы думаете, это случайность?

— Не думаю, — признал Лавронин.

— Значит, было нечто, что привело к подобной ситуации. И связано это не только с компанией «Гранит», но и непосредственно с аэропортом, — с досадой произнес Огородов. — А хочу вам напомнить, Юрий Александрович, что именно в вашем ведении отдел экономической безопасности. Именно этот отдел, которым вы так дорожите и гордитесь, не только проверяет, но и в постоянном режиме отслеживает всех наших деловых партнеров, особенно достаточно серьезных. Или страховая компания «Гранит» перестала входить в сферу интересов ваших подчиненных? Или ваши экономисты-разведчики потеряли квалификацию?

Экономисты-разведчики... Надо же, какое название придумал. Хотя по сути... и разведчики, и контрразведчики, и пограничники, охраняющие деловые рубежи аэропорта.

Юрий Александрович Лавронин действительно гордился отделом экономической безопасности, который создал в первый год работы в аэропорту. Да, этой самой безопасностью прежде занимались и экономисты, и юристы, однако они не умели очень важного: добывать сведения, запрятанные в тайных глубинах, а там порой водились настоящие черти. Зато умел Никита Старчук, который восемь лет прослужил в управлении по борьбе с экономическими преступлениями и с радостью сбросил с себя мундир, как только Лавронин позвал его с собой. Вольнолюбивому умнице Никите погоны измозолили все плечи. Старчук возглавил отдел, подобрал толковых спецов и избавил аэропорт от целого ряда проблем. Любой договор, любой деловой партнер не только проверялся, но и регулярно контролировался отделом Старчука.

Недели через три после своего появления Огородов составил с Лаврониным серьезный разговор о передаче отдела под начало нового заместителя по экономике Екатерины Александровны Малафеевой — дамы, которая приехала из Москвы почти одновременно с гендиректором и прежде работала в «АвиаАльянсе». Огородов считал, что все экономические направления должны быть сосредоточены в одних руках, а Лавронин утверждал, что здесь речь идет прежде всего о безопасности. Разговор тот был долгим, напряженным, но Лавронин не уступил, и Огородов отступил.

— К страховой компании «Гранит» и лично Эдуарду Борисовичу Марадинскому не возникало никаких вопросов, — сказал Лавронин.

— Зато теперь вопросы возникнут к нам. И прежде всего к вам, — заявил Огородов.

Эта весьма неприятная беседа состоялась спустя несколько часов после убийства. А на следующий день Лаврону пришлось выдержать весьма долгий разговор с полковником Купревичем, после чего стало понятно: привлекать местные силы к активному расследованию москвичи не намерены — разве что в качестве своего рода порученцев.

И вот сегодня объявился этот непонятный эксперт по фамилии Казик, для которого накануне в спешном порядке пришлось согласовывать и оформлять не просто пропуск, а «вездеход».

Сначала Лавронин увидел его фотографию. Затем (из окна кабинета) — семенящего в сторону административного корпуса в сопровождении старшего лейтенанта. Этот внешне довольно забавный человек не то, чтобы беспокоил, но озадачил: гражданский... психолог... Зачем он понадобился? И что за тип? Лавронин решил не мудрствовать. Позвонил начальнику ЛОВД, выяснил, кого приставили в качестве оруженосца к не-

понятному гостю, набрал номер старшего лейтенанта Гаврюшина и передал приглашение Казiku пожаловать для знакомства. Параллельно вызвал к себе начальника САБа со словами: «Сережа, я хочу, чтобы ты тоже посмотрел, пообщался. Может, будет полезно».

Общение, на удивление, оказалось весьма приятным (Казик был улыбчив и разговорчив), однако весьма бесполезным (при массе слов — почти ноль информации).

— Ну что скажешь, Сережа? — спросил Лавронин, когда гость покинул кабинет.

Дергачев пожал плечами:

— Вроде как пушистый, но... скользкий.

— Не-е-ет... — задумчиво протянул Лавронин. — Он хитрый и умный. И Купревич, я навел о нем справки, тоже хитрый и умный. Не зря он этого психолога из закров достал. Пока криминалисты ищут следы, этот Казик будет искать мотивы. В людях он будет копать, помани мое слово.

Дергачев снова пожал плечами:

— Моих людей уже перекопали на десять рядов, все докапывались, мог ли кто-то пропустить на входе человека с ножом, но ничего не выкопали.

— А тем не менее, как-то человек нож пронес...

И в этот момент зазвонил внутренний телефон. На дисплее высветилось: «Гендиректор».

— Слушаю, Валерий Леонидович, — отозвался Лавронин. Положил трубку и сказал: — Огородов вызывает. Похоже, у себя на мониторе увидел, как ко мне в кабинет Казик заходил. Явно любопытствует. — Усмехнулся и добавил: — А у прежнего нашего директора трансляция с камеры в коридоре была выведена только в приемную. Самому приглядывать было без надобности.

— Я тогда тоже пойду? — спросил Дергачев.

— Подожди, — остановил Лавронин. — Чувствую, ты мне еще понадобишься.

Вернулся он минут через двадцать, причем весьма озадаченный.

— Начальник интересовался Казиком. Причем сильно тревожился. Но что я ему мог рассказать? Ничего особенного.

— А чего уж так тревожиться? Ну будет к людям приставать, разговоры разговаривать... Мало нас трясут, что ли? Ну еще один... ловец душ, — отмахнулся Дергачев.

— Вообще-то Огородов тревожится прежде всего за меня.

— За вас?!

— Именно. Здесь я отвечаю за безопасность.

— И я, — заметил начальник САБа.

— Да, и ты. Но за тебя отвечаю я. А ты здесь без году неделя. Я же семь лет. И главная ответственность — моя. Огородов боится, что у меня будут большие неприятности. Очень ему это не выгодно. Причем прежде всего потому, что у меня в городе все схвачено-охвачено, а он тоже здесь без году неделя. У тебя задача — освоиться в аэропорту, и ты уже освоился. А ему надо мощно укрепиться в городе, и тут я у него вроде локомотива. Я его везде двигаю.

— И что его так психолог напугал? — спросил Дергачев.

— Ну-у-у... — поморщился Лавронин. — Психолог же не отпечатки пальцев сличает... он чего-то там приглядывается, принюхивается... в общем, ощущает. А потом свои ощущения в голове переваривает и всякие выводы делает. Ничего конкретного, а что он по моему поводу может выдать, — совершенно непонятно. Поэтому Огородов считает, что мне лучше подобру-поздорову исчезнуть.

— То есть как — исчезнуть? — насторожился начальник САБа.

— С работы исчезнуть. Официально отстранять меня Огородов не хочет. Чтобы всякие слухи не плодить. Но предлагает на больничный уйти и дома засесть. Конечно, если сильно понадобится, меня достанут. Прятаться же я не буду. Но и глаза мозолить не стану. Возьму больничный с радикулитом, болезнь такая, что не особо докопаешься, а спина у меня регулярно болит. — Лавронин потер поясницу, покривился и добавил: — Неохота мне крысой с корабля бежать, но Огородова я понимаю. О том, что я симулянт, знать будем только мы вдвоем. Для всех остальных — прихватило меня. Эти радикулиты с хондрозами сильно с нервами связаны. А ситуация у нас такая нервная, что хуже некуда...

— Это точно, — со вздохом согласился Дергачев.

ГЛАВА 9

Казик покинул кабинет заместителя генерального директора по безопасности с ощущением, что ему устроили смотрины. Впрочем, рассматривали не только его — он тоже присматривался.

В отличие от полковника Купревича, похожего на университетского профессора, в полковнике Лавронине полицейский угадывался почти сразу. Лет шестидесяти, крепкий, солидный, широколицый, с басовитым, пропитанным командирскими нотками голосом. Три крупные звезды прямо-таки светились не только на его плечах, но и на лбу.

В отличие от полковника Лавронина, в начальнике САБа Дергачеве не угадывалось ничего. Лет за сорок, среднего роста, сухощавый, с непроницаемым выражением лица.

Лавронин руководил беседой, в которой было много всего, но ничего конкретного, и эта беседа сильно

напоминала прощупывание мягкой игрушки в надежде обнаружить запрятанный в ней «секретик».

Дергачев все время молчал, но при этом буровил своим острым взглядом, словно намереваясь сделать в этой игрушке множество дыр.

Весь разговор напоминал светскую беседу в армейском штабе. Это было весьма забавно...

Гаврюшин ждал в приемной, вперившись в телефон с таким вниманием, что не сразу увидел Казика. Пришлось его окликнуть.

— Извините, — смутился старший лейтенант и быстро сунул телефон в карман.

«Дитя гаджетов», — подумал Аркадий Михайлович.

— Я тут читал блогера Карпенко, довольно популярного в нашем городе, — сообщил Гаврюшин. — Скандальный, конечно, парень, ну как всякий блогер, так ведь без скандальности-то не продвинешься. Но он сильно не дурак. И въедливый, любит покопать вглубь и вширь. Так вот он выкопал, что Марадинский, оказывается, уже женился двадцать восемь лет назад, то есть когда ему двадцать было. Через три года развелся. А еще через четыре года снова женился.

— И что? — пожал плечами Казик. — Ранние браки редко бывают удачными.

— Так вот он первый раз женился на Эмме Безменцевой, ее отец уже тогда бизнесом занимался. Потом с ней развелся. А затем снова женился на ней же. И с ней же живет до сих пор.

— И что? — повторил Казик, но на сей раз пожал плечами Гаврюшин:

— Занятно... Карпенко пишет, дескать, Марадинский не сам развелся, а его жена с тестем за порог вышвырнули, потому как на измене поймали. Но, видать, — Гаврюшин хихикнул, — отмолил грех, раз его назад пустили.

— Да, занятно, — согласился Казик. — Хотя много лет прошло... Вряд ли Марадинского убили из ревности... — И предложил: — Вы, Севастьян, можете идти по своим делам. А я в гостинице своими займусь. Если понадобится, я вам позвоню.

— Да вы что! — воспротивился старлей. — Я вас должен прямо в номер сопроводить. Вам же компьютер дали, — он аккуратно похлопал по сумке с ноутбуком, — там ценная, может, даже секретная, информация. Не-е-ет... вот до номера доставлю и уж тогда могу вас оставить. А вы, — он посмотрел строго, — конечно же, будете в номере запираяться, а если куда уйти захотите, — ноутбук в сейф прятать.

— Всенепременно! — заверил Аркадий Михайлович.

Выпроводив Гаврюшина и, в полном соответствии с инструкцией защелкнув изнутри дверь, Казик первым делом позвонил сестре. Отчитался о полном порядке в своей текущей жизни и, вопреки ожиданиям, не услышал напоминания об осторожности в этой самой жизни, а главное — в вопросе питания.

Следом звонок раздался у самого Аркадия Михайловича.

— Ну как вы там? — поинтересовался подполковник Орехов.

— Нормально. Познакомился с вашим Купревичем.

— Ну и?

— Тоже нормально, — туманно ответил Казик.

— А вот вы Олегу Романовичу понравились. Он сказал, что вы явно интересный господин и... — Орехов хмыкнул, — можете быть весьма опасным.

— Вот как? — Аркадий Михайлович подумал, что точно такое же впечатление на него произвел сам Купревич.

— Именно, — с явным удовольствием подтвердил подполковник.

— Тогда, может, мне собрать чемодан и вечерней лошастью отправиться домой?

— Ни в коем случае! Ни лошастью, ни самолетом! Олег Романович считает, что вы можете быть очень даже полезным.

— Как горчица к холодцу, — фыркнул Казик.

— Ничего подобного! — опроверг Орехов. — Как умный, проницательный и явно неординарно мыслящий человек. Так считает Купревич. Иными словами, на вас надеются, — заверил подполковник и, бросив «пока», отключился.

А Казик, наоборот, включился — вернее, включил компьютер и принялся изучать собранные материалы.

В районе трех часов он спустился в ресторан, плотно пообедал и еще прикупил булку пышного вкусного хлеба (на всякий случай, к имеющимся запасам сырокопченой колбасы, сыра и конфитюра).

В восьмом часу вечера, прямо-таки «объевшись» содержимым ноутбука и «переварив» возникшие мысли, позвонил Купревичу и пригласил к себе в номер. Тот против визита возражать не стал, обещая появиться минут через сорок.

Вновь хотелось есть, но идти в ресторан совсем не хотелось, и Аркадий Михайлович, похвалив себя за предусмотрительность, решил ограничиться припасенными запасами еды.

Он как раз доел последний бутерброд, когда в дверь постучали, и голос полковника известил:

— Это я, Олег Романович.

Выглядел полковник усталым, озабоченным, и Казик понял: понедельник — день тяжелый и, судя по всему, не особо результативный.

— Я тут все посмотрел, поизучал... но, разумеется, в общих чертах... вы понимаете...

— Понимаю, — кивнул Купревич.

— Но постарался сосредоточиться именно на Марадинском, и кое-какие соображения у меня появились. В том смысле, что хочу вам кое-что про него рассказать, как это мне видится... Возможно, я не расскажу вам ничего нового, однако...

— Рассказывайте, — перебил Купревич. — Сейчас важно все. И ваш свежий взгляд тоже.

— Значит, с самого начала... — Аркадий Михайлович поудобнее умастился на стуле у стола, на котором лежал ноутбук, но не стал оживлять «уснувший» компьютер, вовсе отвернувшись от него.

Полковник посмотрел на темный монитор и сел в единственное кресло.

— Насколько я понял, Марадинский утром отправился на работу пешком, что он делает постоянно, поскольку его офис находится в трех кварталах от дома. В девять утра, по словам секретарши, он появился в своем кабинете, а через двадцать минут ушел, сказав, что по делам. Служебную машину он не вызывал. Секретаршу это нисколько не удивило. Начальник отнюдь не всегда предупреждал о своих планах и частенько не пользовался машиной, если дела были где-то поблизости и не требовали особых, если так можно выразиться, церемоний. Судя по времени, когда Эдуард Борисович позвонил в службу такси, он уже покинул офис. Велел забрать его на улице Красина, дом 12-а. Этот дом находится в двух кварталах от офиса, стоит за домом 12 и не виден с улицы. Из всего этого следует простой вывод: Марадинский тщательно скрывал свою поездку в аэропорт. Я бы даже сказал: с чрезмерной тщательностью. Такси вызвал не из кабинета, а на улице, тащился два квартала, причем выбрав дом в проулке. Это какие-то шпионские страсти.

— Типун вам на язык, — буркнул полковник. — Нам только шпионов не хватало.

— Да про шпионов я так... к слову... — принялся оправдываться Казик. — Просто я прочитал характеристику на Эдуарда Борисовича. Вполне уверенный, уравновешенный человек, который ведет размеренный образ жизни... Не водится ни с какими сомнительными личностями, не имеет каких-то свехоригинальных увлечений, не склонен к авантюрам... И вдруг предпринимает прямо-таки спецоперацию по поездке в аэропорт. Никто ничего не знает и даже не догадывается. Весьма странно...

— Наша сегодняшняя версия — он приехал встречать питерский рейс. Потому что, когда выходили пассажиры московского рейса, Марадинский спокойно сидел в зале ожидания.

— Согласен, — кивнул Казик. — Но я внимательно просмотрел записи видеокамер и обнаружил некоторые детали. Марадинский вылез из такси и, образно выражаясь, пробежался взглядом по окрестностям. Зашел в терминал и сделал то же самое.

— Да-а?... Мы на это не обратили внимания... — озадачился Купревич.

— Он сделал это быстро и почти незаметно. Я заметил, потому что тщательно приглядывался. Так вот для меня очевидно, что Марадинский пытался убедиться: поблизости нет никого из знакомых. Судя по всему, убедился и поскорее прошел в зал. Причем сел не у окна, не у прохода, а несколько в глубине, как раз рядом с ограждением в цокольный этаж. К счастью, он очень удачно сел — для нас удачно, — прямо напротив видеокамеры. Марадинский вынул телефон и стал в нем читать. Не знаю, на самом ли деле читал, но это хороший способ отгородиться от окружающего мира. Он внутренне был сильно напряжен и нервничал. Я это понял по его лицу, по тому, как он менял позы, как почти каждые три минуты поглядывал в сторону табло с временем прилета... в общем, по ряду деталей. Если

захотите, я вам потом все по кадрам покажу на мониторе. Однако надо отдать ему должное: на сторонний взгляд, он держался совершенно спокойно.

— Но ваш профессиональный взгляд он обмануть не смог...

— Не смог, — подтвердил Казик.

— Отрадно, — оценил Купервич.

— А вот теперь особо любопытное, — не стал реагировать на комплимент Аркадий Михайлович. — Марадинский в очередной раз посмотрел на табло, которое, кстати, висит над выходом из сектора прилета, вдруг очевидно, по крайней мере для меня, вздрогнул, резко встал и быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в цоколь. В это время как раз шли последние пассажиры с московского рейса. То есть готов поручиться, что Эдуард Борисович увидел человека, которому никак не хотел попасться на глаза. И решил элементарно спрятаться. А самым подходящим местом ему показался цокольный этаж, который как раз был рядом.

— Н-да... — задумчиво произнес Купервич. — Но почему, спустившись в цоколь, он оказался в туалетной кабинке?

— Возможно, элементарно решил совместить, так сказать, неприятное с полезным, — хмыкнул Казик.

— Возможно. Но возникает второй, и очень принципиальный, вопрос. Если Марадинский оказался в туалете в общем-то случайно, то и убили его случайно?

— Да, у вас есть такое предположение. И я в некотором смысле его сейчас подтвердил. Но... Может, эта случайность не так уж и случайна? Может, она тонко подстроена? Только вы пока еще не разобрались?

— Наши спецы синхронизируют записи и попытаются очертить круг лиц, которые могли так напугать Марадинского, — сказал полковник. — И мы постараемся выяснить, кого он встречал.

— Причем не только нервничал перед этой встречей, но, полагаю, был ее инициатором, — заметил Аркадий Михайлович. — Потому что, заметьте, приехал в аэропорт загодя, наверняка опасался пробок на дорогах и никак не хотел опоздать.

— У нас есть список всех пассажиров питерского рейса, пока никто не вызывает особых вопросов...

— Однако же Марадинский должен был как-то условиться об этой встрече? Понятно, что его телефон пропал, но вы ведь получили распечатку всех его звонков?

— Получили, — подтвердил полковник. — Там нет ничего хоть отдаленно необычного. Все совершенно очевидные абоненты. У Эдуарда Борисовича, в отличие от большинства бизнесменов, был только один телефон. Но он мог связаться с нужным ему человеком и другими способами. Через мессенджер, к примеру. А это уже просто так не отследишь.

— Мне кажется, есть одна зацепка. Вполне возможно, вы, Олег Романович, ее уже обнаружили, однако в такой кипе дел могли и упустить... — Казик улыбнулся с легким налетом покаяния, дескать, простите, ежели чего...

— Бросьте, Аркадий Михайлович, церемонии разводить, — поморщился Купревич. — Я ведь вас не для реверансов пригласил. И вы правы, в кипе дел легко потерять какую-нибудь мелочь. Поэтому говорите.

— Ну представьте: прилетает некий гость из Питера, которого, как нам думается, должен встречать Марадинский, а того нигде нет. Что будет делать гость? Ну, для начала осмотрится — вдруг случайно разминутся. Затем позвонит. А Марадинский не откликнется. Что дальше? Гость наверняка станет ждать и периодически звонить. Куда он потом денется, другой вопрос. Но что этот человек быстро покинет терминал, сомнительно. То есть надо изучить звонки, которые несколько раз пос-

тупали из соты терминала, но на них никто не ответил. И посмотреть по камерам — кто из питерских задержался в терминале.

— Что касается пассажира, который просто болтался в терминале, вы правы, — согласился полковник. — Мы упустили этот момент. И со всеми, кто безответно пытался куда-то дозвониться, тоже придется разбираться. Но вот что касается телефона самого Марадинского, то мы точно знаем, сколько прошло времени между тем, когда Марадинский спустился в цоколь, и когда отключился его телефон. Семь минут. Но, увы, мы не можем точно определить, кто в это время поднялся из цоколя. Я вам уже рассказывал: мы обнаружили за колоннами «мертвую зону» для видеокамер. То есть преступник мог спуститься в цоколь, выйти оттуда и остаться незамеченным.

Казик понимающе покивал. Да, мог, а значит, имел возможность заранее познакомиться с аэропортовским видеоустройством. И значит, вполне может быть связан с кем-то из аэропортовых работников.

— Гадаете, откуда преступник узнал про «мертвые зоны»? — уловил чужие мысли Купревич. — А я вам отвечу: камеры не скрытые, и грамотный по этой части человек способен все нормально вычислить. Наш специалист вычислил «мертвую зону». Правда, до него ее обнаружил начальник САБа, но после того, как внимательно видео изучил. В любом случае для нас совершенно ясно, что преступник — настоящий профессионал и ко всему заранее подготовился. — Полковник несколько секунд помолчал. — Так вот о звонках. У телефона Марадинского есть функция: даже если он отключен, все равно фиксируются поступающие вызовы. С момента, когда телефон отключился и до момента, когда ему пришел полный конец, — за час десять минут — было три звонка: один от жены и два из офиса.

— В каком смысле «пришел полный конец»? — не понял Казик.

— Скорее всего, его разбили. Вы же понимаете, телефон недостаточно отключить, выбросить «симку». Можно найти и по трубке. Так вот последнее место, где трубка фиксировалась, — Индустриальный район, окраинный и самый ближний к аэропорту.

— А зачем преступник таскал с собой телефон Марадинского больше часа? — озадачился Казик. — Это ведь в некотором смысле опасно... для него самого.

— Никакой опасности, — отмахнулся полковник. — Это в кино: нашли труп, а через три минуты — обнаружили его телефон в двадцати километрах. В жизни-то совсем иначе. Пока вызовут полицию, пока будут разбираться, пока определяют телефон... Уйма времени пройдет. А преступник и тут умно поступил. От аэропорта до Индустриального района по нормальной дороге, а в то время пробок не было, проверили, двадцать минут езды. А остальные пятьдесят минут преступник потратил на то, чтобы запутать следы. В то время ведь друг за другом пришли московский и питерский рейсы, народа много, уезжали кто на такси, кто на машинах, кто на разных автобусах — пойдя разбери, когда и на чем уехал убийца и где сошел: может, в самом Индустриальном районе, а может, проехал дальше и потом вернулся... Но в любом случае на телефон звонили только три раза и вполне конкретные люди, никакого отношения к питерскому гостю не имеющие.

— Но питерский гость обязательно должен был звонить! — уперся Казик.

— Вполне вероятно, — не стал отрицать Купревич. — Но второго телефона у Марадинского не было. В принципе не было. Мы проверяли, в том числе узнавали, нет ли на него еще зарегистрированных «си-

мок». Нет, только одна. И у жены одна, и у детей, они уже с паспортами. Обыск, конечно, в его квартире не устраивали, но осмотр сделали, жена не возражала. И компьютеры изъяли, домашний и рабочий, а также планшет. В домашнем компьютере ничего особенного, он даже не запаролен. А вот с рабочим наши еще возьмемся, там очень серьезная защита. Секретарша рассказала, что полтора года назад пытались дистанционно вскрыть компьютер Марадинского, так приезжали спецы из Москвы, из головного офиса, устанавливали защиты и Марадинскому, и главному бухгалтеру, и еще некоторым.

— Но в любом случае, насколько я понял, в аэропорту у Марадинского с собой ни компьютера не было, ни планшета — ничего в руках не было, — заметил Казик. — Значит, остается только телефон.

— На который можно было выйти через интернет, что нам теперь вряд ли удастся отследить.

— А если нет? Если Марадинский все-таки имел второй телефон, о котором никто ничего не знает, либо вторую «симку», оформленную, естественно, на кого-то другого. В его телефоне вторая «симка» предусмотрена?

— Возможно, вы правы... Н-да... Питерский гость должен был с Марадинским как-то связаться. Уточним: не звонил ли кто-то незнакомый в офис или домой, пусть не искал конкретно, но интересовался... И посмотрим: какой номер в последние дней десять регулярно фиксировался рядом с номером Марадинского, а особенно в день, когда его убили. Попробуем разобраться, был ли второй телефон. — Полковник помолчал, покачал головой: — Мы многие версии отрабатываем, разные линии проверяем, но... линия питерского гостя у нас как-то по самому краю прошла.

ГЛАВА 10

Понедельник — день тяжелый... Банальная сентенция, но ведь справедливая.

Накануне вечером Ольге Егоровой сообщили: утром в Москву улетает губернатор. Соответственно, начальнице VIP-зала надлежит быть на посту, причем минут за сорок до появления главного пассажира. Так повелось еще с прежнего директора аэропорта, а уж нынешний, разумеется, ничего подобное отменять не стал. Более того, в отличие от прежнего, нынешний и сам непременно являлся проводить губернатора.

А еще накануне Ольге сообщили, что ранним утром прилетит и пойдет через VIP-зал, причем без оплаты, Казик Аркадий Михайлович. Кто такой — не понятно, но на заявке стоит отметка «р.д.», то есть «распоряжение директора». Никаких указаний встречать его лично не было, и Ольга порадовалась: губернатор вылетал рейсом в 9:30, так что в аэропорт ей предстояло явиться по сути к началу своего обычного рабочего дня.

— У нас все в порядке, без происшествий, Казика, который по распоряжению директора, встретил старший лейтенант ЛОВД Гаврюшин, — отчиталась дежурившая в ночную смену старший администратор Олеся и неожиданно хихикнула: — А этот Казик такой забавный, на медвежонка похож. Неужели он какой-то важный полицейский? Если его из ЛОВД встречали? Ну прям не верится.

«Вероятно, он из московской команды, — предположила Ольга, — только появился позже и не из Москвы». Впрочем, ее это не волновало. Гораздо больше ее беспокоило, чтобы все было образцово к появлению губернатора.

Все и было образцово. Даже явившийся заранее директор, въедливо оценив обстановку, не сделал никако-

го замечания. Хотя Егорова давно поняла, что директор способен подмечать даже сущие мелочи.

За два месяца Ольга так и не смогла сформулировать свое отношение к Валерию Леонидовичу Огородову.

«Нормальный карьерист, — без всякого осуждения констатировала Нина Кондакова, приятельница и начальница клининговой службы. — Работал замом в задрипаном аэропорту, стал директором в нашем, вот и старается показать, что он — супер. А чего такого? Все правильно. По крайней мере, ведет себя толково, за берега не выходит и сволочизм не устраивает».

А ведь опасались... И когда аэропорт частным стал, и когда нового директора прислали... Старый-то руководил много лет, к нему все привыкли.

В принципе Огородов не вызывал никакого отторжения. Весьма симпатичный внешне, элегантный... Деловой, спокойный, взвешенный в словах... Ну да, пытается влезть во всякую щель, все проконтролировать... Ну так это потому, что человек он новый, хочет во всем разобраться до мелочей. Совершенно разумно.

Сразу после своего приезда Валерий Леонидович собрал аэропортовских руководителей — не только самых главных, но и среднего звена. Четко обозначил свои основные принципы:

Во-первых, аэропорт — важнейший инфраструктурный объект. И все, что от него требуется, будет четко выполняться.

Это все приняли как само собой разумеющееся.

Во-вторых, аэропорт теперь частный. И если государство спокойно относилось к существующим экономическим показателям, то новый собственник рассматривает аэропорт как коммерческое предприятие, которое должно развиваться в соответствии с требованиями эффективного бизнеса.

Это тоже все поняли.

В-третьих, новый директор не намерен махать шашкой и все резко менять, в том числе делать серьезные кадровые перестановки. Изменения, конечно, будут происходить, но по мере необходимости.

Это всех обнадежило.

Впрочем, одну кадровую перестановку Огородов продемонстрировал тут же — нового замдиректора по экономике Екатерину Александровну Малафееву, о которой кому надо уже узнали заранее: все-таки новый директор не в одночасье с неба свалился, информация уже просочилась и о нем, и о Малафеевой, работавшей прежде в «АвиаАльянсе».

За два месяца никаких принципиальных изменений не произошло, но Ольга по-прежнему была в напряжении. Понимала: это замдиректора по производству, всю жизнь работавшего в аэропорту, знавшего и умевшего все и вся, трудно уволить, а начальницу VIP-зала — запросто. Ну каким уж надо быть особым специалистом, чтобы командовать небольшой по численности службой привилегированных пассажиров? Таких можно найти без излишних проблем. Ольга же за свое место держалась...

Губернатор, как обычно, подъехал к самому финишу — когда пассажиров, и даже VIP-зала, уже загружали в самолет. Поздоровался со всеми разом, персонально пожал руку директору, прошел (по всем правилам) через рамку металлоискателя, предварительно выложив на стол для досмотра плащ, губернаторский помощник поставил на ленту багажного сканера небольшой чемодан. Параллельно дежурная оформила регистрацию, и в этот момент поступило сообщение: рейс откладывается на сорок пять минут. Губернатор досадливо посмотрел на часы, а директор широким жестом указал в сторону кресел, расположенных в тихом углу.

Вид у губернатора был утомленный (то ли не выспался, то ли в принципе устал), и Ольге показалось, что ему хочется просто посидеть, может, подремать, но никак не разговоры разговаривать. Однако же директор, судя по всему, считал себя обязанным составить компанию и предложить гостеприимное общение.

Ольга, заняв позицию в стороне, но в зоне видимости начальства, наблюдала, как директор что-то непрерывно говорил, а губернатор, чуть прикрыв глаза, покачивал головой. Помощник, пристроившись у окна, поглядывал на них со странным прищуром — то ли скептическим, то ли усмешливым. Минут через десять Огородов, равнодушно скользнув взглядом по стоящей у барной стойке официантке, сосредоточился на Егоровой и распорядился:

— Ольга Валерьевна, скажите, чтобы нам принесли две чашки крепкого черного чая с лимоном.

— Надежда, пожалуйста, две чашки крепкого черного чая с лимоном, — повторила Ольга то, что официантка не только уже услышала, но и изготавилась выполнять, и подумала: а ведь Огородов чай не любит, и это уже хорошо известно, однако чего не выпьешь за компанию с губернатором.

Наконец, сообщили, что можно отправляться на посадку, помощник передал чемодан дежурному, а директор отправился провожать губернатора до стоящей на перроне машины.

На обратном пути он задержался около Егоровой:

— Ольга Валерьевна, передайте в кафе, что чай был недостаточно горячим. За этим надо следить.

— Хорошо, Валерий Леонидович, я передам и впредь буду специально за этим следить.

— Надеюсь, — бросил директор и прошествовал на выход вместе с губернаторским помощником.

Следующие часа два были достаточно спокойными, Ольга занималась текущими делами в своем крохотном кабинетике. А затем разразился скандал. Причем последовательно сразу два скандала.

Сначала в большом волнении прибежала администратор Света.

— Ольга Валерьевна, в зал буквально ломаются два пьяных мужика. Их дальше порога не пускают дежурные САБа, но, мне кажется, надо вызывать полицию.

В отличие от общего терминала, в VIP-зале полицейские постоянно не присутствовали, а вот теперь их надо было вызывать, правда, появились бы тут же.

Мужики действительно были пьяными и не то, чтобы пытались силой преодолеть препятствие из двух сотрудниц САБа, но весьма громко качали права.

— А чего нам-то нельзя?! — орали они. — Мы че, чумазые какие?! А тут у вас графья с князьями, богачи-толстосумы, а мы, типа, грязь подзаборная?!

Ну и дальше в том же духе, распаляясь от собственного возмущения.

Ольга никогда не позволяла себе грубостей, но быть жесткой научилась. Выдвинувшись вперед, она грозно уставилась на мужиков и приказала каменным голосом:

— Немедленно покиньте помещение. В противном случае сейчас вызову полицию.

— Ха! — отреагировали мужики.

Ольга сунула кулак под пиджак (пола пиджака оттопырилась) и сказала:

— Я имею право стрелять на поражение.

— Че?! — обалдели мужики и буквально вывалились на улицу.

— Как вы их! — поразились Света, а Ольга, которой никакое оружие не полагалось, вытащила кулак наружу и вздохнула:

— Главное — конфликт урегулировали.

Но она ошиблась. Потому что наглые, но пугливые мужики спровоцировали нехорошую реакцию у пышно разодетой женщины, которая вместе с мужем и взрослой дочерью ожидала рейс на Сочи.

Поначалу женщина просто тихо ворчала: дескать, как это можно, чтобы невесть кто совался в VIP-зал. На нее никто не реагировал. Тогда она возвысила голос. На нее стали молча коситься сидящие рядом пассажиры. Ольга поняла, что надо мягко вмешаться, и вмешалась, начав успокаивать. Это вызвало совершенно обратный эффект — женщина принялась орать, вываливая на окружающих все, что она думает об особом сервисе, о сотрудниках зала и в целом об окружающей действительности. Более энергичные, но подчеркнуто вежливые старания Ольги возбудили семейство скандалистки, которое тут же ринулось в бой. В ответный бой вступили несколько пассажиров, и в результате разразился пусть локальный, но весьма бурный скандал — совершенно недопустимый в респектабельном VIP-зале.

В этой суете Ольга не заметила, как в зал вошла высокая эффектная блондинка лет сорока. Небрежно бросила на ленту досмотра дорогой кожаный портфель, спокойно прошествовала через рамку металлоискателя, огляделась и решительно двинулась в сторону «зоны конфликта».

— Это что здесь за шум? — услышала Ольга за своей спиной, обернулась и уставилась на блондинку, которая в свою очередь уставилась грозным взглядом на буйное семейство.

Эту даму хорошо знали в VIP-зале — и как постоянную пассажирку, и как директора фирмы «ФинАудит» Веру Николаевну Бубнову, которая работала с аэропортом и проходила по списку сверхособых клиентов.

— А ну-ка прекратите базар! — рывкнула Вера Николаевна и незаметно то ли похлопала, то ли погладила

Ольгу по спине. — Иначе немедленно все трое покинете зал, причем без всякого денежного возмещения! А если хоть слово произнесете, тут же отправитесь в полицию в связи с нарушением общественного порядка и угрозой безопасности особо охраняемого объекта!

Скандалное семейство не только захлопнуло рты, но и совершенно явственно перепугалось. Кое-кто из пассажиров удовлетворенно захмыкал. А Бубнова, полоснув напоследок семейство холодным беспощадным взглядом, величественно произнесла:

— Ольга Валерьевна, мне надо с вами переговорить. Можем в вашем кабинете.

— Конечно-конечно, — закивала Егорова и двинулась в сторону служебных помещений.

— Я вам сочувствую, — произнесла Бубнова, оглядывая Ольгин кабинетик, в котором с трудом умещались стол, стул, небольшое креслице и узкая тахта. — Вам порой приходится иметь дело с такой дрянью, — уточнила она, и Ольга подумала, что, скорее всего, речь идет не о кабинетике, а о людях. — И вы вынуждены их терпеть. А что поделаешь? — вздохнула Вера Николаевна. — Клиент есть клиент. Мне тоже порой попадают... тьфу... — Она махнула рукой.

— Ничего не поделаешь, — согласилась Ольга.

— Но вы, надеюсь, не в претензии, что я их поставила на место? Их только так и можно было образумить. А лучше, — Бубнова засмеялась, — треснуть чем-нибудь по голове. Но если они вздумают на вас пожаловаться, смело ткните в меня пальцем. Я ваше начальство тоже поставлю на место. — И она весьма выразительно фыркнула.

— А о чем вы хотели со мной поговорить? — осторожно осведомилась Ольга.

Конечно, она знала Бубнову, но исключительно на уровне «здравствуйте-до свидания» и каких-нибудь несколь-

ких ничего не значащих фраз. Ни в какие особые беседы они не вступали, заступничество Веры Николаевны изрядно озадачило, хотя Ольга слышала, что женщина та весьма решительная, однако в VIP-зале она всегда вела себя очень спокойно.

— Давайте-ка выпьем кофейку, — вместо ответа предложила Бубнова.

— Да, конечно, я сейчас сбегаю в кафе, нам сварят.

— А, бросьте! — отмахнулась Вера Николаевна. — Я видела, у вас тут поблизости автомат стоит. Вполне обойдемся.

— Ну-у-у... — протянула Ольга, — там кофе в пластиковых стаканчиках.

— Па-а-адумаешь, — протянула в ответ Бубнова. — Меня периодически потчуют дорожным винищем, а я предпочитаю водочку.

«Надо же? — удивилась Ольга. — А ведь посмотришь на нее — королева!»

— Значит, вот о чем я хочу с вами поболтать, — сообщила, наконец, королева, отхлебнув кофе из совсем не королевского пластика. — Об убийстве Марадинского. Вы ведь были с ним знакомы?

— Да, но только как с клиентом нашего зала. И я об этом убийстве знаю только то, что знают все.

— Неужели? — усомнилась Бубнова. — Неужели в аэропорту не ходят никакие слухи? Из-за чего его могли убить?

— Ну, в основном говорят то, что и в интернете пишут, — скорее всего, из-за профессиональной деятельности. Только никто не понимает: почему в аэропорту.

— Вот как?.. — Вера Николаевна помолчала и заговорила доверительно: — Я вам хочу кое-что прояснить, Ольга Валерьевна. Чтобы вы не думали, будто у меня простое любопытство. Меня ведь Марадинский не просто так интересует. Я с ним хорошо знакома. И в аэро-

порту по делам пересекались, и другие дела общие у нас есть, а самое главное — я уже несколько лет страхую у него и свой офис, и все остальное имущество. Последний раз мы договор подписали три месяца назад.

— И что? — не поняла Егорова. — Это же, я слышала, солидная фирма, значит...

— Ничего это не значит! — отрезала Бубнова. — Вы просто плохо, видимо, знаете наш российский бизнес. У нас проблема с одним человеком может привести к проблеме со всей фирмой.

Ольга действительно плохо знала российский бизнес, однако кое-что все-таки знала, а потому сказала:

— Но ведь здесь только филиал. А сама-то страховая компания «Гранит» очень серьезная.

— Да, если рассматривать наш филиал просто как один из прочих. Но он совсем не прочий. Вы в курсе, что Марадинский — зять владельца всего «Гранита»?

— Вот как? — удивилась Ольга.

— Именно. Причем единственный зять! Которого убивают в аэропорту нашего города. Ну и какие ждать последствия?

Ольга пожала плечами. Какие последствия? Да какие угодно.

— А может, это вообще никак не связано с делами, — попыталась успокоить она. — Может, это вообще что-то другое... Например, сугубо личное...

— Личное? — Бубнова вздернула брови, посмотрела многозначительно. — А что, есть какие-то предположения?

— Никаких, — заверила Егорова. — По крайней мере я ничего не слышала. Но ведь всякое бывает... Следователи наверняка разберутся.

— Да-да... Хотя... Теперь следователи будут ворошить все белье, а это так противно... Бедная семья Марадинского...

После ухода Бубновой Ольга отправилась на обед в кафе административного корпуса. У дверей столкнулась с начальником САБа Дергачевым. Тот молча кивнул, посмотрел хмуро, и Ольга напряглась: неужели САБовки, дежурившие около «рамки», донесли начальнику о конфликте среди сочинских пассажиров? Впрочем, Бубнова позволила «ткнуть в нее пальцем» и, если что, придется этим воспользоваться. Хотя, глядя на лицо Дергачева, вряд ли стоило беспокоиться — оно всегда у него было хмурым.

Затем возникло несколько мелких, но срочных дел. В промежутке забежала Нина Кондакова. Живущая двумя этажами выше Егоровой обладательница старенькой, но надежной машинешки сказала: если Ольга, как положено, освободится в шесть часов, то Нина довезет ее до дома. «Очень хорошо», — отреагировала Ольга, однако ничего хорошего не получилось.

В половине шестого позвонила секретарша директора Ксения.

— Ольга Валерьевна, сегодня вечером через ваш зал во Владивосток улетает группа японцев.

— Да, — подтвердила Егорова, — у меня оформлена заявка на одиннадцать человек.

— Так вот, Валерий Леонидович уехал в город и велел вам передать, чтобы вы лично сопровождали эту группу. Японцы — очень важные бизнесмены, их у нас принимали на самом высшем уровне, их будет провожать вице-губернатор.

— То есть и мне надо их провожать? — уточнила Ольга очевидное.

— Конечно, я же вам передала распоряжение директора, — несколько озадачилась Ольгиной непонятливостью Ксения и добавила (явно от себя): — Японцы специфический народ, мало ли чего...

О специфических японцах Ольга впервые услышала совсем еще ребенком от мамы, которая в советскую пору работала переводчицей в Интуристе. Причем специфичность эта укладывалась... в чемоданы. Во времена, когда советские люди, надрываясь, таскали чемоданы в руках, японцы приезжали с чемоданами на колесиках, но размер был такой, что в них вполне могла уместиться пара самих японцев. Мама рассказывала, что всех это просто потрясало, и когда подобные чемоданы появились в изрядном количестве в России, мама по-прежнему называла их «японскими»...

Очень важные бизнесмены прибыли впритык, быстро зарегистрировались и прошли на посадку. В особых услугах VIP-зала и его начальницы они не нуждались.

Ольга глянула на часы: 22:30. Последний автобус, заезжающий непосредственно в Авиагородок, уехал пятнадцать минут назад. Однако оставались еще пять минут до отправки автобуса, который шел в город мимо Авиагородка, и Ольга, схватив сумку, бегом ринулась на привокзальную площадь.

Дом Ольги находился недалеко от трассы, и от остановки, где ее высадил водитель, шли две дороги. По одной, асфальтированной «петле», можно было добраться минут за двадцать, по другой, гравийной тропинке, которая, как с горки, спускалась вниз, — минут за семь, через небольшой садик. Чаще всего, если Ольга высаживалась именно на этой остановке, она выбирала короткий путь. Даже когда возвращалась затемно. А чего опасаться? В ее квартале всегда было спокойно, да и дом, девятиэтажный, пусть отдаленно, но светился окнами. Впрочем, так ходили почти все жильцы ее дома — никому не хотелось делать крюк.

Она сбежала вниз, по груди зашлепала прикрепленная на плотную тесьму пластиковая карточка с электронным пропуском. Обычно после работы Ольга уби-

рала пропуск в сумку, а тут в суете забыла и оставила, как есть. Она шла по тропинке, внимательно глядя себе под ноги и думая, что хорошо бы в садике поставить хоть парочку фонарей. Окна все же давали слишком слабый свет.

И вдруг Ольга услышала за спиной тихий хруст ветки, вздрогнула и тут же ощутила резкий тычок сзади в шею. Она перепуганно рванула вперед, обо что-то запнулась, холодный пластик шлепнул по лицу, зажатая в руке сумка метнулась в сторону, обо что-то ударилась, и Ольга упала на колени. А следом раздался лай, и прямо на нее выскочила собака, сопровождаемая мужским окриком: «Тоби! Тоби! Ты куда?!»

Ольга осторожно повернула голову и увидела прямо перед глазами соседского фокстерьера. Он мотал башкой и вроде как даже подпрыгивал — явно радовался встрече.

— Тоби, ты куда побежал? — раздался требовательный вопрос, пес гавкнул, и из кустов появился сосед по лестничной площадке старик Сильванов. — Батюшки! Олечка, это ты?! — ахнул он.

— Я, Петр Васильевич, — жалобно отозвалась Ольга, с трудом поднимаясь на ноги и чувствуя боль не столько в шее и коленях, сколько в ладони, вокруг которой перекрутился ремень сумки.

— Случилось-то что? — всполошился старик.

— Да вот... запнулась... упала... — скорее по наитию, чем по разумению соврала Ольга. — Но вроде цела.

— Ну вот чего по темени-то здесь шастать? Другого пути нет? Жалко вам, молодым, лишние метры ножками протопать. И вот пожалуйста... — засокрушался Сильванов, подхватив Ольгу под локоть. — Небось, с работы припозднилась? Вот мы с Тоби тоже почти на час позже вышли, уж больно передача по телевизору

была интересная... Но он молодец, потерпел... — Старик одобрительно посмотрел на пса, зацепил поводок на ошейнике, скомандовал: — Идем провожать соседку до двери.

Пес заметелил коротким хвостом, дернул поводок, и тут Ольга напряглась: ее «поводка», который держал пропуск-«вездеход», на шее не было.

— У меня пропуск куда-то делся, — произнесла она испуганно. — Вот только что был, и нет его.

— Ну чего ты паникуешь? — довольно спокойно отреагировал сосед. — Когда ты на землю летела, он у тебя с шеи и слетел. Давай здесь поищем, валяется где-нибудь рядом. Не черти же его унесли?

Однако, похоже, унесли все-таки черти. Или черт, который попытался схватить за шею. Подсвечивая фонариком телефона, они обшарили все не только рядом, но и широко вокруг — пропуска нигде не было...

Домой Ольга вернулась в полном расстройстве. В испачканной одежде, с измазюканной сумкой, с ноющими коленками, рукой и шеей.

По инструкции следовало позвонить начальнику Службы авиационной безопасности. По инструкции в случае утраты пропуска-«вездехода» руководители обязаны были немедленно связаться не с дежурным, а именно с начальником САБа — в любое время дня и ночи. Такой приказ существовал уже несколько лет. И это означало, что надо было поднимать с постели Дергачева.

Если Огородов вызывал у Ольги настороженность, то Дергачев — опаску.

«Он похож на волка», — с ходу выдала заключение меткая на определения Нина Кондакова. И Ольга согласилась: похож. Среднего роста, поджарый, с серо-стальными от обильной седины жесткими короткими волосами, с резкими, словно высеченными на сером

камне, чертами сурового лица, с неслышной быстрой походкой... И взгляд — цепкий, вьедливый, лишенный малейшей теплоты. Действительно — волк. И теперь Ольге предстояло лезть этому волку прямо в пасть.

ГЛАВА 11

Ему снилось небо — необъятное, ослепительно-голубое, пронизанное искрящимся светом. Такое небо в реальной жизни он не видел никогда. Но сейчас он видел и это небо, и свой самолет, и себя за штурвалом, взмывающего все выше, выше... И тут все оборвалось — как в пике из безграничности на землю.

Звонок был резким, и Сергей Дергачев, по давней, еще летной привычке, мгновенно проснулся. На экране высветилось: «Егорова». Посмотрел на часы — пять минут первого.

— Слушаю вас, Ольга Валерьевна, — произнес он хриплым, еще не совсем «проснувшимся» голосом.

Егорова принялась лепетать — извиняться за поздний звонок, оправдываться безотлагательными обстоятельствами... Сергей ничего не понял.

— Я ничего не понял, — четко и конкретно сказал Дергачев.

Егорова глубоко вздохнула, выдохнула (это явственно было слышно в трубке) и заговорила старательно спокойным тоном:

— Извините, Сергей Геннадьевич, я, наверное, вас разбудила.

— Разбудили, — подтвердил Дергачев.

В трубке опять послышались вдох-выдох.

— Я сейчас... — возникла короткая пауза, — лишилась пропуска.

— Что значит — лишились? — уточнил начальник САБа.

— Он пропал, — уточнила в свою очередь начальница VIP-зала. Помолчала и добавила: — Я сегодня возвращалась вечером с работы, и на меня около дома напали. Ну... может, не напали... Может, просто толкнули... Я не поняла... Но пропуск пропал. Я искала... его нет. И вот я вам звоню... по инструкции.

— Значит, так. Диктуйте адрес. А к вам сейчас приеду, — решительно заявил Дергачев.

— Зачем? — то ли насторожилась, то ли испугалась Егорова.

— Затем! — отрезал Сергей, и Ольга продиктовала. Она жила через два дома.

— Только, пожалуйста, приходите через полчаса. Мне надо привести себя в порядок, — попросила Егорова и первой нажала отбой.

Сергей посмотрел на часы, засек время. Позвонил дежурному САБа, велел заблокировать пропуск начальницы VIP-зала, спросил, не пробовал ли кто-то воспользоваться пропуском, получил ответ, что не зафиксировано.

Ровно через полчаса он стоял под дверью.

— А вы пунктуальны, — отдала должное полностью приведенная в порядок Егорова.

— Я всегда точен, — сказал Дергачев, озираясь в прихожей, откуда были видны и комната, и кухня, и часть спальни.

Обычная квартира, в которой новыми выглядели кухонный гарнитур, диван, два кресла и кровать. А вся остальная мебель была явно куплена давно и в разное время. «Похоже, здесь кто-то раньше жил», — подумал Сергей.

— Здесь раньше жил мой дедушка, — словно услышала чужие мысли Ольга. — Он всю жизнь работал в аэропорту авиаинженером. Считал, что нет ничего лучше авиации.

— Я тоже так считаю, — буркнул Дергачев, прошел в комнату, сел не в кресло, а на стул и скомандовал: — Ну, рассказывайте. И в подробностях.

Ольга рассказывала подробно и без всякого испуга — скорее, с недоумением.

— У нас здесь сроду никаких происшествий не бывает, — заверила она под конец. — Даже пьяные не буянят. Это же не какое-то глухое место, это же почти наш двор. И вдруг... Тот, который на меня налетел, хотел, наверное, сумку у меня с плеча сорвать, она на плече у меня висела, а ремешок сумки соскочил и как-то на руке у меня закрутился, а я от неожиданности руками замахала и еще, похоже, этого типа сумкой треснула. А пропуск он, наверное, случайно вместо сумки сорвал — пропуск же на длинной ленте. Но я должна была вам тут же сообщить, по инструкции... Уж вы извините, что разбудила...

Дергачев извинения пропустил и вновь скомандовал:

— А ну-ка встаньте и повернитесь ко мне спиной.

— Зачем? — опешила Егорова.

— Затем, что я хочу посмотреть вашу шею. Вы же сказали, что вам в нее ткнули.

Ольга встала и медленно, с какой-то опаской повернулась. У нее были русые, спадающие до плеч естественной волной волосы. Довольно красивые. Но Сергей не обратил на них никакого внимания — сгреб «волны» в ладонь и уставился на шею: на два маленьких пятнышка около самого основания головы. Эти пятнышки ему очень не понравились.

— А что вы тогда почувствовали? — спросил он.

— Когда? — спросила она.

— Когда вас ткнули в шею?

Ольга задумалась.

— Я не поняла. Я от неожиданности запнулась и упала.

— Это хорошо, — пробормотал Сергей.

— Что хорошо?

Дергачев промолчал.

— Зато вот рука у меня до сих пор болит! — с вызовом заявила Ольга, покрутила левой кистью, поморщилась. — Ремешок сумки накрутился, да я еще сумкой ударила по тому... кто на меня напал.

— Несите сумку, — велел Сергей.

Ольга вдруг смутилась.

— Она грязная... она же на землю упала... я не успела ее очистить.

— Это хорошо, — повторил Дергачев.

Большая, весьма тяжелая светло-серая сумка действительно была измазана землей. Сергей принялся ее внимательно рассматривать.

— Что вы хотите найти? — заинтересовалась Егорова.

— Хоть какие-то следы... Вы ведь ударили того человека...

— Но ведь я ему не разбила голову, — скептически заметила Ольга.

И тут Дергачев ухмыльнулся. Эта ухмылка напомнила Ольге волчий оскал.

— Вот, — «волк» повернул сумку поближе к свету, — на пряжке... пятно. — На красивой матовой пряжке действительно виднелось маленькое темное пятнышко. — Похоже на кровь, уже подсохшую. Похоже, вы своей сумкой поцарапали того человека. Принесите большой чистый полиэтиленовый мешок.

Егорова кивнула и исчезла из комнаты, а Дергачев, нисколько не заботясь о приличиях, расстегнул на сумке молнии и вывалил все содержимое на диван. Содержимого оказалось довольно много. Появившаяся с рулоном мешков для мусора Ольга уставилась на груды своего добра и вытаращила глаза.

— Как вы посмели?! — вскипела она, и Сергей подумал, что женщины все-таки странные существа: для них сумка — просто интимная вещь.

— А вы хотите, чтобы я забрал ваш саквояж со всем его содержимым? — огрызнулся он и засунул сумку в пакет.

— Вы могли попросить меня, я бы сама все выложила, — со смесью раздражения и обиды произнесла Ольга. — И вообще, вам зачем понадобилась моя сумка?

— Для экспертизы.

Егорова посмотрела с недоумением.

— Вы думаете, я буду обращаться в полицию? Я с чем приду? С рассказом, что меня кто-то толкнул, я упала, но ничего себе не расшибла, и у меня ничего не украли? Вы хотите, чтобы я выглядела душой?

Дергачев вздохнул:

— Ольга Валерьевна, я никуда не заставляю вас идти. Но вообще-то у вас украли пропуск, причем в совершенно безопасном, как вы утверждаете, месте. Я подумаю, что делать дальше. А теперь, если вас интересует, что я действительно хочу, то я вам отвечу: я хочу спать.

И, подхватив пакет, ушел, даже не попрощавшись.

ГЛАВА 12

Аркадия Михайловича лишили завтрака. Причем сделала это не сестра Софочка, готовая заморить братца голодом ради потери пары килограммов, а человек, призванный проявлять всяческую заботу, — старший лейтенант Гаврюшин.

Накануне Казик лег спать сразу после ухода полковника Купревича. Больше полутора бессонных суток (ночной перелет — это особая морока), достаточно напряженный день сморили настолько, что Аркадий Ми-

хайлович заснул, как только принял горизонтальное положение, и проснулся аж в половине десятого утра. И первым делом подумал, что завтраки в гостинице подают до половины одиннадцатого, а значит, надо поторопиться. Он и поторопился: привел себя в порядок за двадцать минут. Но едва открыл дверь номера, как раздался звонок от Гаврюшина.

— Аркадий Михайлович, вы в гостинице? Надо срочно встретиться! — быстрым решительным голосом проговорил старлей.

— Во-первых, здравствуйте, Севастьян, — сказал Казик.

— Ой, извините. Здравствуйте, — явно смутился Гаврюшин.

— А во-вторых, ваше «срочно» может подождать полчаса?

— Ну-у-у... понимаете... тут такое дело... — забубнил старлей, и Аркадий Михайлович понял: завтрак придется отложить.

— Хорошо, заходите ко мне, — разрешил Казик.

Похоже, Гаврюшин звонил из гостиницы, поскольку появился через считанные минуты. И не один, а с Дергачевым — таким же суровым, как и накануне в кабинете Лавронина.

— Аркадий Михайлович, извините, что так срочно. Просто Сергея Геннадьевича в любой момент могут дернуть, а нам нужна ваша помощь, — сказал старлей, и Казик удивился: он не видел ни одной причины, по которой к нему могли бы обратиться за помощью полицейский и начальник САБа.

— Вчера поздно вечером кто-то напал на нашу начальницу VIP-зала Ольгу Валерьевну Егорову, — сообщил Дергачев.

— Напал?! — ужаснулся Казик.

— Ничего страшного не произошло, но...

Казик слушал внимательно, однако же с некоторым недоумением: похоже, женщину хотели ограбить, к счастью, не получилось, в целом весьма неприятная история, но чем же он, Аркадий Михайлович, может быть полезен?

— В полицию Егорова обращаться не хочет, считает, не с чем. Она права. Никакого ущерба нет, кроме потери пропуска, но пропуск полицию не интересует — это забота САБа, да и ту я быстро решил. То есть полиция заявление, конечно, примет, но заниматься этим не станет, даже сомневаться нечего.

— Нет тела — нет дела, — вставил Гаврюшин, поймал суровый взгляд Дергачева, укоризненный — Казика и пробормотал: — Я хотел сказать: тело есть, и без всяких повреждений, значит, нет никакого дела.

— Есть один момент, который мне сильно не нравится, — продолжил Дергачев. — Грабитель ударил Егорову сзади, но не в спину, не по голове, так обычно делают, а в шею, куда надо умудриться попасть. Я видел шею Егоровой, там два четких пятна. Такие отметины я тоже видел, только более серьезные. Это специальные удары, им специально учат, и не в средней школе. Я подозреваю, Егорова осталась цела и невредима только потому, что в момент удара она запнулась и упала, удар, скажем так, по касательной прошел. Ну а тут собачонка выскочила, и нападавший убежал. Возможно, я сгущаю краски, но сильно сомневаюсь, что человек, владеющий спецприемами, — обычный охотник за дамскими сумками.

— Н-да... странная история, — согласился Казик. — Ну а я?..

— Именно вы можете помочь в одном деле. Егорова, когда падала, случайно ударила этого то ли грабителя, то ли непонятно кого сумкой. А на сумке пряжка. Вот этой пряжкой она оцарапала... или как там еще... но на пряжке осталась кровь. Немного, конечно, и засохло,

но для экспертизы сгодится... я думаю. Я позвонил Гаврюшину. Я с ним пару раз плотно взаимодействовал... Он толковый парень. — без всяких эмоций похвалил начальник САБа.

— А я сказал, что у меня каких-то особых отношений с криминалистами нет, — принялся оправдываться толковый парень, — что надо заявление писать, дело заводить... ну то есть официально.

— И тогда Севастьян предложил обратиться ко мне? — догадался Казик.

— Да, — подтвердил Гаврюшин. — Я подумал, вы сможете напрямую договориться с московским полковником, он ведь занимается аэропортом, а Егорова совсем даже не рядовой сотрудник аэропорта.

«А он действительно толковый парень, быстро нашел вариант», — подумал Аркадий Михайлович, вслух же произнес:

— Я попробую. Где эта сумка?

— У меня в кабинете, — ответил Дергачев.

— Но прежде мне надо переговорить с самой Ольгой Валерьевной. Надеюсь, она захочет со мной побеседовать?

— Захочет или не захочет — не важно. Будет беседовать, — пообещал, как припечатал, начальник САБа.

Егорова явно удивились.

— Значит, так, — без всяких предисловий начал Дергачев. — Это старший лейтенант Гаврюшин из нашего ЛОВД.

Севастьян сделал серьезное лицо.

— Я вас видела, — сказала Егорова.

— А это эксперт из московской бригады Аркадий Михайлович Казик.

Казик любезно улыбнулся. Егорова тоже улыбнулась, но как-то напряженно.

— По поводу вашего вчерашнего происшествия...

— Мне восстановили пропуск, спасибо, — Начальница VIP-зала похлопала ладонью по пластику, висящему у нее на груди.

— Мы по другому поводу, — проигнорировал ее грудь Дергачев. — Мы договорились с Аркадием Михайловичем, что он отдаст на экспертизу вашу сумку. Там кровь.

— А вы когда мне ее вернете? Сумку то есть? — спросила Ольга Валерьевна.

— Никто вашу сумку себе насовсем не заберет. Никому она не нужна, — отрезал начальник САБа. — Но прежде Аркадий Михайлович хотел бы от вас услышать про вчерашнее. А вы извольте рассказать.

— Изволю, — с холодной иронией отреагировала Егорова.

Ее рассказ скорее напоминал отчет, который она излагала ровным, спокойным, без естественного, казалось бы, волнения голосом. «Либо не придает этому особого значения, либо делает вид — фасон блюдет», — подумал психолог и решил, что второй вариант очевиднее.

— И часто вы так поздно с работы возвращаетесь? — поинтересовался Аркадий Михайлович.

— Случается. У меня вообще-то ненормированный рабочий день. И если есть особые пассажиры, для которых требуется присутствие начальника VIP-зала.... Иногда я даже здесь ночую. — Егорова кивнула на диван.

— И вчера был такой случай?

— В общем-то, да. Очень важная японская делегация вылетала во Владивосток. Правда, эти японцы даже не присели в нашем зале, приехали и сразу в самолет, их провожал вице-губернатор. Но секретарь директора передала, чтобы я их проводила.

— Секретарь? — уточнил Аркадий Михайлович.

— По поручению директора, разумеется.

— Понятно... — кивнул Казик. — А как вообще складывался ваш вчерашний день?

— А вам зачем? — Егорова посмотрела с удивлением.

— Пока не знаю, — признался Аркадий Михайлович. — Но если вам не сложно...

— Ольге Валерьевне не сложно, — заверил Дергачев.

Егорова перевела взгляд на начальника САБа, и взгляд этот был отнюдь не ласковым.

— Да, мне не сложно, — подтвердила она. — С утра я приехала на работу в половине девятого. Улетал губернатор, я должна была быть на месте заранее. Пришел также директор. Рейс задержали на сорок пять минут. Дальше я занималась своими текущими делами. Потом мне сообщили, что двое пьяных мужчин пытаются пройти в зал. Но дальше порога их не пустили. Я вышла к этим мужчинам, и вместе с сотрудниками САБа мы их выдворили.

— И часто у вас такое случается? — спросил Казик.

— Крайне редко. Почти никогда. Но на этот инцидент отреагировала одна пассажирка. Она стала возмущаться. К ней присоединились ее муж и взрослая дочь. Некоторые пассажиры стали их урезонивать. Я занялась урегулированием конфликта.

— А такое у вас тоже редко случается? — вновь спросил Казик.

— В принципе, да. Но, к сожалению, чаще, чем хотелось бы. Хотелось бы, чтоб никогда. Но тут появилась Вера Николаевна Бубнова, постоянный клиент нашего зала и человек, который работает с аэропортом. Бубнова возглавляет аудиторскую фирму. И она... — Егорова чуть запнулась, — приняла участие в урегулировании конфликта.

— А если говорить по-простому, всех построила, — хмыкнул Дергачев. — Ольга Валерьевна пыталась уре-

зонить добрым словом, а эта дама — жестким. Как говорил известный персонаж, доброе слово особенно убедительно, если к нему прилагается кольт. — Поймал короткий удивленный взгляд Егоровой и добавил: — Мои сотрудники мне все доложили. А вы думали, нет? И, кстати, доложили также, что потом эта дама, которая, кстати, никуда не улетала, прошла с вами в сторону вашего кабинета.

— Да! — с вызовом заявила Егорова. — Я угостила Веру Николаевну кофе, и мы немного пообщались.

— В служебные помещения посторонним вход запрещен!

— Бубнова не посторонняя! Она делает в аэропорту аудит! А посторонних я вообще-то никогда...

— Позвольте вклиниться! — оборвал начавшуюся перебранку Казик. — А чего вдруг эта дама решила с вами пообщаться?

Егорова неожиданно смутилась.

— Ну-у-у... она расспрашивала меня... про убийство Марадинского. У Веры Николаевны с ним были какие-то дела... она у него страхуется... она волновалась, что в их делах теперь возникнут осложнения... Но я ничего особенного ей рассказать не могла, потому что знаю только то, что знают все...

На выходе из VIP-зала у Дергачева затрезвонил телефон. Он вообще-то с завидной регулярностью подавал сигналы, но Сергей Геннадьевич смотрел на экран и нажимал «отбой». Однако в данный момент откликнулся словами «Здравствуйте, Валерий Леонидович, сейчас подойду», — и произнес, обращаясь к Казику:

— Я вам попозже принесу сумку Егоровой, а теперь меня директор вызывает.

И быстро зашагал в сторону административного корпуса.

— Аркадий Михайлович, — подал голос Гаврюшин. — А вы позавтракать-то успели?

У Казика немедленно засвербило в животе.

— Я тоже не успел, — догадался старлей и вдруг вдохновился: — А пойдете в столовую? Нет, ну правда, там очень вкусно кормят, вот увидите! Совершенно по-домашнему!

— А пойдете, — легко согласился Аркадий Михайлович. — Познакомимся с вашей хваленой столовой. Совместим поздний завтрак с ранним обедом.

Столовая находилась в промзоне и занимала первый этаж двухэтажного здания. Скромная, чистая, уютная, без прогоркло-кислого запаха старых советских столовок — напротив, с весьма аппетитными ароматами. Здесь было самообслуживание, и Казик, выставив набранное на стол у окна, подумал, что сегодня, отчитываясь перед сестрой Софочкой, почти честно сообщит: он совсем не завтракал, а на обед взял только салат оливье, бефстроганов с картофельным пюре и два стакана брусничного морса. И всего лишь умолчит о куске яблочного пирога и о том, каких размеров были все порции. Рестораторы от таких порций просто бы удавились. А от цен еще бы и застрелились. Ну а что касается вкуса... Гаврюшин был прав: готовили здесь, как в хорошем доме.

— Я вас не обманул? — поинтересовался Гаврюшин.

— Даже поскромничали в своих оценках. По крайней мере, раз в день столоваться я буду именно здесь, — пообещал Аркадий Михайлович.

— И правильно. Правда, здесь простой люд питается. Но вас ведь это не смущает?

— Нисколько.

— А местное начальство сюда не заглядывает, — с иронией заметил старлей и кивнул в сторону окна. — Вот как раз мимо и проходит.

Казик посмотрел через стекло. По дороге мимо столовой не просто шла, а шествовала дама — пышная фигуристая брюнетка с красивым холеным лицом. Весь облик дамы прямо-таки источал величественность.

— Малафеева Екатерина Александровна. Замдиректора по экономике. Приехала вместе с Огородовым. Новые собственники прислали, — отчеканил Гаврюшин, и его улыбчивая физиономия недовольно покривилась.

— Не нравится она вам? — любопытствовал Казик.

— Да мне-то что? Я с ней не работаю, — фыркнул старлей. — Я с ней даже не знаком. Да и не шибко рвусь. Не люблю я высокомерных людей. Вот вы, — переключился он на Казика, — наверняка большой человек. Иначе бы вас московский полковник сюда не зазвал, да еще «вездеход» организовал. А держитесь вы просто, без, извините, понтов. Я это сразу увидел. А Малафеева...

— Так вы же с ней даже не знакомы? — напомнил Аркадий Михайлович, проигнорировав комплимент в свой адрес.

— Я — нет. А мой друг Никита Старчук!.. — в сердцах воскликнул Гаврюшин и тут же осекся.

— И что ваш Никита? — вкрадчиво спросил Казик, поймал смущенный взгляд старлея и продолжил: — Я ведь психолог, Севастьян. Полиция собирает факты, а я — впечатления. Да-да. Я ведь не прошу вас рассказать мне какие-нибудь истории про... вашу сестру, к примеру. Потому что она не имеет никакого отношения к аэропорту. А ваш Никита, насколько я понимаю, отношение имеет самое прямое. И, судя по всему, неприязненно относится к Екатерине Александровне.

— Так не Малафееву же убили, чтоб ее врагов искать! — с досадой произнес Гаврюшин.

— Убили Марадинского. Который страховал в аэропорту и который обязательно должен был иметь общие дела с замдиректора по экономике.

— Ну да... — согласился Гаврюшин. Немного помолчал и, придвинувшись к Казику, зашептал почти на ухо: — Никита Старчук мой приятель. Вообще-то он меня на десять лет старше, но мы всю жизнь живем в одном подъезде, наши родители тоже приятели. Так вот он руководит здесь, в аэропорту, отделом экономической безопасности. То есть они договоры, партнеров всяких проверяют, чтобы какую-нибудь дрянь в красивом фантике не подсунули и чтобы в овечьей шкуре какой-нибудь волк не оказался. Ну, занимаются типа экономической разведкой и контрразведкой. Этот отдел создал Лавронин и перетащил Никиту. Никита ведь раньше в полиции служил, но это не для него, он слишком вольный. В общем, Никита четко под Лаврониным ходит. А тут появляются новый директор с Малафеевой, и Малафеева начинает поляну делить — ну то есть требует, чтобы отдел Никиты под нее передали. Типа того, что она заместитель по экономике и все экономические вопросы, включая проверки всяких партнеров, договоров, чего-то еще... в общем, я не шибко в экономике разбираюсь, должны быть под ней. А Никита на дыбы встал — он ведь вольный. И заявил Лаврону: дескать, под новой замшей работать не будет и, если что, уволится к чертовой матери. А чего Никите бояться? Он ведь спец, и все это знают. Лавронин тоже на дыбы встал и, Никита рассказывал, там крупная разборка произошла. Ну, Лавронин-то мужик такой... тяжеловес... в результате все на свою сторону перетянул. Ну, Малафеева на Никиту, конечно, надулась. А тут, где-то месяц назад, к Никите в отдел на проверку несколько договоров поступило, которые Малафеева подписывать собиралась. Ну, все вроде бы нормально, но за один договор Ни-

кита зацепился, хотя договор там был совершенно пустячный, закупка какой-то канцелярии, кажется. Никита вообще цепкий, въедливый, как клещ. Проверил по первому слою, по второму... а как до третьего докопался, тут и выкопал: фирма — полное фуфло. Ну и понятно — тут же все это изложил по полной форме. Малафеева, как говорится, и уелась, и умылась, «спасибо» не сказала, но призналась, что ее сотрудники не доработали. От отдела Никиты отстала, но с самим Никитой здороваются сквозь губу. Только я вас, Аркадий Михайлович, прошу, — Гаврюшин посмотрел виновата, — вы уж про это никому... Мне это Никита не для болтовни рассказал... Поехидничать ему, конечно, захотелось, Малафеева-то себя сильно крутой считает.

— Я совершенно не собираюсь болтать, — заверил Казик.

У проходной промзоны они расстались. Отпущенный восвояси старлей направился к зданию своего ЛОВД, а сам Аркадий Михайлович — в гостиницу. Ему надо было сделать себе кофе, внимательно посмотреть в компьютере отчеты (которые ему вчера дали, а, возможно, уже сегодня дополнили свежей информацией) и подумать.

Впрочем, думать он стал сразу за проходной. Но не о Марадинском, а о Егоровой.

Чтобы пройти в промзону, проинструктированный Гаврюшиным Казик приложил свой электронный пропуск к экранчику специального устройства. Стоящая за металлическими створками ограждения женщина с нашивкой «САБ» посмотрела в экран монитора, где высветилось лицо обладателя пропуска, и сверила с оригиналом. Только после этого створки распахнулись. То есть получалась двойная проверка — электронная и визуальная. И так наверняка везде, куда не допускается проходить посторонним.

Ну и зачем было красть пропуск Егоровой?

Любой, кто знаком с внутренними правилами аэропорта, прекрасно понимает, что воспользоваться чужим пропуском нереально. А если человек не знает правил, то как в принципе и для чего он собирался им воспользоваться? Впрочем, по заверениям Дергачева, никто и не пытался. Опять же Егорова после работы всегда убирала пропуск в сумку, а тут в спешке забыла. Всего лишь совпадение.

Что же получается? Пропавший пропуск — случайность. А вот то, что удалось сохранить сумку, явно приглянувшуюся нападавшему, — удачное стечение обстоятельств.

В общем, на первый взгляд, история хоть и крайне неприятная, однако же вполне бытовая.

А на второй?..

Зачем в тот же день к Ольге Валерьевне Егоровой явилась Вера Николаевна Бубнова? Не улетела или прилетела, а совершенно намеренно явилась? Разве они подружки или хотя бы приятельницы? Однако же аудитор пришла к начальнице VIP-зала с явной целью поговорить о Марадинском. Ну да, у Бубновой с Марадинским какие-то дела, она опасается за их перспективы, но при чем здесь Егорова? Или Бубнова считает, что начальница VIP-зала в курсе всего, в том числе расследования, хотя бы на уровне слухов? С какой стати?..

Казик переступил порог своего номера одновременно со звонком телефона.

— Аркадий Михайлович, я могу принести вам сумку? — раздался голос Дергачева.

— Да, конечно, — разрешил Казик.

Дергачев появился минут через десять с плотным пакетом, в котором лежала упакованная в полиэтиленовый пакет сумка Егоровой. И без того хмурое лицо начальника САБа было совершенно мрачным.

— Что-то случилось? — спросил Аркадий Михайлович.

— Да так... рабочие моменты, — буркнул Дергачев и ушел, не попрощавшись.

Казик позвонил Купревичу. Тот не откликнулся. Включил компьютер, набрал в интернетовском поисковике «Аудиторы — «ФинАудит», и ему тут же вывалилось штук двадцать ссылок, в том числе на официальный сайт фирмы. Кликнул «Руководство», и перед ним предстала фотография красивой блондинки с надписью: директор Вера Николаевна Бубнова. Казик посмотрел сайт, поизучал прочую интернетовскую информацию, почитал отклики... Все весьма солидно и достойно. И директор — вполне приличная женщина...

Купревич перезвонил минут через сорок:

— Извините, не мог ответить. — И куда-то в сторону: — Подготовили? Пересылайте мне на компьютер! — И снова обращаясь к Казику: — Я слушаю вас, Аркадий Михайлович.

Купревич слушал внимательно, не перебивая, дослушал до конца и сказал:

— Я не считаю, что этим должны заниматься мы. Это дело полиции, причем не транспортной, а территориальной. К сожалению, ежедневно самых разных людей пытаются ограбить, и далеко не каждому удастся так легко отделаться. Однако в определенном смысле вы правы: все, что касается аэропорта, должно быть принято во внимание. Несите сумку, я передам ее для экспертизы. Но! — строго подчеркнул полковник. — Не надейтесь на быстрый результат. У местных криминалистов помимо нас полно работы, хотя наши задания они выполняют в первую очередь. Я же в данном случае не собираюсь стоять над ними с кнутом.

— Конечно, конечно, — не стал спорить Казик и, подхватив пакет с сумкой, отправился в штаб.

Купревич сидел за столом и что-то рассматривал в компьютере.

— Кладите свое добро вон туда, — махнул он, не глядя, рукой на стул, — и подойдите ко мне. Вот как раз переслали... по вашему, кстати, заданию. — Полковник ухмыльнулся. — Наши технари вычислили траекторию полета испуганного взгляда Марадинского. То есть вы утверждали, что он кого-то увидел, испугался и попытался спрятаться в цоколе. Наши спецы все, что надо, совместили, и вот посмотрите, кто мог попасть на глаза Марадинского. Это пассажиры московского рейса. Уже из последних. И в принципе их совсем немного.

Купревич развернул монитор к Казику. Тот взгляделся и ахнул:

— Я не знаю, кто все остальные, но вот эта красивая блондинка — Вера Николаевна Бубнова!

ГЛАВА 13

У Сергея Дергачева была удобная позиция: в отличие от прочих аэропортовских начальников он не тяготился сравнениями. Появившись за несколько дней до приезда нового директора, бывшего он не знал. А потому воспринял Огородова непредвзято, выставив ему в конечном счете твердую «четверку». Впрочем, «пятерки», по его мнению, заслуживал только Лавронин, который высказался так: «У Огородова есть трамплин в Росавиации, но он пытается доказать, что и сам умеет хорошо прыгать. И это нормально». Директор ни разу не вызывал Сергея к себе в кабинет и вот теперь позвонил, причем напрямую, не через секретаршу, и сказал, что ждет у себя.

Валерий Леонидович сидел за большим столом, где все было разложено с тщательной аккуратностью. У Сергея на столе царил вечный бедлам, и он никак не

мог понять, откуда тот берется. Впрочем, и сам Огородов (по отзывам аэропортовских дам) был, как картинка: всегда образцово выглаженный-вычищенный и при этом дорого упакованный — приятный женскому глазу. Дергачев никакой неряшливости не допускал, однако в дорогих одеждах ничего не понимал и мужской приятностью не интересовался.

— Присаживайтесь, — кивнул Огородов.

Сергей выдвинул из-за приставного столика стул и сел, прикидывая: то ли директор просто вежливый, то ли разговор предстоит не короткий.

— Вы ведь уже знаете, что Юрий Александрович Лавронин ушел на больничный?

— Да, — подтвердил Дергачев.

— А я, зная о ваших особых отношениях, предполагаю, что вы в курсе, почему он это сделал.

Дергачев счел нужным не отреагировать.

Огородов помолчал и продолжил ровным, строгим голосом:

— Я полагаю, Сергей Геннадьевич, что нам не надо с вами в игры играть. Я намеренно попросил Юрия Александровича уйти на больничный. Потому что я считаю целесообразным, чтобы он на время исчез из аэропорта. Не надо ему быть на глазах у москвичей и всех прочих. Я уважаю Юрия Александровича и не вижу его вины в произошедшем. Но именно он отвечает за безопасность, и чисто формально... в общем, вы меня понимаете.

— Я вообще-то тоже отвечаю за безопасность, — напомнил начальник САБа.

— Бросьте! — отмахнулся директор. — Вся система была выстроена до вас. И прежде всего Юрием Александровичем. — Огородов вздохнул. — Я высоко ценю Юрия Александровича. Но у меня был малоприятный разговор с московским полковником. И совсем непри-

ятный разговор с акционерами. Приходится крутиться, как воришке на ярмарке. Поэтому я принял решение удалить Юрия Александровича подальше от чужих глаз. Конечно, это полумера, но все лучше, чем вообще не принимать никаких мер. Вы понимаете?

Дергачев кивнул.

— Но прежде всего я вызвал вас для того, чтобы сообщить: я сегодня подпишу приказ о назначении вас исполняющим обязанности замдиректора по безопасности. — Огородов поймал недоуменный взгляд Дергачева и произнес с вызовом: — Да, вы здесь без году неделя. Но в подобных случаях всегда назначают начальника САБа. Конечно, у вас прибавится забот, однако Лавронин подобрал достаточно толковых руководителей служб, так что, уверен, особых хлопот у вас не возникнет.

— А отдел экономической безопасности Старчука? Вы его передадите Малафеевой?

Дергачев вспомнил, какой скандал устроил Старчук, когда на него Малафеева посягнула. Лавронин рассказывал, причем не без удовольствия: дескать, смотри, какие у меня верные кадры.

— С какой стати? — удивился директор. — Ну да, Екатерина Александровна с самого начала настаивала, но Юрий Александрович убедил меня, что делать это не надо. Так зачем я буду чего-то переиначивать на короткий срок? Надеюсь, это будет действительно короткий срок. И вообще... — Огородов вдруг усмехнулся, — например, в аэропорту, где я прежде работал, в принципе не было должности зама по безопасности. Прекрасно обходились силами начальника САБа.

Сергей подумал, что в его бывшем аэропорту тоже не было такого заместителя. Ну так что сравнивать слона и моську?

— Я могу идти? — спросил Дергачев.

— Идите, — разрешил директор, однако уже у порога окликнул: — Забыл предупредить, Сергей Геннадьевич. Каждое утро вы мне должны докладывать об обстановке в аэропорту. Я имею в виду по вашей линии. Ну а если какая-то нештатная ситуация... в любое время. Сейчас мелочей быть не может... У нас сейчас вообще одна сплошная нештатная ситуация.

В принципе Дергачев не собирался ставить директора в известность насчет нештатной ситуации с Егоровой. Считал, не тот уровень. Да и уговорились сегодня утром особо не распространяться. И все же...

— Вчера поздно вечером напали на Ольгу Валерьевну Егорову, — сказал он.

— Что значит — напали?! — Огородов аж с кресла привстал.

— Она с работы возвращалась, около дома на нее напали, похоже, грабитель хотел сумку отнять. Но не успел, сосед с собакой помешал. Да и сама Егорова даже испугаться не успела, быстро все случилось, так что обошлось.

Директор опустил в кресло, покачал головой:

— А вы когда об этом узнали?

— Да почти сразу и узнал. Она мне позвонила.

— Почему вам, а не в полицию? — Огородов посмотрел удивленно.

— Потому что грабитель с нее пропуск сорвал, скорее всего, случайно. Егорова забыла пропуск снять. Ну а по инструкции...

— Я знаю инструкцию, — перебил директор. — Вы, естественно, тут же пропуск заблокировали?

— Разумеется.

— Прямо напасть какая-то... — пробормотал Огородов и, мотнув головой, словно встряхнувшись, спросил строго: — Егорова написала заявление в полицию?

— Нет. Считает, там разбираться не станут, только время у нее отнимут. Потому как разбираться вроде не с чем и не с кем. Никто не пострадал, ничего не отняли, никого опознать Егорова не сможет. Только пропуск пропал, но так это дело не полиции, а САБа.

— То есть нападавшего она даже краем глаза не видела?

— Говорит, что нет. Все слишком быстро произошло.

— Хорошо, — кивнул директор и сам себя поправил: — Вернее, плохо. То есть хорошо, что все обошлось, но плохо, что все это в принципе случилось...

Покинув административный корпус, Дергачев позвонил Казику насчет сумки. Огородову об этой сумке он ничего не сказал, решил не загружать лишней информацией. Но прежде всего промолчал, потому как пришлось бы объяснять, почему с проблемой начальницы VIP-зала он обратился к стороннему эксперту, а по сути — к московским следователям. Директору это бы явно не понравилось.

А самому Дегачеву в данный момент больше всего не нравилось, что он вынужден пусть временно, но занять место Лавронина. И не из-за опасения дополнительной работы, а по совершенно иной причине: его тревожили слова Огородова об очень неприятном разговоре с москвичами, и прежде всего с акционерами. Черт их знает, этих новых хозяев, еще решат от греха подальше навсегда убрать Лавронина с его места.

ГЛАВА 14

— Значит, это и есть Вера Николаева Бубнова, которая вчера так настойчиво интересовалась у Ольги Валерьевны Егоровой Марадинским? — Олег Романович Купревич придвинул лицо к монитору, поправил очки: — Вы уверены?

— Совершеннейшим образом! — заверил Казик. — Перед встречей с вами я заглянул на официальный сайт фирмы «ФинАудит».

— Н-да... — протянул полковник. — И такая симпатичная дама может оказаться такой страшной? Судя по всему, Марадинский испугался именно ее. Ну, посмотрите сами, Аркадий Михайлович.

Купревич развернул монитор, и Казик увидел: в тот самый момент на глаза Марадинскому могли попасть только Бубнова, пожилая пара, женщина с девочкой лет двенадцати и парнишка с жидкой бороденкой. Они последние выходили из зоны прилета московского рейса.

— Все эти пассажиры в терминале не задерживались, сразу на привокзальную площадь вышли, мы проверили по камерам. И, судя по всему, Марадинский очень не хотел быть замеченным Бубновой и решил спрятаться в туалете. Спустя четыре дня Бубнова является к начальнице VIP-зала и под предлогом общих дел с Марадинским пытается навести справки по поводу расследования. Через несколько часов на Егорову кто-то нападает. Стечение обстоятельств? — Купревич бросил взгляд на лежащий на стуле пакет с сумкой. — Я отдам вашу поклажу на экспертизу. И распоряжусь, чтобы внимательно прошерстили деловые связи Бубновой и Марадинского. Может, это даст ответ на вопрос: чем Вера Николаевна так могла напугать Эдуарда Борисовича?

— Есть еще несколько вопросов, не исключено, мелких, однако же любопытных, — заметил Казик. — Во-первых, почему постоянная клиентка VIP-зала воспользовалась обычным терминалом? Во-вторых, почему она вообще вышла последней? У нее, если судить по записи камер, с собой была лишь небольшая дорожная сумка, которую она явно брала в самолет. Таким пассажирам не надо ждать выдачи багажа, и они проходят первыми. И, вполне возможно, она с Марадинским просто бы

разминулась. Наконец, в-третьих, почему Вера Николаевна, которая, конечно же, узнала о смерти Эдуарда Борисовича в тот же день, вдруг так этим заинтересовалась? Причем настолько, что не удовлетворилась официальной и неофициальной, гуляющей по интернету информацией, а спустя четыре дня отправилась в аэропорт потолковать с Егоровой? Да, у Бубновой были деловые отношения с Марадинским, но, уверен, у нее деловые отношения еще с кучей народа.

— То есть вы полагаете, за этими отношениями кроется нечто особенное? — уточнил полковник.

— Я хотел бы встретиться с Верой Николаевной. Пообщаться неформально. Без всяких допросов, протоколов и тому подобного. У меня в памяти сейчас всплыла одна деталь... может, сущая ерунда... но кто знает...

— Какая деталь? — спросил следователь тем самым тоном, каким ведут допрос.

— Позже, — проигнорировал следовательский тон Казик. — Но поскольку вы, Олег Романович, наверняка не станете возражать против моей беседы с Верой Николаевной, — заявил он так, словно уже получил «добро», — то у меня будет к вам одна просьба. Попросите ваших спецов проверить: случилось ли так, чтобы за последние... ну, положим, полгода, пути Веры Николаевны и Бориса Эдуардовича пересекались в каком-нибудь другом городе. Не обязательно, чтобы они вместе улетали или прилетали. Но чтобы какое-то время они находились в одном месте. Полагаю, это можно отследить по билетам... наверняка есть такая база. Я прав?

— Правы, — подтвердил Купревич. — И прежде всего мы это постараемся сделать по базе VIP-зала, там все клиенты фиксируются.

— И, пожалуйста, найдите номер мобильного телефона Веры Николаевны. Это, полагаю, тоже возможно?

— Возможно, — вновь подтвердил Купревич. — Но все-таки какая деталь у вас там всплыла? — напомнил он свой вопрос.

— Ну-у-у... — Аркадий Михайлович неопределенно повел плечами, — мне кажется, у Бубновой с Марадинским могли быть дела, которые они тщательно скрывали от своего ближайшего окружения, и потому они их, скажем так... старались проворачивать... на нейтральной территории.

— Не исключено... — задумчиво проговорил полковник. — В конце концов, страховщик и аудитор — это не летчик и учительница... Тут вполне могут возникнуть деловые интересы. И соответствующие противоречия. Ведь Марадинский недаром испугался Бубновой...

Аркадий Михайлович покинул административный корпус и двинулся не в сторону гостиницы, а в совершенно противоположную — к пассажирскому терминалу. Народа было немного — судя по всему, наступило время относительного самолетного затишья, невероятного где-нибудь в Москве и вполне привычного пусть в относительной, но все же провинции. Аркадий Михайлович прошелся по залу, оценивая «на местности» все, что он видел на записях: где Марадинский сидел, куда глядел, как спасался бегством. Вход в цокольный этаж действительно был ближайшим убежищем. Казик спустился вниз, отметив, что, пожалуй, цокольный туалет не много кого привлекает. Здесь горел какой-то сиротливый свет и, по крайней мере в данный момент, царила совершенно безлюдная тишина.

Аркадий Михайлович поднялся в зал и вдруг увидел Ольгу Валерьевну Егорову. Она стояла, опершись на барную стойку, и о чем-то разговаривала с грузным южнолицым мужчиной. Стойка находилась в пеналообразном отсеке, между залом прилета и стеной из толстого гипсокартона. Над входом в отсек висела вывеска «Ко-

фейня у Рустама». Удачное совпадение, решил Казик и направился в кофейню.

Первым его заметил мужчина.

— Прошу вас! — разулыбался он с профессиональным радушием. — У нас самый лучший кофе!

Егорова обернулась и почему-то смутилась.

— О, Ольга Валерьевна! — изобразил радость Казик. — А я вот решил кофейку испить.

— У Рустама, — Егорова кивнула на мужчину, — он самый лучший.

— Тогда, может, получим удовольствие вместе? Я вас угощаю.

— Ну зачем же? Я в состоянии за себя заплатить, — воспротивилась начальница VIP-зала, но Казик отмахнулся, переключившись на хозяина:

— Уважаемый Рустам, будьте любезны, сделайте нам две чашечки самого вкусного кофе.

— Всенепременно! — заверил хозяин. — У нас всегда прекрасный кофе, а для Ольги Валерьевны он даже лучше прекрасного. А для хорошего знакомого Ольги Валерьевны я тоже сделаю лучше прекрасного. Присаживайтесь вон там, — он кивнул на столик около искусственного деревца, — здесь самое уютное место.

— Я люблю сюда приходить, — сказала Егорова. — Здесь действительно самый лучший кофе. Не только в аэропорту, но и в городе... я думаю. И Рустам очень хороший человек. Может, потому и кофе у него такой. — Помолчала и спросила: — А вы здесь случайно или?..

— Встретил вас случайно, — нисколько не соврал Казик. — Но очень вовремя. Хочу вас еще кое о чем спросить.

— Пожалуйста, — Егорова пожала плечами. — Хотя я все утром рассказала... Вряд ли что-то вспомню новое...

— Я немного о другом. Я кое-что хочу уточнить у вас по поводу Веры Николаевны Бубновой.

Казик улыбнулся с эдакой просительностью. Вроде, извините великодушно, но очень уж нужно полюбопытствовать.

— Веры Николаевны? — Егорова посмотрела удивленно. — Я ничего особенного о ней не знаю. В основном только как о клиентке нашего зала.

— Да-да, она только клиентка. Как и Эдуард Борисович Марадинский... — Казик осекся, потому что Рустам лично принес две чашки кофе и замер около столика в почтительном ожидании. Аркадий Михайлович отхлебнул глоток, воздел глаза к потолку, произнес с восхищением: — М-м-м!..

Хозяин удовлетворенно кивнул и степенно удалился.

— Действительно потрясаяще! — оценил Казик и тут же переключился: — Так вот, Эдуард Борисович Марадинский тоже значился вашим клиентом, был знаком с Верой Николаевной, и вполне возможно, они как-то пересекались в вашем зале.

— Пересекались. И что здесь особенного? — пожала плечами Егорова.

— А они общались между собой?

— Общались. И что здесь особенного? — повторила Ольга Валерьевна, но на сей раз настороженно.

— В принципе, ничего. Но вот как раз про особенное... Может, вы замечали какие-нибудь особенности в их общении? Ну, чисто случайно... В конце концов, подмечать нюансы входит в ваши служебные обязанности...

— В мои служебные обязанности не входит устраивать слежки за клиентами! — довольно жестко отреагировала Егорова.

— Конечно, конечно! — Казик разве что руки к груди не прижал в знак полного понимания чужой деликат-

ности. — Однако я не просто так интересуюсь. Не из любопытства, поверьте. Ваша работа требует определенной тонкости, и лучше вам неофициально пообщаться со мной, нежели совершенно официально со следователем.

На лице начальницы VIP-зала отразилось смещение. Уж что она себе такое-эдакое представила, Казик не понял, но Ольга Валерьевна, судорожно отхлебнув из чашки, задумалась. Причем (психолог нисколько не усомнился) не просто взяла паузу, а действительно углубилась в воспоминания.

— Пожалуй, один раз я заметила особенное... как мне показалось... — произнесла она неуверенно, — осенью прошлого года... Вообще-то Вера Николаевна и Эдуард Борисович действительно пересекались периодически в нашем зале, они ведь довольно часто летали, особенно Эдуард Борисович. И, насколько я видела... ну, по крайней мере, когда я сама в зале находилась... они нормально общались. В любом случае они всегда здоровались, они же воспитанные люди... А прошлой осенью Эдуард Борисович вместе с женой улетал куда-то за границу, рейс задержали, и они часа два провели в зале. Вера Николаевна тоже куда-то улетала, и у нее тоже была задержка рейса... Так вот они не только не общались, но даже сделали вид, будто друг с другом не знакомы. Я довольно случайно обратила на это внимание и тут же выбросила из головы. Какое мое дело? И только вот сейчас, когда вы стали расспрашивать, вспомнила... Но ведь это сущая ерунда...

— Премного благодарен, Ольга Валерьевна! — просял Казик и, в буквальном смысле раскланявшись, покинул кофейню.

...Купревич позвонил раньше, чем Аркадий Михайлович рассчитывал.

— Ну, во-первых, записывайте номер Бубновой. Он есть в базе VIP-зала, — сказал полковник. — А во-

вторых, Марадинский и Бубнова действительно пересекались в разных городах четыре раза. Один раз в Москве, один раз в Екатеринбурге и дважды в Питере. Вылетали и прилетали в разное время, но в одном месте находились два-три дня. Последний раз в Питере, за три недели до убийства Марадинского. Все это мы установили по билетным базам. Что вы намерены предпринять?

— Как вам и говорил, я намерен пообщаться с Верой Николаевной. Хочу выяснить, какие-такие особые дела ее связывали с Марадинским. И, поверьте, — упредил возможные возражения Казик, — это лучше сделать мне, нежели вам. Любой допрос и даже официальная беседа полной ясности нам не дадут. Насколько могу предположить, Бубнова не из тех женщин, кто испугается следователя.

Аркадий Михайлович придумал разные варианты, как сговорить руководительницу аудиторской фирмы к скорой беседе, но сработал самый простой и правдивый.

— Значит, вы эксперт из московской полицейской команды и хотите со мной потолковать о Марадинском? — уточнила Вера Николаевна.

— Совершенно верно, — подтвердил Аркадий Михайлович. — Вы ведь были с ним знакомы?

— Ну, если вы мне звоните, значит, выяснили, что была, — не стала отнекиваться Бубнова. — Только я его точно не убивала. Не припомню за собой такого греха.

В трубке явно послышался короткий смешок, и это несколько удивило Казика: демонстрирует ироничное безразличие, хотя специально интересовалась ходом расследования?

— А мы могли бы с вами увидеться, лучше сегодня? — спросил он, прикинув, что почти вечер, и у Бубновой наверняка уже есть свои планы.

Ну как же такая деловая женщина без заранее намеченных планов?

В трубке возникла пауза, правда, короткая, после чего деловая женщина заявила:

— Жду вас в девятнадцать часов. Записывайте адрес...

В жизни она оказалась гораздо интереснее, чем на фото и видеозаписи. Лет сорока, из тех женщин, которые зайдут в переполненный зал и сразу будут замечеными. Яркая дама — притягивающая и одновременно пугающая. К такой ринешься в объятия, но там и задохнешься — что в деловом, что в любом другом смысле.

— А вы совсем не похожи на полицейского, — констатировала она, откровенно окинув Казика с ног до головы.

— Я не полицейский. Я эксперт, — напомнил Казик. — Причем совершенно гражданское лицо. Меня, если так можно выразиться, пригласили кое в чем помочь следственной бригаде.

— Надо же... — усмехнулась она. — И по какой же части вы помогаете?

— По психологической.

— Да ну? — В глазах Веры Николаевны отразился неподдельный интерес, однако даже в малой степени не промелькнула обеспокоенность. — И как это связано: мое знакомство с Марадинским и его убийство? Ведь вы же занимаетесь этим, а не страховым делом?

— Я вам непременно расскажу все, что имею право рассказать... ну, вы понимаете: есть тайны следствия... Но для начала хочу задать вам несколько вопросов. Позвольте?

— Задавайте! — великодушно разрешила Бубнова.

— Кое-что вам может показаться неэтичным, но...

— Я — бизнес-вумен, я с этичностью-неэтичностью сталкиваюсь каждый день и давно научилась адекватно

реагировать, — перебила глава аудиторской фирмы. — Но вы меня заинтриговали, а я имею склонность к любопытству. К тому же, когда постоянно занимаешься всякими расчетами и подсчетами, хочется чего-нибудь для души. Например, пообщаться с психологом.

Бубнова не выказывала ни малейшей озабоченности, напротив, явно была настроена благодушно, и Аркадий Михайлович решил, что это, пожалуй, облегчит общение. Ну вряд ли Вера Николаевна столь талантливая актриса.

— Можно поинтересоваться: какие отношения вас связывали с Эдуардом Борисовичем?

— Обычные деловые. Как со многими другими. Мы работали с целым рядом одних и тех же организаций, с аэропортом, например, и периодически там виделись. К тому же я страховала у него все свое имущество. Его фирма и он сам были надежными партнерами.

— И у вас не было повода для конфликтов?

— Конфликтов? Каких? Мы же не конкуренты! — Она рассмеялась.

— А почему Марадинский так испугался, когда увидел вас?

— Меня? Испугался?! Когда? — Она перестала смеяться.

— Именно тогда, когда его убили. Ну, не в тот самый момент, чуть раньше, — уточнил Казик, — однако именно из-за вас он вдруг сорвался с места и ринулся в цокольный этаж, где его и убили.

— Ничего не понимаю... — вовсе не испуганно, но явно озадаченно произнесла Бубнова. — Извольте изложить поконкретнее.

Конкретное изложение, судя по всему, никакой ясности Вере Николаевне не добавило.

— Странно... — пожала она плечами.

— Вера Николаевна, я охотно верю, что вы не понимаете причины испуга Эдуарда Борисовича, — мягко, почти вкрадчиво произнес Казик. — Но я, простите, не верю, что вас связывали обычные деловые отношения. Как со многими другими.

— Это еще почему?

Вопрос прозвучал довольно резко, и Казик мысленно усмехнулся. Нет, не актриса, ничего подобного.

— С готовностью объясню, — заверил он. — Во-первых, открытой информации об убийстве Марадинского достаточно для удовлетворения простого любопытства. И вы, конечно, узнали, что по сути были с ним в аэропорту в одно и то же время. Но вы его точно не убивали, записи видеокамер это однозначно подтверждают. Между тем, спустя несколько дней, а именно вчера, вы специально приехали в аэропорт, чтобы попытаться выяснить подробности у Ольги Валерьевны Егоровой. Вопрос: с чего вдруг такая озабоченность в отношении обычного делового партнера? Во-вторых, за последние полгода вы четыре раза находились с Эдуардом Борисовичем в одно время в одних и тех же городах, однако улетали и прилетали в разные дни. Снова вопрос: это простое совпадение? Наконец, в-третьих, осенью прошлого года вы и Эдуард Борисович, который был с женой, вместе провели около двух часов в VIP-зале, однако оба сделали вид, будто вообще не знакомы. И опять вопрос: с чего вдруг такая взаимная невежливость? — Казик выдержал паузу и добавил: — На все эти вопросы у меня есть свой ответ: полагаю, у вас были особые, причем законспирированные, отношения, и я даже догадываюсь — какие. Но я хочу получить у вас пояснения.

— С какой стати я вам должна что-то пояснять? Вы ведь утверждаете, что я не имею никакого отношения к убийству Марадинского?

Благодушные Бубновой испарилось, как роса на солнце.

— Я утверждаю, что вы его не убивали, — уточнил Казик. — Но я не утверждаю, что не имеете никакого отношения.

— Ни малейшего! — отрезала она.

— А вот тут вы можете заблуждаться, причем совершенно искренне. Потому что именно ваши отношения, о которых я в некотором смысле догадываюсь... могли, если так можно выразиться, послужить причиной.

И тут неожиданно Бубнова рассмеялась. Аркадий Михайлович даже опешил. Но ведь она же не актриса!

— Вы намекаете, что мы были любовниками и из-за этого Марадинского убили?

— Ну-у-у...

— Чушь! — хмыкнула Бубнова. — Но поскольку вы все равно докопаетесь... и на свои бесполезные раскопки потратите кучу времени... да еще наделаете всякого шума, чего я совершенно не хочу... то не стану особо темнить. Тем более, что Эдику уже ничем не наврежу. Да, мы были с ним любовниками. Последние года полтора. Я вообще-то женщина свободная, пять лет уже в разводе, а Эдик, сами понимаете, глубоко семейный. Я в своей фирме полная хозяйка, мне фирма досталась от отца, он умер шесть лет назад, но я с самого начала здесь работала, поэтому дело хорошо знаю. А Эдик, который свое дело тоже хорошо знает, совсем не хозяин фирмы — это бизнес его тестя, то есть жены. Чувствуете разницу?

Казик кивнул.

— Эдик так конспирировался, ну и я вместе с ним, что любая разведка позавидует. Конечно, мы встречались и здесь, урывками, в основном днем. Но периодически подгадывали поездки в один город. Подгадывала, разумеется, я. Мне-то проще, я человек свободный. А в

других городах уже мы оба были свободными. В определенных пределах, разумеется. Мы даже пару раз в Москве встречались, но когда его тесть сам куда-то уезжал. Был в этих встречах свой... как говорит молодежь, драйв. А вы думаете, таким людям, как мы, у которых жизнь — сплошная серьезность, не хочется время от времени каких-нибудь острых ощущений? Вы думаете, мы роман закрутили от большой любви? Ну да, была взаимная тяга, но еще больше хотелось приключений. Понимаете?

Казик вновь кивнул. А что? Очень даже понимал. Его самого регулярно тянуло на приключения, хотя и не на любовные, а на криминальные, но, в конце концов, у каждого свои предпочтения.

— А где-то около месяца назад произошла неприятная ситуация. Мы были в Питере. Утром из номера выходим, а навстречу — приятель тестя Эдика. Эдик с такой скоростью обратно в номер залетел, что чуть меня с ног не сшиб. Успел его приятель засечь или нет, мы не поняли, но только Эдик тут же рванул в аэропорт. Хотя мы планировали еще на сутки задержаться. А после этого Эдик пропал. Ну я за него в некотором смысле волновалась, хотела узнать, что да как. Позвонила раз... два... а мне в ответ — тишина. Не реагировал он на мой звонок.

— Совсем не реагировал? — удивился Казик. — У вас все-таки были, помимо всего прочего, и деловые отношения...

— Ну что вы!... — Бубнова посмотрела с легкой снисходительностью. — Я же с Эдиком связь поддерживала не со своего номера. Специально левую симку завела.

— Неавторизированную?

На сей раз Вера Николаевна посмотрела с удивлением.

— А где бы я ее взяла? Это в кино повсюду неавторизированные симки. А в жизни ее на ближайшем углу не купишь. Нет! — отмахнулась она. — Я сделала проще. Попросила дворника, который у нас тут рядом убирает, дала ему тысячу, он и купил на свой паспорт. А вообще, — на лице Бубновой отразилось явное недовольство, — я терпеть не могу многоточия. Я предпочитаю всегда ставить точку. Понимаю, Эдик жутко перепугался, он вообще очень боялся своего тестя. Понимаю, если бы его на измене поймали и его жена подала бы на развод, а она, говорят, крайне самолюбивая женщина, Эдик в лучшем случае остался бы с машиной и половиной квартиры, потому как весь бизнес — на тесте. Но «прощай» можно же сказать напоследок? А он, получается, от меня бегать затеял? В общем, где-то неделю назад я ему еще раз позвонила, со своего обычного номера, но он все равно трубку не взял. И я решила, что черт с ним.

— Получается, в тот день, когда Марадинского убили, вы его не видели?

— Разумеется, нет. Я только с трапа спустилась, начались всякие звонки, причем довольно серьезные. Пришлось даже в секторе прилета задержаться, в результате я вышла чуть ли не последней. Мне было совершенно не до того, чтобы глазеть по сторонам. А потом я вообще не понимаю, что Эдик в общем зале делал. Он ведь знал дорогу только через VIP-зал. Это я, если не из-за границы прилетаю и только с ручной кладью, всегда хожу через общий зал. Так ведь моя фирма — это мой бизнес. И деньги — только мои, поэтому я их на ветер не бросаю.

— А если бы вы увидели Марадинского, подошли бы к нему?

— Зачем? — фыркнула Вера Николаевна. — Я для себя точку поставила. Правда... — она помолчала, — это оказалась не жирная точка. А я предпочитаю доходить

до самого конца. Поэтому, когда я услышала об убийстве Эдика, подождала и все-таки поехала к Егоровой. Подобные начальницы всегда знают больше, чем другие догадываются. Но она ничего особенного не знала. Или не захотела говорить. И все же... — Бубнова повела плечами, — я уверена, что наши отношения здесь совершенно ни при чем.

— Ну, в целом, понятно, — сказал Купревич. — Марадинский испугался, потому что не знал, чем закончится встреча с Бубновой. И вообще, даже при самом благополучном раскладе эта встреча ему была слишком некстати. Он ведь приехал в аэропорт тайно.

— Но мы не знаем, насколько тайным оказался роман Эдуарда Борисовича и Веры Николаевны, — заметил Казик.

— Вы считаете, что вот таким образом с Марадинским расправились его обманутая жена и рассерженный тесть? — скептически покривился полковник. — Им гораздо проще было просто вышвырнуть его за порог, а не организовывать столь сложную и опасную спецоперацию.

— Вы, конечно, правы, — согласился Аркадий Михайлович. — Но все же я хотел бы переговорить с Эммой Алексеевной Марадинской. Это ведь возможно?

— Полагаю, вполне, — кивнул Купревич и вдруг спросил, причем с иронией: — Вы хотите потолковать с женой Эдуарда Борисовича, потому что вас опять какая-то деталь на что-то натолкнула? Вы думаете, я забыл о вашей детали, которую вы почему-то решили сохранить в секрете?

— Уверяю вас, здесь нет ничего особенного! Я просто боялся показаться глупым сплетником, в конце концов, мы ведь с вами едва знакомы.

— И по-прежнему боитесь?

— Сейчас нет. Потому что деталь очень даже подошла к пазлу любовной истории. Дело в том, что старший лейтенант Гаврюшин мне так... между прочим... рассказал об информации, которую он случайно в интернете обнаружил. Марадинский, оказывается, уже был женат на своей нынешней жене. Давно, в ранней молодости.

— Вот как? — нахмурился полковник. — У меня нет этой информации.

— Просто никто не копался так глубоко в его личной жизни.

— Плохо! — отрезал полковник.

— Так вот, если верить интернету, а ему все-таки нельзя безоговорочно верить, много лет назад Марадинского поймали на измене и вышвырнули из семьи. Но через какое-то время вернули, вероятно, Эмма Алексеевна его все-таки любила, и они снова сыграли свадьбу. Дети у них родились уже позже. Вполне допускаю, что Эдуарду Борисовичу поставили жесткий ультиматум: еще один поход налево, и он будет изгнан окончательно и бесповоротно. Ну и я, сопоставив разные детали, предположил вот эту самую левую любовную историю.

— Которая оказалась достаточно точной.

— И которая вряд ли имеет непосредственное отношение к смерти Марадинского. По крайней мере, мне так кажется.

— Но вы все равно хотите пообщаться с женой?

— Да.

— А я переговорю с тестем. Послезавтра похороны, и он прилетает завтра вечером. Причем из глубин Латинской Америки. Забрался так далеко, что не сразу сумел выбраться. У него стопроцентное алиби. Хотя такие люди сами подобные дела не делают. Но вы правы: убивать в данном случае, да еще в аэропорту, — верх глупости. А такой человек, как тесть Марадинского, слишком умен.

ГЛАВА 15

— Ты что, боишься дополнительной ответственности? — спросил Лавронин.

— Нет.

У начальника САБа было столько ответственности, что чуть больше, чуть меньше уже не играло роли.

— Тогда что, боишься дополнительной работы?

— Нет.

У Дергачева не было в этом городе ничего, кроме работы, он в аэропорту по сути жил, приезжая в пустую съемную квартиру только ночевать, так что чуть больше, чуть меньше уже не играло роли.

— Тогда — что?

— Я не люблю занимать чужое место. В данном случае — ваше.

— Не дури! — строго осадил Лавронин. — Нравится нам это с тобой или не нравится, но Огородов поступил правильно. Мне сейчас не надо мозолить глаза, а кого назначать исполнять обязанности замдиректора по безопасности как не начальника САБа? Так всегда делается. Опять же Огородов понимает, в случае чего ты спокойно можешь посоветоваться со мной. То есть и тут все правильно. Кстати... — Лавронин вдруг напрягся, — а что с Никитой Старчуком? Его не переподчинили Малафеевой?

— В приказе ничего такого нет.

Сергей глянул на монитор, где был вывешен разосланный по внутренней сети приказ о назначении его временно исполняющим обязанности.

— И разговор с тобой на эту тему не возникал?

— Я спрашивал. Огородов сказал, что не собирается переподчинять Старчука.

— Ну, это хорошо, — с облегчением вздохнул Лавронин. — А то Никита наверняка бы устроил демарш.

Исключительно толковый спец — надежный, знающий, въедливый... Но характер... Упертый, как вол, и не сдвигаемый, как баобаб. Малафеева его хотела под себя забрать, дескать, вся экономика должна быть под ней, так Старчук мне настоящий ультиматум поставил: если я соглашусь, он тут же уволится. И уволился бы, нисколько не сомневаюсь. И даже если бы его временно переподчинили, тоже бы какой-нибудь финт выкинул. Он почему-то вообще с самого начала против Малафеевой настроился. А уж когда он ее косяк поймал... с удовольствием носом ткнул. Написал служебную записку прямо с откровенным ехидством. Хорошо, что я все служебные бумаги проверяю и подписываю. Заставил Сарчука формулировки изменить.

— У Малафеевой косяк? — удивился Дергачев.

Самому Сергею она казалась женщиной, у которой образцовость была печатью на лбу проштампована.

— В сущности ерунда. Отдел Старчука проверял несколько довольно мелких договоров, которые Малафеева собиралась заключать с несколькими фирмочками, тоже мелкими. Юристы, финансисты дали добро, с их стороны все было в порядке, но наши-то проверяют сами фирмы. Ну, Никита и обнаружил, что одна фирмочка — совершеннейшая обманка. Причем хорошо замаскированная. Малафеева, надо отдать ей должное, не только фыркать не стала, а лично Старчука поблагодарила. В общем, Огородов и здесь поступил правильно, не стал ничего заострять.

Разговор этот состоялся по телефону — Сергей сам позвонил. Считал нужным обо всем доложить. О падении на Егорову тоже рассказал, но Лавронин, посочувствовав Ольге Валерьевне, отнесся к этому как к неприятному совпадению, некой черной полосе, которая все-таки оказалась не совсем черной, поскольку все обошлось без особых потерь.

— Раз Ольга Валерьевна не стала обращаться в полицию, то и не надо распространяться, — посоветовал Лавронин. — Достаточно того, что в курсе и директор, и Казик, а, следовательно, и Купревич, но этому москвичу не до местных хулиганов. Хотя, возможно, кровь на сумке и отдаст на экспертизу, так, для очистки совести. Но в аэропорту незачем дополнительный шум устраивать.

Насчет шума у Сергея сомнения были только в отношении Кондаковой, с которой Егорова успела поделиться. К начальнице клининговой службы, этой воинственной командирше, Дергачев относился с некоторой опаской — впрочем, как и все сотрудники аэропорта, за исключением Егоровой. Приятельские отношения двух женщин казались Сергею странными, хотя он помнил про «они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень».

Конечно, Егорову попросили предупредить подругу, чтобы языком не болтала. Но стоит ли верить языку Кондаковой? Этот язык хорошо всем известен — он вполне способен заменить пулемет. Сергей решил, что, пожалуй, ему следует составить с Кондаковой серьезный и отнюдь не приятельски-просительный разговор. Он набрал телефонный номер.

— Да! — рявкнула начальница уборщиков и одновременно проорала в сторону: — Михалыч, еще раз схалтуришь, я тебя лопатой зашибу! — И вновь в трубку: — Слушаю, Сергей Геннадьевич!

— Нина Григорьевна, — подчеркнуто вежливо произнес Дергачев, — мне надо с вами переговорить. Вы не могли бы ко мне зайти?

— А по телефону нельзя?! — с нескрываемым недовольством отозвалась Кондакова.

— Нельзя, — отверг вариант Сергей.

— Ну ладно, — буркнула Нина Григорьевна. — Сейчас буду.

Оказалось, что ее «сейчас» — это почти буквально сейчас. Словно под дверью стояла, хотя, судя по шуму в телефоне, находилась на улице. Впрочем, к реактивным передвижениям Кондаковой давно все привыкли. Так же, как и к ее резкости, шумливости, властности. Прямо генеральша! Однако же свое весьма специфическое по контингенту «войско» она держала в образцовости, и за это ей все прощали. Она себе хорошо знала цену и никакого начальства не опасалась.

— Ну, о чем вы хотели со мной переговорить? — с порога призвала к ответу «генеральша».

— Присядьте, — кивнул на стул Дергачев.

Кондакова села, как садятся люди, готовые мгновенно сорваться с места, — на край стула, твердо упершись ногами в пол.

— Вы ведь знаете, что вчера произошло с Егоровой? — начал Сергей, но Кондакова перебила:

— Я все знаю. И то, что меня просят помалкивать, тоже знаю. И если вы меня позвали, чтобы провести воспитательную беседу, то можете не напрягаться: я не собираюсь лялкать языком.

— Очень хорошо, — пробормотал Дергачев, которому отчего-то стало неловко. — Извините, что оторвал вас от работы.

По идее, Кондакова должна была встать и уйти. В конце концов, ее действительно оторвали от работы, причем по поводу, вполне решаемому по телефону. Но Нина Григорьевна осталась сидеть, более того, умастилась на стуле со всей основательностью.

— А вот теперь я с вами переговорю, — заявила она сурово.

— Конечно, — не стал противиться Дергачев.

— Вы живете в Авиагородке поблизости от нас с Ольгой, но живете всего ничего, а потому и ничего не знаете. Ольга тоже мало что знает, она здесь тоже не-

давно живет. А я живу уже несколько лет. Кстати, жила раньше в квартире Ольги, она ей от деда досталась. Но около года назад Ольга после развода в квартиру деда переехала...

Значит, Егорова развелась, прикинул Сергей. Интересно: почему? Впрочем, какая разница — он тоже развелся. Вернее, с ним развелись. Да, не он, а — с ним. И это принципиальная разница. А что у Егоровой? Впрочем, какое ему дело?

— ...Мне, правда, повезло. Я сняла квартиру в этом же подъезде, двумя этажами выше. Так вот в нашем околотке давно никто никакие безобразия не безобразничает. Лет десять назад, говорят, бывало. Но несколько мужиков... серьезных... из соседних домов объединились и без всякой полиции порядок навели. Так что у нас спокойно, хоть ночью гуляй. И вдруг вчера кто-то нападает на Ольгу в нашем тихом садике. Странно?

— Почти каждый день кто-то на кого-то нападает...

— Ну конечно! — словно рассерженная кошка, фыркнула Кондакова. — Только вот мне странно, что на Ольгу нападают через несколько дней после того, как в аэропорту пыряют ножом мужика, который постоянно шнырял через VIP-зал и хорошо знал Ольгу.

— Это может быть простое совпадение, — без особой уверенности сказал Дергачев.

— Может, — согласилась Нина Григорьевна, помолчала и вдруг произнесла почти жалобно: — Сергей Геннадьевич, я очень за Олю беспокоюсь. Правда-правда... Ну здесь, в аэропорту, она у всех на глазах, не страшно... А вот когда она домой возвращается... Если мы с ней по времени совпадаем, я ее и раньше до дома подвозила, у Оли машины-то нет. А если не совпадаем... Вот сегодня я здесь допоздна, у главных начальников в кабинетах окна мыть должны. Главные начальники не желают, чтобы при них окна мыли, придется дожидаться, когда

все разойдутся. А мне уж придется проконтролировать. Поэтому когда я освобожусь, понятия не имею. Оля одна до дома добираться будет. Правда, она собирается часов в шесть с работы уйти, еще светло, но все равно...

— Вы что, предлагаете ей охрану выделить? — спросил Дергачев.

— А можно? — встрепелась Кондакова.

— Никто не даст, — развеял пустые надежды Сергей. Помолчал и добавил: — Сегодня, пожалуй, сам смогу Ольгу Валерьевну подвезти. Я в шесть часов собираюсь в город поехать, завезу ее по дороге.

— Вот спасибо вам преогромное!

Дергачеву показалось, что Кондакова сейчас бросится ему на шею, но та, конечно, ничего такого делать не стала, благодарственно прижала руки к груди и метнулась к двери. На пороге Сергей ее окликнул:

— Нина Григорьевна, вы знаете, где в городе есть хорошие парфюмерные магазины?

— Парфюмерные?! — отреагировала она так, словно начальник САБа спросил о чем-то совершенно невероятном.

— У меня у дочки скоро день рождения, хочу духи купить и переслать... Дочка у меня в Нижнем Новгороде живет, я договорился, сотрудница моя туда завтра летит, передаст дочке подарок... Но я не знаю, где купить хорошие духи... Я ведь вообще почти не знаю город... — непонятно с чего принялся объяснять Сергей.

— Я не очень в курсе, — покачала головой Кондакова. — А вы у Ольги спросите. Она точно подскажет.

Конечно же заботливая подруга все донесла, потому что Егорова позвонила первой.

— Сергей Геннадьевич, прошу вас, не надо никаких хлопот. Нина Григорьевна все преувеличивает. Я совершенно спокойно могу сама...

— Нисколько не сомневаюсь, что вы можете сама, — прервал ее Дергачев. — Но я поеду в шесть часов в город и по дороге завезу вас домой.

— Вы собираетесь в город? — неожиданно заинтересовалась Егорова.

— Да.

— А если не секрет, в какое место?

— В то, где есть хорошие парфюмерные магазины. Скорее всего, в центр. Вы знаете, где есть хорошие парфюмерные магазины? Нина Григорьевна считает, что вы мне подскажете.

— Я подскажу, — подтвердила Егорова. — Я даже покажу. Потому что мне сегодня тоже надо в город, и, если вам не обременительно подвезти меня... мы поедем через центр, там есть хороший магазин...

— Мне не обременительно. Ждите у вашего зала в шесть.

Он позвонил заместителю и сообщил о своем отъезде раньше обычного. А следом сообразил: это начальник САБа мог распорядиться собственным временем, а как должен поступить исполняющий обязанности гендиректора по безопасности? Сергей подумал и набрал номер Огородова. Тот ничего уточнять не стал, коротко ответив, дескать, у него дел к Дергачеву нет. То есть тот свободен на вечер.

Егорова вышла из VIP-зала ровно в шесть, и Сергей оценил: пунктуальная. Он терпеть не мог людей, которые опаздывали даже на чуть-чуть.

Минут десять ехали молча, первым это молчание нарушил Дергачев.

— А вам самой в городе куда надо?

— Я к родителям, — ответила Егорова. — От торгового центра, где есть хороший магазин и подземная парковка, до них три остановки.

«Три остановки, да еще в людное время... ничего с ней не случится», — подумал Сергей. А следом подумал: «А как она будет возвращаться — поздно по темноте? Ну не на полчаса же она собралась к родителям?»

— А возвращаться вы собрались поздно по темноте? — озвучил он свои мысли.

— Я собираюсь остаться ночевать. Родители завтра улетают к маминой сестре, мы вместе приедем в аэропорт, а сегодня у нас типа прощального ужина. И вообще... — Егорова улыбнулась слегка кривой улыбкой, какая бывает у людей, пытающихся скрыть чувство неловкости. — Нина... Нина Григорьевна... она ведь такая... очень деятельная... она порой способна так все и всех закрутить... Но из самых лучших побуждений! — горячо заверила Ольга. — А вы, пожалуйста, не принимайте все так уж всерьез, особенно по моему поводу...

Сергей решил, что она сейчас будет нескончаемо лепетать, оправдывать и оправдываться, а ему это совершенно не надо, он и так понял.

— Вы мне лучше вот что скажите, — свернул он в другую сторону, — какие духи сейчас в моде?

— В каком смысле? — слегка опешила Егорова столь резкому развороту.

— В прямом. У моей дочери день рождения. Я хочу купить ей духи. Но я не знаю, какие лучше. Я ничего не понимаю в духах.

— А-а-а... — сообразила она. — И сколько вашей дочери исполняется?

— Двадцать четыре.

— У вас такая взрослая дочь? — Ольга посмотрела с удивлением и, как показалось Сергею, с некоторым недоверием.

— Я рано женился. На своей однокласснице. А в девятнадцать лет у нас родилась дочка. Она уже тоже за-

мужем. Живет в Нижнем Новгороде. С ней живет и ее мать. Моя жена. Правда, бывшая. Мы около года назад развелись, — непонятно зачем уточнил Дергачев.

— А хотите, я помогу вам выбрать духи? — неожиданно предложила Ольга, и Сергей обрадовался:

— Хочу.

Ведь он ничего не понимал в духах.

Выбирали они минут тридцать. Причем каждый раз, когда Ольга слегка помахивала перед носом пропитанной ароматом бумажной полоской, она брала из вазочки кофейное зерно и тщательно нюхала.

— А это зачем? — не понял Сергей.

— Кофейные зерна отбивают запах духов. Иначе уже на третий раз я бы ничего не могла различить.

В подобных тонкостях он тоже ничего не смыслил.

Они уже выходили из магазина, когда Ольга, отойдя в сторонку, принялась звонить по телефону. Разговор был короткий, но, судя по всему, приятный — Ольга улыбалась.

— Сергей Геннадьевич, у вас свободный вечер? — спросила она.

Дергачеву хотелось сказать, что у него все вечера свободные, если они не заняты работой, а сегодня работу он закончил гораздо раньше обычного, но он лишь кивнул.

— Прекрасно. Тогда я приглашаю вас к моим родителям на ужин.

Сергей растерялся.

— Да нет... ну что вы... — воспротивился он. — Я вас просто так до родителей довезу...

— Перестаньте! — в свою очередь воспротивилась Ольга. — Вы наверняка сами себе ничего не готовите, поедите домашнего. Вас это ни к чему не обязывает.

Может, если бы она не произнесла последнюю фразу, он бы все-таки отнекался, просто потому, что неловко вот так с бухты-барахты заявляться в чужой дом,

но она сказала про обязывает, и получалось, будто он чего-то боится.

— Ну хорошо... спасибо... — сказал Сергей. — Но тогда я что-то должен купить, не с пустыми же руками...

— Ничего не надо, пожалуйста. Я сейчас разговаривала с мамой, она торопит, говорит, утка может подгореть. У меня мама очень вкусно готовит утку.

Первым навстречу им вышел отец Егоровой — крупный, лысоватый, в потертых джинсах и клетчатой рубашке.

— Ольгунчик! — громко провозгласил он, обнял дочь, чмокнул ее в щеку, с явным удовольствием потряс ладонь Дергачева. — Валерий Андреевич, папа. Здравствуйте!

Он так и сказал: «папа», а не «отец», как обычно представляются мужчины.

А следом из кухни выпорхнула (вот именно выпорхнула) стройная женщина в голубом платье с симпатичным ухоженным лицом, аккуратной прической и легким макияжем.

— Мария Евгеньевна, мама, рада с вами познакомиться, — сообщила она.

Сергей подумал: если платье хозяйка дома могла переодеть, то весь остальной прикид за десять минут, прошедших от звонка до визита гостя, она вряд ли успела бы себе сотворить. Получалось, именно так она содержит себя дома. Уже позже, во время общения за столом, узнал: Мария Евгеньевна еще в ранней молодости начала работать переводчицей с английского, французского и испанского в «Интуристе», а там в советское время порядки были строгие, что по части внешности, что по части поведения, и с годами это стало ее привычным образом жизни. И сегодня Марию Евгеньевну постоянно приглашают поработать с иностранцами, как догадался Сергей, не только из-за хорошего знания языков, но и за умение себя соответствующе держать.

Вот откуда у начальницы VIP-зала этот любезно-сдержанный «фасон» и во внешности, и в поведении, сообразил Сергей, — выучилась у матери. И вообще, решил он, если справедливы слова, дескать, хочешь узнать, какой станет молодая женщина с годами, посмотри на ее мать, то у Ольги отличные перспективы.

Впрочем, Ольга, вероятно, впитала от матери и другое: на работе ты держишь «фасон», а дом — для искреннего тепла, где этот «фасон» уместен лишь в определенных границах. Дергачев весьма поверхностно знал Ольгу Валерьевну Егорову и вдруг с изумлением обнаружил, что просто Ольга Егорова вне территории аэропорта — веселая, милая, искренняя женщина. Как и ее родители.

Уехал Сергей из гостей в одиннадцать часов, снабженный куском пирога с мясом, который ему всучили почти насильно со словами: «Не отказывайтесь, вам будет чем позавтракать». И впервые за долгие месяцы он чувствовал себя почти счастливым.

ГЛАВА 16

В половине десятого утра (приличествующее, по мнению Казика, время) Аркадий Михайлович позвонил Эмме Алексеевне Марадинской. Представился обтекаемо: член московской оперативно-следственной группы.

— Слушаю вас, — отозвалась она бесцветным голосом.

Если бы Аркадий Михайлович не был психологом, он наверняка бы начал с соболезнований. Но Марадинская за последние дни столько слышала соболезнований, причем наверняка от значительного числа совершенно посторонних людей, что слова уже успели превратиться в соль, которой посыпают раны. И потому Казик сказал просто:

— Мне надо с вами поговорить.

— У вас что-то появилось новое? — Голос слегка расцветился нотками надежды.

— Работа идет... — последовал уклончивый ответ. — Но хотелось бы еще кое-что уточнить...

Она вздохнула:

— Ну что ж, приезжайте к трем часам.

Казик спустился в ресторан и заказал плотный завтрак — с учетом неясной перспективы обеда. По крайней мере, именно такое объяснение он дал самому себе. Затем вернулся в номер и позвонил Купревичу.

— Я договорился с Марадинской. Могу ли я рассчитывать на машину до города?

— Можете, — сказал Олег Романович. — Но поскольку впереди у вас полно времени, а вы наверняка успели позавтракать, — в трубке раздался короткий смешок, — то подойдите, пожалуйста, ко мне. Есть нечто любопытное.

— Всенепременно! — откликнулся Казик.

Полковник сидел за столом, задумчиво рассматривая большой лист бумаги с какими-то почеркушками, кружочками и стрелочками.

— Смотрите, что получается, — с ходу начал он. — Мы постарались разобраться кто, пусть чисто теоретически, пытался в аэропорту дозвониться до Марадинского. Ясно, не на его номер, там никакие непонятные звонки не зафиксированы, но мы исходили из предположения, что у Эдуарда Борисовича мог быть еще какой-то телефон, о котором нам неизвестно. Наши спецы провели кропотливую работу... все эти биллинги... сопоставления... выяснения...

— Да-да, — покивал Аркадий Михайлович, почти зримо представив, как кто-то ищет иголку даже не в стоге сена, а на заросшем бурьяном поле.

— Но потрудились не зря, — отдал должное полковник. — С достаточно высокой вероятностью можно

предположить, кого Марадинский встречал с питерского рейса. Это Антон Ильич Гуренко, постоянно проживающий в Петербурге. Он прилетел без багажа, в числе первых вышел из зоны прилета и сразу позвонил на неизвестный нам телефон, который был отключен. Марадинского к тому моменту уже убили, его телефон тоже был уже отключен. Около зоны прилета Гуренко провел почти сорок минут, совершенно очевидно, кого-то ждал, камеры зафиксировали. Звонил еще четыре раза. Затем Гуренко отправился на привокзальную площадь и вызвал такси. Подчеркиваю: не поймал машину, а именно вызвал, по телефону, то есть он не таился. Мы проверили: такси доставило Гуренко к гостинице «Заря». Оттуда он снова звонил, три раза, но с тем же результатом. А потом перестал и заказал через сайт обратный билет на ближайший рейс. Мы опять же сопоставили: это по времени совпало с информацией о смерти Марадинского, которая появилась в Интернете.

— И вам удалось выяснить, кто этот человек? — предположил Казик.

— Удалось. Причем легче, чем мы предполагали. Он лицензированный частный детектив, есть в специальном реестре.

— Вот как? Очень интересно... И вы с ним связались?

Купревич хмыкнул:

— Пока даже не пытались.

— А почему? — удивился Аркадий Михайлович.

Полковник посмотрел так, словно силясь угадать: этот вопрос задан всерьез или с какой-то иной целью? Казик даже несколько растерялся.

— Нет, я, правда, не очень понимаю, почему бы... — пробормотал он, но Купревич это бормотание пресек:

— Аркадий Михайлович, представьте: Марадинский, всячески стараясь соблюсти секретность, вызывает

частного детектива из Питера. Ну ведь наверняка не за тем, чтобы показать ему красоты родного города? Частный детектив прилетает и обнаруживает, что его клиент убит. После чего быстро возвращается домой и ничего не сообщает в полицию, вообще делает вид, будто знать не знает кто такой Марадинский. И вот мы выходим на Гуренко и заявляем, дескать, по нашему мнению, он Марадинского как раз должен знать. А мнение наше основано на вычислении телефонных звонков, поскольку никаких других доказательств этого знакомства предъявить мы не можем. Причем Гуренко наверняка знает, что номер, по которому он связывался с Эдуардом Борисовичем, на самого Эдуарда Борисовича не зарегистрирован. И начнет нам рассказывать сказки: например, к нему обратился клиент по фамилии Петров, но Петров в результате на связь не вышел, а аванс и оплату соответствующих расходов Гуренко получил... варианты оплаты могут быть самые разные, не подкопаешься... и теперь Гуренко ждет, когда Петров объявится. А кто такой Марадинский, он ведать не ведает. Точка. Мы ничего не выясним, но при этом раньше времени засветимся.

— Да, вы, конечно, правы... Я проявил наивность, — признал Аркадий Михайлович.

— Единственный на сегодня шанс прижать этого детектива — доказать, что телефон, по которому он связывался с клиентом, принадлежал Марадинскому. Однако с этим телефоном все очень непросто. Сим-карта была приобретена за пять дней до убийства, в субботу, и звонок в тот раз был сделан только Гуренко. Разговор длился сорок семь минут. Затем был короткий, шесть минут, звонок в понедельник. Во вторник общались пятьдесят две минуты. Наконец, в среду, накануне прилета Гуренко, — четыре минуты. Этот телефон использовали только для разговоров с Гуренко, по окончании

его сразу отключали. Да, он пусть короткое время, но всегда фиксировался рядом с обычным телефоном Марадинского. И окончательно отключился одновременно с телефоном Марадинского. Но для Гуренко это не доказательство.

— Я полагаю, симка вряд ли неавторизированная, — заметил Казик.

— Правильно полагаете, — подтвердил Купревич. — Она приобретена на имя Мавлюды Умидовны Атоевой, гражданки Узбекистана пятидесяти шести лет, проживающей в Губернске три года и имеющей временную регистрацию по адресу... Впрочем, адрес не имеет значения. Это частный дом на окраине, владелица — старушенция в возрасте ветерана Куликовской битвы, у нее зарегистрированы еще шесть граждан Узбекистана, но, по словам участкового, ни одного она даже не видела.

— Значит, надо искать эту Мавлюду, она ведь находится здесь вполне легально?

— А вот это не просто проблема, это задача, которую непонятно как решать, — помрачнел полковник. — Мы Атоеву попытались пробить по всем основным позициям. Везде пусто. В поле зрения правоохранительных органов она не попадала. Нигде официально не оформлена на работу, может, вообще не работает, а родственникам где-нибудь в съемном жилище плов готовит. Банковских карт не имеет. Более того, у нее нет даже мобильного телефона, хотя, конечно, он есть, но наверняка оформлен опять же на какого-нибудь родственника. Сим-карта, которую Атоева приобрела, судя по всему для Марадинского, — ее первое телефонное приобретение. Спрашивается: где ее откопал Эдуард Борисович?

— Это надо подумать... — сказал Казик и действительно задумался.

— Вот именно, — согласился полковник и добавил: — Попробуйте посмотреть на эту ситуацию от-

страненным взглядом... ну, как психолог... Вы ведь уже имеете некоторое представление о характере Марадинского... Тут может сыграть роль какая-нибудь сушая мелочь, неприметная деталь...

Мелочь... Деталь... Ну, конечно, Вера Николаевна Бубнова! Что она говорила про свой «левый» телефон? Заплатила дворнику, и он взял симку на свой паспорт.

Эдуард Борисович дал денег некой Мавлюде Умидовне Атоевой, и она взяла симку на свой паспорт.

Дворник был найден по соседству. А Мавлюда...

— У меня есть некоторые соображения, — встрепелся Аркадий Михайлович. — Вы совершенно правы, Олег Романович. Если посмотреть на ситуацию с точки зрения психологии... Марадинский затевает секретную операцию, для чего ему нужен телефон, никак не связанный с его персоной. Лучше всего, конечно, добыть неавторизированную симку. Но где он ее возьмет? Тут ходы-выходы надо знать. Значит, надо найти какое-то подставное лицо. Но какое лицо? Эдуард Борисович — человек солидный, осторожный... он же не подойдет к первому встречному-поперечному. Следовательно, это должен быть человек не из ближайшего окружения, не из соседей, но хотя бы в общем и целом знакомый. Который не шарахнется испуганно в сторону от предложения использовать свой паспорт. Кроме того, маленькая, но примечательная деталь: Марадинский получает свою «левую» симку в субботу — в выходной день. Вряд ли Эдуарда Борисовича держат на привязи, но улизнуть втихаря куда-нибудь на другой конец города, мне думается, не слишком удобно. Значит, он должен был повернуть свою спецоперацию где-то поблизости. При этом дворника, к примеру, или консьержку, или охранника автопарковки я исключаю: они постоянно попадают на глаза жены, соседей и могут совершен-

но случайно проболтаться. Это должен быть человек совершенно посторонний, но все-таки знакомый. И к которому можно прийти в субботний день под благовидным, для домашних, предлогом. А где такого человека искать?

— В магазине, — предположил полковник. — Марадинский регулярно ходит в какой-то магазин... вот и в субботу отправился... а там продавщица... с которой он давно здоровадается...

— Очень логично! — воскликнул Казик. — Но!.. Обычный магазин не подходит. Официально Мавлюда Атоева нигде не работает. Между тем она вполне может заниматься торговлей, как это делают многие узбеки, но заниматься этим, скажем так, нелегально. Как это опять же делают многие узбеки во всяких фруктово-овощных лавках.

— Да, я пошлю людей обойти все относительно близлежащие лавки. У нас есть копия фотографии Атоевой из миграционной службы, пусть посмотрят.

— И прежде всего, — уточнил Казик, — пусть пройдут по маршруту от дома Марадинского до его работы. Он ведь постоянно по этому маршруту ходит, причем чаще всего пешком. Но!.. — Аркадий Михайлович воздел палец к потолку и даже им погрозил. — Только распорядитесь, чтобы ваши люди были в штатском и, если найдут Мавлюду, вида не показывали, и слова ей не говорили. Иначе она перепугается и вообще куда-нибудь исчезнет. Вполне допускаю, она знает Эдуарда Борисовича не просто в лицо как покупателя, но и по фамилии, и наверняка знает о его убийстве. А если ее, что называется, схватят за руку и попытаются допросить по всем правилам, она, уверяю вас, либо будет молчать, либо примется врать... в любом случае вы ничего от нее не добьетесь. Поймите, эта Мавлюда — немолодая женщина, которая приехала в чужой город

и чужую страну явно не от хорошей жизни, которая находится здесь на полу-птичьих правах, которая явно многого опасается...

— Вы хотите поговорить с ней сами? — перебил Купревич.

— Исключительно сам. По крайней мере, для начала, причем совершенно неформально. А там видно будет. Все-таки я, — Аркадий Михайлович сладко улыбнулся, — обычно ни у кого не вызываю никаких опасений. Особенно у женщин.

— Договорились, — кивнул Купревич. — Машина в город вас будет ждать.

В подъезде дома, где жили Марадинские, сидела не консьержка, а мужик в форме охранной фирмы. Он придирчиво зыркнул на Казика, спросил: «Вы к кому?», — получил ответ, буркнул: «Подождите», — и принялся звонить по внутреннему телефону. Наконец положил трубку и сказал: «Поднимайтесь на седьмой этаж, вас ждут».

Эмма Алексеевна действительно ждала — в прихожей, у распахнутой двери.

В отличие от яркой Веры Николаевны Бубновой, жена Марадинского была похожа на изысканный и очень красивый цветок. Эдакая лилия — тоже блондинка, но вся такая нежно-утонченная, с изящными, ничуть не увядшими с годами формами.

— Аркадий Михайлович, — с подчеркнутой учтивостью еще раз представился Казик.

— Да-да, — бесцветным голосом откликнулась Эмма Алексеевна. — Проходите в гостиную, присаживайтесь, где хотите.

И первой пошла в комнату, сев не в кресло, не на диван, а на стул у стола. Казику тоже пришлось выбрать стул.

— Я слушаю вас, — кивнула она, глядя вроде бы на гостя, а на самом деле куда-то сквозь него.

У нее было совершенно отрешенное лицо женщины, которая как бы существует в двух мирах. В одном мире она на что-то реагирует, что-то говорит, что-то делает... В другом — погружена глубоко в себя, закрывшись от окружающих толстыми стенами и запершись на тяжелые замки.

«А ведь она горюет совершенно искренне», — подумал Казик и сказал с виноватыми интонациями:

— Я прошу меня заранее извинить, Эмма Алексеевна, за вопросы, которые могут показаться вам бестактными.

Она вновь кивнула.

— Ходят слухи, что вы однажды, давно, развелись с Эдуардом Борисовичем, а потом снова вышли за него замуж.

— Это не слухи, — произнесла она без всяких эмоций. — Мы были молоды, Эдуард мне изменил, я тогда не простила...

— Не простили вы или... — Казик сделал паузу, — ваш отец?

— Мы оба, — сообщила она как о чем-то само собой разумеющемся. — Мне было девять лет, когда умерла мама. Папа воспитывал меня один, он не женился второй раз.

— То есть его мнение для вас очень важно?

— Его мнение для меня самое важное.

Прозвучало это вновь с интонацией само собой разумеющегося.

— А второй раз, когда вы решили выйти замуж за Эдуарда Борисовича, ваш отец не возражал?

— Я всегда очень любила Эдика, — вздохнула она. — И я очень тяжело пережила ту историю. Но потом Эдик уговорил папу, а я, конечно, сама уговорилась. Эдик

покаялся, что больше никогда ничего подобного себе не позволит.

— Ваш отец ему поверил?

— Папа пообещал, что в случае чего просто уничтожит Эдика. — Эмма Алексеевна вдруг встрепелась, тревожно уставилась на Казика. — Но не в том смысле, что... Папы вообще не было в стране больше месяца. Он в Латинской Америке путешествовал по каким-то отдаленным местам, с ним даже связи нормальной не было, он обо всем узнал через несколько дней... Папа впервые взял такой длинный отпуск, он собирался вернуться только через десять дней, но сегодня прилетит сюда...

— Конечно, конечно! Ваш отец имел в виду, что просто выкинет вашего мужа из вашей общей жизни и вообще лишит всего, — горячо заверил Аркадий Михайлович.

— Да. Именно так. Но Эдик больше никогда не дал ни малейшего повода хоть в чем-то его заподозрить, — произнесла Эмма Алексеевна твердо.

Казик вышел из дома Марадинской и позвонил Купревичу. Пересказал беседу.

— Шашни с Бубновой не имеют никакого отношения к смерти Эдуарда Борисовича, — сказал Аркадий Михайлович. — Жена не в курсе, уверяю вас. Ее отец тоже никак не мог узнать. Когда Марадинского практически застукал в питерской гостинице приятель отца, сам отец находился в Латинской Америке чуть ли не в джунглях, с ним сложно было связаться, поэтому даже гипотетически никто его проинформировать не мог.

— Значит, версия личного возмездия тупиковая. Но отрицательный результат — тоже результат, — признал полковник. — Тем более, что есть и хорошая новость. Мы нашли Мавлюду Атоеву. Причем на редкость быстро. Прямо во втором ларьке, куда заглянули. Она там

действительно торгует еще с одним мужиком фруктами-овощами, причем очень хорошего качества, наш сотрудник у них даже что-то купил. Ларек находится в трехстах метрах от дома Марадинского по пути к его работе. Сейчас я вам пришлю координаты.

Аркадий Михайлович глянул на часы, решил, что ларек явно не закроется в ближайшее время, и сказал:

— Если можно, пришлите мне старшего лейтенанта Гаврюшина. Так, на всякий случай, но пусть будет в штатском. — Оглянулся по сторонам и добавил: — Я буду ждать его рядом с домом Марадинского в кафе «Биг-гриль».

Гаврюшин появился, когда Аркадий Михайлович уже допивал кофе.

— Может, вы хотите что-нибудь поесть? — не мог не предложить Казик, однако старлей отмахнулся:

— Я плотно пообедал в нашей столовой. — И нетерпеливо добавил: — У вас какой план с этой Атоевой?

— Пока ничего не могу сказать точно, для начала зайду в ларек как покупатель, а потом явно придется импровизировать. Но на всякий случай будьте поблизости.

— У ларька наверняка два входа. Один для покупателей, а другой типа служебного, через него продукты заносят, — проявил осведомленность Гаврюшин. — Так вот я на всякий случай около этого входа подстрахую. Если Атоева захочет от вас сбежать, вряд ли станет ломиться через главные двери.

— Разумно, — согласился Казик, которому этот вариант не пришел в голову.

Причем насколько это разумно, он оценил довольно быстро.

В ларьке, который оказался достаточно вместительным павильоном, покупателей не было, и Атоева сидела за прилавком в ожидании часа пик, когда народ начнет

массово возвращаться с работы. В углу рядом с распахнутой дверью, открывающей путь в подсобку, на пустом ящике примостился парнишка лет четырнадцати, который занимался любимым для подростков делом — шарился в телефоне.

— Здравствуйте, Мавлюда Умидовна, — улыбнулся Аркадий Михайлович.

— Здравствуйте.

В глазах женщины отразилась смесь удивления и настороженности.

— Поговорить с вами хотелось бы...

— А у нас здесь все по правилам, все разрешения есть, все с регистрацией, товар хороший, людей не обманываем... — затарахтела Атоева, причем на вполне приличном русском языке, явно освоенном еще в советской школе.

— Ну, с правилами-то не совсем по правилам, — вновь улыбнулся Аркадий Михайлович. — Вот вы, например, официально на этой работе не оформлены.

— А я и не работаю! Не работаю я! Я тут так, продавец заболел, меня хозяин попросил на пару часов... Вот мальчик подтвердит...

Мальчик, однако, на призыв не откликнулся и даже взгляда от телефона не оторвал.

— Перестаньте, Мавлюда Умидовна, — разве что не пропел Казик. — Еще и ребенка врать заставляете. Вас же в округе все знают и, между прочим, — подпустил он наобум леща, — уважительно о вас отзываются.

Атоева растерянно моргнула.

— И вообще, я не налоговый инспектор, не сотрудник миграционной службы, не рэкетиры. Я приличный человек, который просто хочет с вами поговорить.

— Я поговорю. Чего ж не поговорить с хорошим человеком, особенно если покупателей нет, — мгновенно сменила тактику продавщица. — Только о чем же

со мной говорить? Я женщина простая, живу тихо, вот родне помогаю...

— Вы знаете этого человека?

Аркадий Михайлович показал в телефоне фотографию Марадинского, и смуглое лицо Мавлюды совершенно очевидно стало еще темнее.

— Видела его, он иногда заходит к нам, покупки делает, дорогое берет, самое лучшее, вежливый мужчина... — забубнила она, и Казик понял: испугалась, наверняка знает про убийство и теперь пытается сообразить, что делать дальше.

— Вот о нем я и хочу поговорить.

— А что я? Я ничего о нем не знаю, у нас тут много покупателей, я его запомнила, потому что он хоть раз в неделю, но заходит, а иногда и чаще, но он просто покупает и...

Мавлюда осеклась, потому как порог павильона переступили сразу три человека, которые принялись придирчиво разглядывать выложенные овощи-фрукты и что-то между собой обсуждать.

— Простите, уважаемый господин, нет мне времени разговаривать! — с явным облегчением выпалила Атоева и ринулась из-за прилавка к новым покупателям. Однако Казик преградил ей дорогу со словами:

— И все-таки время найти придется.

Женщина вздохнула:

— Ну так вы уж подождите меня полчаса. Другой продавец придет, тогда смогу я.

— Хорошо, — легко согласился Казик. — Вон там лавочка, — он кивнул в окно, — там я посижу, вас подожду.

— Да-да, — быстро пробормотала продавщица.

Ждать, однако, пришлось недолго. Минут через семь из павильона вышла компания с большим пакетом, а еще через пару минут позвонил Гаврюшин.

— Аркадий Михайлович, я здесь, где служебный вход, беглянку поймал.

Казик обошел павильон и метрах в десяти, рядом с пышными кустами увидел Гаврюшина, крепко сжимающего локоть Мавлюды Атоевой. Вид у женщины был весьма жалкий. Она стояла сгорбившись, опустив голову, словно прикрываясь от ударов судьбы.

— Сбежать хотела, — сообщил старший лейтенант.

— Ну зачем же вы так, Мавлюда Умидовна? — укоризненно произнес Аркадий Михайлович. — Я ведь вам ничего плохого не собираюсь сделать.

— Правда? — с надеждой спросила женщина.

— Совершеннейшая правда! — заверил Казик. — Я вас только спрошу, вы мне честно ответите, и живите себе дальше спокойно. Но без вранья! Потому что вот этот молодой человек — старший лейтенант полиции, он вас запишет на телефон, и, если вы попытаетесь обмануть или что-то утаить, у вас будут очень большие неприятности.

«Н-да... — подумал психолог, — все-таки неформального душевного разговора не получилось, и от меня попытались сбежать, и хорошо, Гаврюшин подстраховал».

— Да чего ж мне обманывать-то? — горестно произнесла Атоева. — Я ведь ничего плохого не сделала. Я ж только хорошему человеку помогла.

Ну а дальше она поведала о том, что и предполагалось с самого начала. К ней в субботу заглянул в павильон Марадинский. Впрочем, ни его имени, ни фамилии Мавлюда не знала, по фотографии поняла, о ком речь идет. Тот хороший человек попросил взять на паспорт Атоевой сим-карту, объяснил: свой паспорт забыл у друга за городом, друг уехал на неделю куда-то далеко, а сим-карта нужна срочно. Мавлюда решила, что ничего противозаконного здесь нет, сама пользуется симкой

двоюродного брата. Она и не стала возражать, тем более, человек действительно хороший да еще и полторы тысячи дал за беспокойство. Правда, попросил никому об этом не говорить, дескать, неприятности он может получить за то, что остался без паспорта. А через несколько дней племянник — тот мальчик, который в павильоне сидит и товар сторожит, показал по интернету убитого мужчину. И она, Мавлюда, очень испугалась. А сегодня вот к ней пришли, и она еще больше испугалась. Потому и сбежать решилась. Она ведь ничего плохого не сделала, а кто знает, как дело могут повернуть.

— Не беспокойтесь, — заверил Казик. — Никто вас ни в чем не собирается обвинять. Но и вы никуда не сбегайте. Незачем. А за информацию — спасибо.

И сунул ей в руку тысячу.

— Вы, наверное, тоже хороший человек, — неожиданно всплакнула Мавлюда Умидовна Атоева.

ГЛАВА 17

Малафеева прилетела из Москвы утром. Летала буквально на один день, вызванная в срочном порядке (причем напрямую, минуя Огородова) самым главным начальником — руководителем компании «АвиаАльянс» Альбертом Павловичем Пашковым.

Конечно, когда заместителем по экономике (опять-таки напрямую, не советуясь с Огородовым) назначили Малафееву, Валерий Леонидович понимал: Екатерина Александровна будет выполнять роль не просто ближайшего сподвижника, но и в определенном смысле контролера. В общем, вполне объяснимо: Огородов был для собственников аэропорта человеком новым, а Малафеева — давно своей. Надо отдать должное Екатерине Александровне: она оказалась очень знающим специалистом, надежной опорой и при этом человеком, никак

не подчеркивающим свою «особость». Валерий Леонидович был уверен, что его зам ничего дурного не докладывает «на верх», да и повода директор, по собственному убеждению, не давал. Ему хватало трезвого ума понимать, какое место он занимает в этом бизнесе и что от него требуется.

Однако же то, что Пашков вызвал Малафееву, не соизволив даже слова сказать гендиректору, вызвало досаду. В конце концов, правила делового этикета следовало бы соблюдать.

— Я сейчас к вам зайду, — не спросила, а констатировала Малафеева, и это тоже неприятно царапнуло. Все-таки по правилам делового этикета следовало добавить вопросительный знак.

Он тоже не стал спрашивать, как она слетала в Москву. Хотя без всякого этикета, просто согласно обычной логике, следовало бы поинтересоваться. Лишь коротко поздоровавшись, кивнул:

— Присаживайтесь.

Впрочем, Малафеева и без его приглашения уже заняла место в кресле.

— Я прочитала ваш приказ о назначении Дергачева исполняющим обязанности... Но там ничего не сказано об отделе Старчука.

— А что с этим отделом? — изобразил непонимание Огородов.

— Вы его не стали переподчинять мне? — На лице Екатерины Александровны отразилось совершенно искреннее непонимание. — По-моему, сейчас вполне подходящий случай.

— А по-моему, совершенно не подходящий. Да, с самого начала я именно это и хотел сделать. По вашему, Екатерина Александровна, настоянию. Но вы помните, что произошло дальше? Старчук устроил самый настоящий демарш, пригрозил увольнением, Лавронин обру-

шился на нас всей мощью и отстоял своего любимчика. Да, я не стал вступать в конфликт с Лаврониным, потому что конфликтовать в аэропорту можно с кем угодно, но только не с Юрием Александровичем. Нравится нам с вами, Екатерина Александровна, или не нравится, но у нас пока с Лаврониным разные весовые категории. У него в городе все схвачено, охвачено, за все заплачено. И это надо учитывать. Именно он знакомит меня здесь с нужными людьми, и с губернатором я, между прочим, распивал чай исключительно потому, что с ним неформально общается Лавронин. А так я бы имел в лучшем случае краткую официальную встречу в губернаторском кабинете.

— Но вы же сами отправили Лавронина в ссылку, — напомнила Малафеева.

— Я отправил его лечить радикулит. У любого человека его возраста может обостриться радикулит, — внес поправку Огородов. — И именно эту версию мы будем отстаивать. Конечно, я его спрятал. Мне не надо, чтобы он тут красной тряпкой был. И Юрий Александрович, слава богу, все это прекрасно понимает. Но! — Директор постучал пальцем по столу. — Мне зачем сегодня поднимать шум из-за Старчука? Он ведь снова взъярится, примется жаловаться Лаврону, тот опять будет мне выносить мозг, наверняка все это получит огласку...

— Подумаешь, Старчук грозитя увольнением! Можно подумать, он такой незаменимый! — с раздражением бросила Малафеева.

— Для Лавронина — незаменимый! И действительно хороший специалист. Мы с вами в этом смогли убедиться. Ту фирмочку, с которой мы собирались заключить в сущности копеечный договор и на которую никто особого внимания не обратил, Старчук умудрился на слои разложить и все-таки докопаться, что фирмочка —

однодневка. А ведь и на первый, и на третий взгляд там был полный порядок.

— И все-таки мне кажется, именно сейчас...

— Сейчас нам категорически нельзя поднимать даже малейший шум! — резко оборвал Огородов, который никогда резко не разговаривал со своим замом, а уж тем паче не обрывал. — Вы же умная женщина, Екатерина Александровна, — перешел он на примирительный тон, — оцените ситуацию... У нас в аэропорту происходит убийство. Да не какого-нибудь дяди Пети, а Эдуарда Борисовича Марадинского! С которым я встречался и имел беседу за несколько дней до того. Причем не самую приятную беседу.

— Московские следователи это знают?

— О том, что мы встречались, — конечно. Я им сам сказал. Было бы глупо таиться. Это ведь не была тайная встреча двух разведчиков на подпольной явке.

— А о содержании вашего разговора?

— Ну-у-у... — Валерий Леонидович неопределенно пожал плечами, — Изложил в общих чертах. Что мы обсуждали варианты дальнейшего сотрудничества аэропорта и страховой компании «Гранит». В сущности все так и было. А то, что у нас возникли некоторые разногласия... я упоминать не стал. В конце концов, у деловых партнеров они постоянно возникают, но если одного из партнеров вдруг убивают, могут возникнуть ненужные подозрения... А это не надо ни мне, ни... — Огородов посмотрел многозначительно, — акционерам. И даже малейший конфликт, я имею в виду Старчука, в данный момент тоже крайне не желателен.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Малафеева и, решительно поднявшись с кресла, почти скомандовала: — Пойдемте, я вам кое-что покажу.

И при этом тоже посмотрела многозначительно.

Валерий Леонидович весьма удивился, когда Малафеева повела его на улицу, на аллею, которая шла вдоль дороги из аэропорта.

— Вы пригласили меня прогуляться? — с легкой иронией поинтересовался он.

— Я пригласила вас для очень секретного разговора, — проигнорировала иронию Екатерина Александровна. — Я опасаясь ненужных ушей.

— Вы подозреваете прослушку? — изумился Огородов. — Да вы что?! И все здание, и мой кабинет регулярно проверяют.

— Кто? Спецы из службы безопасности? — хмыкнула Малафеева.

— Москвичи проверяли, когда заехали в здание. Правда, они проверяли конференц-зал, где у них штаб, и рядом...

— А до вашего кабинета... и рядом... им нет никакого дела. Это забота службы Лавронина.

— На что вы намекаете? — насторожился Огородов.

— Я не намекаю, я вам прямым тестом говорю: вполне может статься, что ваш кабинет, по крайней мере в последнее время, прослушивают. И, соответственно, докладывают Лавронину. А то, что я собираюсь вам сообщить, именно он и не должен знать. — Малафеева помолчала и продолжила ровным тоном, каким говорят о чем-то заранее тщательно продуманном и сформулированном: — Главный вопрос, на который московские следователи пока, насколько понимаю, не могут дать ответ: каким образом убийца пронес через все контроли нож? Любой работник аэропорта и даже вы, генеральный директор, когда заходите в терминал, даже в VIP-зал, проходите через рамку. Так?

— Так, — подтвердил Огородов.

— А кто мог пройти, минуя рамку и не вызвав никаких подозрений сотрудников САБа? Только Дергачев

и Лавронин — непосредственные начальники САБовцев. Так?

— Так, — вновь подтвердил генеральный директор, который, конечно, был главным над всем аэропортом, но для сотрудников Службы авиационной безопасности все же находился в стороне.

— Дергачеву, по идее, это совершенно не нужно. Он человек новый, у него никаких мотивов нет. Да, для Лавронины Дергачев — свой человек. Но какая в нем в данном случае надобность? Совершенно лишнее звено. Конечно, сам Лавронин никого не убивал — его вообще в терминале не было, камеры зафиксировали. Но он мог заранее пронести нож и где-нибудь припрятать.

— А как он узнал, когда именно Марадинский приедет в аэропорт, явится в общий терминал да еще и в цоколь спустится?

— Тут ясности нет, — вздохнула Малафеева. — Но если учесть возможности Юрия Александровича... Это не мы с вами, а он много лет проработал в полиции, имеет крепкие связи со всеми спецорганами, так что вполне мог узнать то, чего не знали другие.

— Допустим, — не стал спорить Огородов. — Но зачем Лавронину нужна вся эта спецоперация, тем более в зоне его персональной ответственности?

— А вот тут самое важное. — Малафеева усмехнулась, причем весьма мрачно. Получилась не усмешка, а какая-то гримаса. — Мы оба прекрасно знаем, какую главную задачу перед нами поставил «АвиаАльянс» и лично Альберт Павлович. Подготовить все, вплоть до мелочей, для реализации инвестиционного проекта. Срок нам отпущен — максимум четыре месяца. Позади половина срока, основную часть работы мы сделали, но финал пока впереди. Все должно пройти без малейших шероховатостей, вы же понимаете: речь о больших деньгах, а деньги любят тишину. Любой скандал крайне вреден.

— Я это понимаю не хуже вас! — недовольно перебил Огородов.

— Конечно, понимаете, — согласилась Малафеева. — Но так же наверняка понимаете и другое: есть те, кого успешное завершение проекта совершенно не обрадует. И кто готов организовать не просто скандал — грандиозный скандалище. А что может быть громче убийства в аэропорту делового партнера аэропорта?

— Вы полагаете, Лавронин может быть в этом замешан?

— А почему нет? — ответила вопросом на вопрос Екатерина Александровна. — Да, у нас здесь о проекте знают только вы и я. В Москве — очень ограниченный круг лиц. Но информация все равно могла просочиться, я имею в виду Москву, и на Лавронина могли выйти те, кто будет рад сорвать проект. А на кого им еще здесь выходить? Только на человека, у которого, как вы изволили заметить, все схвачено, охвачено, за все оплачено.

— Н-да-а... — Огородов поддел ногой опавшие листья, посмотрел, как они разлетаются красивым желтым веером, подумал: интересный поворот, совсем неожиданный. — Как вам это в голову пришло, Екатерина Александровна? — спросил он.

— Это не мне пришло в голову, а Альберту Павловичу. Он для того и вызвал меня в Москву, чтобы все обсудить. Альберт Павлович считает, что есть разговоры, которые нужно вести только с глазу на глаз. И он специально не стал вызывать вас и вообще о чем-то заранее с вами говорить.

— Не пользуюсь достаточным доверием? — внутренне напрягся Огородов.

— Вовсе нет, — отринула нехорошие предположения Малафеева. — Ваш срочный отъезд мог бы породить ненужные вопросы, прежде всего у московских следователей. И подозрения у самого Лавронина. А телефону,

как вы сами понимаете, Альберт Павлович решил не доверяться. Мою же короткую командировку никто особо и не заметил.

— Разумно, — признал Валерий Леонидович.

— И очень разумно, по мнению Альберта Павловича, что вы отправили Лавронина на больничный. Да, у вас были совершенно другие соображения, но в данном случае все получилось, как надо. Пусть пока посидит в сторонке. И еще... — Малафеева сделала паузу, — Альберт Павлович считает, что не следует делиться нашими подозрениями с московским следователем. По крайней мере, до той поры, пока сам Альберт Павлович у себя там не разберется в обстоятельствах.

Ну что ж, подумал Огородов, пусть разбирается. В любом случае к нему, Валерию Леонидовичу, претензий нет. И даже если с проектом возникнут сложности, не новый генеральный директор будет в том повинен. Хотя проект все равно будет реализован. Для него, Огородова, это принципиальная задача.

ГЛАВА 18

Ольга давно не испытывала чувство радости. По крайней мере, после того как ушел муж. Вернее, когда Артем «ушел» ее саму. В первые дни она была полна горя и изумления: все-таки десять лет никуда не выбросишь, тем паче, что эти годы были прожиты, как ей казалось, в любви и согласии, и вдруг так разом... Даже не снег на голову — глыба ледяная. Ну да, не получалось с ребенком, но она ведь старалась, очень старалась, а оказалось, ее старания превратились для мужа в тяжкое бремя — как и сама жена.

Но вот ведь что удивительно: уже через месяц и горе, и удивление исчезли. Не то, чтобы махом растворились, а будто тихо и почти незаметно испарились.

«Если ты человеку не подходишь, то и он тебе не подходит, — сказала мама. — Ты же не станешь носить юбку на три размера меньше и туфли на два размера больше, даже если тебе сначала казалось, будто они тебе впору».

«Точно, — поддакнул отец. — Раз ты ему не нужна, раз он сам с глаз долой, то и ты его из сердца вон».

Почему-то никто из родителей об Артеме не сожалел. Но и никто не стал объяснять — почему. Скорее всего, деликатничали. А Нина Кондакова обошлась без реверансов: выложила, что думает об Артеме и его предусмотрительности по части собственной материальной выгоды. И Ольга почувствовала себя обманутой — причем не сейчас, а давным-давно. И как-то сразу отлегло.

Осталась без мужа? Ну и ладно. Правда, и без ребенка тоже осталась...

«А может, ребенок не хотел рождаться от твоего мужа, — вынесла свой вердикт Нина. — Это не родители детей делают, это дети сами решают, кто станет их родителями. Вот подожди, появится какой-нибудь другой мужчина... Сейчас — не былые времена, когда уже в двадцать семь лет женщину в роддомах называли старой первородящей. Сейчас глубоко за сорок рожают, и нормально. А тебе только тридцать семь».

В общем, и горе, и даже печаль ушли. Но с ними исчезла и радость. Не счастье, которое, как яркий недолгий фейерверк, а то чувство, когда на душе спокойно и сладостно. Когда кажется, что наступил праздник и все будет хорошо.

И вдруг именно сегодня она проснулась с чувством радости. И даже удивилась: с чего бы? Ну ведь не с того, что родители улетають?

— По-моему, этот Сергей Геннадьевич весьма приличный человек, — сказала мама.

— Очень даже, — вторил ей отец.

— И хорошо, что ты его вчера пригласила, — почти в один голос заявили родители.

Ну да, пригласила... Хотя ничего такого изначально не планировала. Даже в голове не держала. Просто так получилось.

Дергачев предложить подвезти в город. В принципе, Нина Кондакова накрутила начальника САБа, и он решил ее по дороге добросить до Авиагородка. Но ей нужно было совсем в другое место, и ему — тоже. Удачное совпадение.

Дергачеву надо было выбрать духи для дочери. Он в этом ничего не понимает, а Ольга разбирается. И она предложила ему вместе пойти в магазин. Опять же совпадение. Удачное для заботливого отца.

Дергачев из приличия решил доставить ее к дому родителей. Ольга из приличия пригласила его на ужин. Оба проявили приличие, и это тоже совпадение. Вопрос: удачное ли?

— Ты его хорошо знаешь? — спросила мама.

— У тебя с ним хорошие отношения? — уточнил отец.

— Его никто хорошо не знает, кроме нашего замдиректора по безопасности, и его все побаиваются.

— Да-а? — удивились родители.

— Он похож на волка.

— На волка?!

С сильным жилистым телом, с жесткими чертами лица, с серо-стальными от обильной седины короткими густыми волосами, с суровым прищуром, Дергачев появился в аэропорту стремительно и при этом почти бесшумно. Самый настоящий волк. Однако же зубы не скалил, в горло никому не вцеплялся и даже не рычал. Волк, сознающий свою силу, а потому никому ничего не демонстрирующий.

— Ну, так его Нина называет. А вообще он вроде никому ничего плохого не сделал, ни на кого даже голоса не повысил, а его боятся. Хотя слова дурного никто о нем не говорит.

— Бывает, — заметил отец.

— А он когда-нибудь улыбается? — спросила мама. Ольга подумала и сказала:

— Я ни разу не видела.

Он и за весь вчерашний вечер ни разу не улыбнулся. Хотя охотно беседовал и вполне доброжелательно на все реагировал. И был похож не на волка, а на вполне миролюбивого, хорошо воспитанного пса.

Странно...

Заснула она с чувством полного умиротворения. А проснулась — с ощущением радости.

С чего бы вдруг?..

Самолет улетал в десять утра. В аэропорт приехали около девяти. Ольга, конечно, могла провести родителей через VIP-зал, но не стала, помятуя: если четко установленные правила нарушит главная начальница, то попытаются нарушить и другие, и в конечном счете возникнет бардак. Конечно, ничего особо страшного не произойдет — в конце концов, это не воздушный Кодекс, который, как часто повторяют профессионалы, написан кровью, — однако же крупные нарушения начинаются с мелочей. И все же служебным положением Ольга воспользовалась: проводила родителей до самого выхода на перрон, куда допускались только те, кто имел особый пропуск.

— Не забудь переложить продукты из сумки в холодильник, — в пятый, наверное, раз напомнила мама, взбираясь в автобус.

— Да не проквасит она твою утку! — отреагировал отец, подталкиваемый сзади другими пассажирами.

— Счастливого пути! — помахала рукой дочь.

Ольга вернулась к себе в кабинет и принялась разгружать сумку. В ней лежали овощи-фрукты, контейнер с жареной картошкой, а также целые утка и пирог с мясом, приготовленные накануне в двух экземплярах, чтобы и на прощально-праздничный ужин подать, и дочку впрок снабдить. Ольга оглядела продуктовые запасы и поняла: этих запасов хватит на несколько дней, особенно, если кое-что заморозить, однако можно не заниматься продуктовым накопительством, а устроить продолжение банкета.

Ей вдруг очень захотелось этого продолжения. Может, потому, что у нее было радостное настроение — возникшее без всякой причины с самого утра и до сих пор не исчезнувшее? Ольга подумала: почему бы и нет? Это ведь абсолютно ничего не значит. Взяла телефон, нашла «Дергачев», подержала палец над «вызовом» и... набрала Кондакову.

— Да! — по обыкновению, рявкнула Нина.

«Ну нельзя отвечать таким тоном, — не раз упрекала ее Ольга. — Создается впечатление, будто ты человека, который тебе звонит, хочешь с ходу обматерить». — «Иногда очень даже хочу, — признавалась Нина. — Но вообще-то я нормально говорю. Просто так слышится». — «Тогда тебе надо потренироваться со своим голосом и тоном», — советовала Ольга. «Потренируюсь», — обещала Кондакова и продолжала рявкать.

— Нин, ты сегодня когда с работы? — спросила Ольга.

— Не позже шести! — отрезала Кондакова. — Вчера с этими начальственными окнами управились уже глубокой ночью. А сегодня хоть все мусорные контейнеры по аэропорту разлетятся, я позже шести не задержусь. И тебя захвачу до дома.

— Очень хорошо, — обрадовалась Ольга. — А то у меня сумка тяжелая. Родители сегодня улетели к тете, вчера я у них была с ночевкой, а сегодня они всякой еды надавали, я хотела тебя на ужин позвать.

— Хотела — приглашай! — разрешила Кондакова. — И можешь заранее считать, что я согласилась. А, кстати, — вдруг словно вспомнила она, — ты вчера, значит, в город ездила, и как до родителей добиралась?

— Меня Дергачев подвез. Ему тоже надо было в город.

— Так-так... — пробормотала Нина.

— Что значит «так-так»?! — с излишней горячностью отреагировала Ольга и тут же смутилась: чего она в самом деле? Что тут особенного?

— Хорошо, что подвез! — констатировала Кондакова и добавила с эдакой растяжкой: — А вообще... мне кажется... он нормальный мужик... Может, даже хороший... Хоть и похож на волка.

Ну надо же, волк! Ольга вспомнила вчерашний вечер, оживленные разговоры родителей, искренний интерес Дергачева, его вполне уместные реплики и то, как он ел, — неспешно и с явным удовольствием. Ну разве так ведут себя волки? Волки рычат, скалятся и жадно вгрызаются в добычу

«Одинокий мужчина, никого близких рядом нет, а какой аккуратный, ботинки начищенные, ни одна пуговица не болтается, хотя специально в гости и не собирался. Значит, всегда такой, — оценила мама. — Вот только никакой у него нет домашней еды. Наверняка самому себе готовить и некогда, и неохота, все в вашем общепите столуется. А это, конечно, нехорошо».

Мама вчера отдала общепитовскому мужчине весь остаток пирога, но сегодня есть еще пирог и утка, и картошка, и овощи-фрукты... Так почему не позвать его на ужин, тем паче, что приглашена Нина, и все получается

вполне пристойно, просто по-товарищески. Ольга взяла телефон и позвонила Дергачеву.

— Здравствуйте, Ольга Валерьевна, — отозвался тот, — проводили родителей?

— Здравствуйте. Да, проводила, все хорошо. — Она вздохнула и заговорила быстро, словно опасаясь, что при малейшей паузе связь тут же оборвется: — Родители мне дали с собой много еды, мама, оказывается, испекла вчера два пирога и запекла две утки, а мы съели только половину, а еще есть картошка и овощи с фруктами. И я решила пригласить на ужин Нину Григорьевну Кондакову и подумала, может, вы тоже зайдете, если у вас нет планов на вечер. В конце концов, — вдруг заявила Ольга решительно, — вы наверняка питаетесь в кафе и столовой, а нужно все-таки хоть иногда есть домашнюю пищу.

— Спасибо за приглашение. Я приду, — даже не взяв паузы на размышление, сказал Дергачев, и у Ольги от души отлегло. Хотя что, по идее, такое-эдакое могло случиться, если бы он отказался? — Только я освобожусь в восемь.

— Ничего страшного, это даже хорошо, я успею подготовиться. А вы, пожалуйста, перед выездом позвоните мне.

— Позвоню, — пообещал Дергачев.

«Какой хороший день, — впервые за последние месяцы подумала Ольга, — и вроде нет никаких особых причин».

Путь от аэропорта до дома был недолгим, но Ольга успела рассказать Нине о вчерашнем вечере. Потому что та стала допытываться, с чего вдруг на ужин приглашен начальник САБа.

— Ну надо же! — подивилась Кондакова. — Прямо кино... — И вдруг глаза от лобового стекла скосила,

пробороздила въедливым взглядом по Ольгиному лицу, хмыкнула: — Ты смотри, подруга, не влюбись в волка.

— С какой стати?! — не то возмутилась, не то испугалась, но, в общем, бурно отреагировала Ольга.

— А почему бы нет? — пожала плечами Нина и больше ничего комментировать не стала.

«Глупость какая!», — мысленно оттринула подобное предположение Ольга и... смутилась.

От помощи в подготовке ужина она отказалась, и Кондакова кивнула: дескать, ладно, звякнешь, когда спускаться. В данном случае Ольга не скромничала: особых дел-то и не было. В квартире у нее как всегда был порядок, посуда и столовые приборы — в полной чистоте, всех забот — приготовить для подогрева пирог и утку с картошкой, выложить фрукты и нарезать овощи. Да, и еще разложить в комнате стол — Ольга решила, что ужин будет подан именно в комнате, а не на кухне, где регулярно сживалась в компании с Ниной.

Управилась Ольга достаточно быстро и тут обнаружила: минеральная вода в холодильнике есть, а сока нет. Сок, ее любимый грейпфрутовый, имелся всегда — она пила его по вечерам, дисциплинированно пополняя запасы. Но два дня назад, в тот злополучный вечер, когда на нее напали, Ольге было не до того, а вчера она и вовсе не заезжала домой, и вот теперь крутила в руках пакет, в котором осталось напиток от силы на один бокал. Делиться с гостями было нечем, и она решила, что это не самое страшное, есть минералка, а в ожидании она выпьет остатки сама.

И выпила — не спеша, наслаждаясь холодной горьковатостью, с мыслями о том, какой сегодня удивительный день. Вроде бы совершенно обычный, но — вовсе даже не обычный. Радостный...

ГЛАВА 19

После общения с Мавлюдой Атоевой, которая не сбежала благодаря бдительности Гаврюшина, Казик предложил старшему лейтенанту остаться в городе. В конце концов, рабочий день практически закончился, нет смысла мотаться до аэропорта и обратно, тем более, «подопечный» разрешает.

— Никак нет! — отказался, причем с явным удовольствием, Гаврюшин. — У меня сегодня ночное дежурство.

— Жаль... — посочувствовал Аркадий Михайлович.

— Наоборот, здорово! — просиял старлей. — К нам домой обещала с визитом нагрянуть сестрица родимая. Ну, я вам про нее рассказывал... И, ясно дело, непременно начнет грузить меня своими поучениями. А мне все это... вот здесь! — Гаврюшин провел ребром ладони по шее.

Казик машинально потер собственную шею — вспомнил утренний разговор с сестрой Софочкой, которая потребовала отчет о том, что было съедено на завтрак, и брат отчитался, что буквально червячка заморил. Естественно, наврал, а Софочка, естественно, не поверила. В общем, все, как всегда.

Зато отчет Купревичу сразу после беседы с Атоевой (с пересылкой аудиофайла) был абсолютно правдивым и, судя по удовлетворенному тону полковника, приятным во всех отношениях. Уже на подъезде к аэропорту Купревич перезвонил:

— Я связался с этим частным детективом, в восемь выйдем на него через видеосвязь. Я хочу, чтобы вы присутствовали. Но придите минут на двадцать пораньше, введу вас в курс дела.

Слов полковника старший лейтенант, конечно, не слышал, но догадался, что предстоит нечто интересное,

и ему было любопытно. В конце концов, его приставили к этому эксперту (надо признать, вполне славному дядьке), однако Казик — человек гражданский, а Севастьян Гаврюшин — человек в погонах, но психолога держат под боком, офицера же полиции — в сторонке. Несколько обидно...

— Мне кажется, Севастьян, вы отчего-то расстроились, — словно подслушал мысли психолог.

— Совсем даже нет! — воспротивился Гаврюшин.

— Не стоит расстраиваться, — сказал Казик, подумав, что врет парень столь же неубедительно, как сам Аркадий Михайлович, когда рассказывает сестре о своей еде. — И вы, и я у полковника на правах помощников, а он — главный. И, между прочим, если бы не вы, Севастьян, я бы эту Атоеву упустил. И мы бы лишились очень важного свидетеля. О чем я непременно расскажу Олегу Романовичу.

— Да ладно... это же моя работа... — буркнул старлей смущенно.

Работа — не работа, а следить за этой Атоевой никакой служебной надобности не было, Севастьян действительно проявил бдительность и смекалку. А то, что следователь, да еще особо важный, лишь краем посвящает опера в свои дела, так это естественная ситуация. В общем, все правильно, и Гаврюшин, подумав об этой правильности, вмиг обрел свое привычное благодушие.

— Ну, если понадобится, я, Аркадий Михайлович, на месте, — предупредил Севастьян, высадив Казика из машины около гостиницы.

— Будем надеяться, ваше дежурство пройдет спокойно, — услышал он в ответ.

Аркадий Михайлович зашел в номер и, глянув на часы, решил, что у него нет времени на ужин в ресторане, зато есть время на перекус из собственных запасов, которых вполне хватило бы на десять дней в закрытом

бункере. (Перекус в кафе в ожидании приезда Гаврюшина как-то вылетел из головы.) Отправляясь в совершенно незнакомый город к совершенно незнакомым людям, Казик даже прихватил с собой несколько упаковок быстрорастворимой лапши, хотя подобную еду считал гадостью. Но кто знает, вдруг его обрекут на голод? Впрочем, любимая сестра Софочка сочла бы этих изуверов спасителями.

На лапшу Аркадий Михайлович все-таки покушаться не стал, ограничившись сырокопченой колбасой, сыром, нечерствеющими (благодаря вакуумной упаковке) булочками и печеньем. После чего весьма довольный (его голова всегда требовала согласия желудка) отправился к Купревичу.

— Значит, так, — с ходу начал полковник. — Я лично позвонил на мобильник этому детективу Антону Ильичу Гуренко. Он весьма натурально удивился моему звонку. Впрочем, понятно, мужик тертый, уже шесть лет в частном сыске, а этот бизнес мало у кого в нашей стране получается. Причем в прошлом у него двадцать лет в уголовном розыске. Поднаторел, в общем. Я ему сразу сказал, что звоню по поводу убийства в Губернском аэропорту. Он ответил, что знает об этом убийстве и, более того, в тот день сам был в Губернске. Ну, то есть этот Гуренко сразу сообразил, что мы в курсе, и наверняка понял — как вычислили. Профессионал, сразу ясно. Правда, заявил, дескать, не ведает, чем может быть полезным, но, если мы считаем, что может, готов оказать посильное содействие. Я предложил переговорить по видеосвязи, он назначил время на восемь часов по-нашему.

— Не попытается исчезнуть? — Казик вспомнил Атоеву. — А то Мавлюда Умидовна попыталась, и исчезла бы, спасибо старшему лейтенанту Гаврюшину, он бдительность проявил, можно сказать, засаду ей устроил

и вовремя перехватил, — произнес психолог с чувством, в полном соответствии с данным старлею обещанием.

— Ну-ну, — покивал полковник. — Вряд ли Гуренко исчезнет. Он же не подпольная торговка в ларьке, а профессионал. Он, конечно, обмозгует свою линию, но не факт, что предугадает все тонкости. В том числе, что мы вычислили владельца номера телефона, по которому с ним Марадинский связывался. Он наверняка в курсе левого телефона Марадинского, но может не знать, что у этого номера есть владелица. А уж тем паче, что мы ее отыскиали. Запросто решил, что просто незарегистрированная симка.

— А какую роль вы мне, Олег Романович, уготовили? — спросил Казик, которому предстоящий разговор был любопытен сам по себе, но хотелось бы понять собственную задачу. Ведь не просто же так полковник пригласил его для компании?

— Я хочу, чтобы вы как психолог оценили этот разговор. Попытались понять, где вранье, а где правда. Кроме телефона, фактов-то у нас почти нет. И для начала я хочу выслушать все, что он расскажет. Пусть даже это будет стопроцентное вранье.

— Тогда, может, вы позволите мне при необходимости вмешаться в вашу беседу?

Купревич помолчал и махнул рукой:

— Ладно. Но прежде, чем хоть слово сказать, вы... — он огляделся по сторонам, оглядел себя, — незаметно похлопаете меня по колену.

— Хорошо, — согласился Казик и постучал пальцем по колену полковника. Для тренировки. Тот хмыкнул...

Частный детектив Гуренко не только не исчез, но и проявил завидную пунктуальность, появившись на экране монитора ровно в восемь вечера.

— Здравствуйте, Антон Ильич. Я и есть полковник Олег Романович Купревич, — представился следователь

по особо важным делам. — А это наш эксперт Аркадий Михайлович Казик.

— Ну а про меня вы выяснили и наверняка видели на видеокамерах.

Гуренко улыбнулся, вздернув уголки губ и прищурив глаза, — эдакой улыбочкой понимающего человека.

— Сразу скажу: это не допрос, а просто беседа, — уточнил Купревич.

— Вы мне это сказали еще по телефону. А я не стал от вас скрывать, что в день убийства того человека... Марадинского... его имя быстро просочилось в СМИ... я прилетал в Губернск. Буквально на один день.

— А можно узнать: к кому и по какому делу?

— А можно узнать: почему вас это интересует? — последовал встречный вопрос.

— Мы считаем, это как-то связано с убийством.

— Вот как? — Детектив вскинул брови, весьма выразительно покривился. — Надеюсь, вы выяснили, что уж я-то точно никого не убивал?

— Выяснили. По этой части к вам нет никаких вопросов. Но мы полагаем, дело, из-за которого вы прилетали, с убийством как раз связано.

Гуренко задумчиво уставился куда-то поверх монитора, словно именно там, в невидимых собеседникам высях, был пропечатан наиболее разумный ответ.

«Он не будет отмалчиваться, он наверняка придумал какую-то историю. Значит, он в теме», — быстро написал на листке бумаги и незаметно подсунул полковнику Казик. Купревич скосил глаза и похлопал Казика по колену.

— Ну что ж, — оторвался от размышлений Гуренко, — кое-что я вам сообщу. Хотя, вы понимаете, отношения частного детектива с клиентом — дело сугубо конфиденциальное, по крайней мере до тех пор, пока не нарушен закон. А в данном случае ничего противо-

законного не было. Хотя... — он посмотрел многозначительно, — мы, частные детективы, часто играем на грани фола... Ну, вы это прекрасно понимаете...

— Понимаем, — подтвердил Купревич.

— Тем более, — продолжил Гуренко, — что никакого дела с клиентом у меня и не получилось. На меня вышел человек из Губернска по фамилии Смирнов. Полагаю, это вымышленная фамилия, но он так представился. Позвонил в субботу, сказал, дескать, нуждается в моих услугах. Но в каких именно, я толком не разобрался. Он что-то долго у меня выпрашивал, сам рассказывал... в основном о своей жене. Какие-то подозрения, опасения... То ли в неверности ее подозревал, то ли в чем-то другом...

«Эмма Марадинская не изменяла мужу. Я уверен», — написал Казик и вновь подсунул листок бумаги Купревичу.

— Я даже хотел бросить трубку, решил, человек сам не знает, чего хочет, только время отнимает. Но он вдруг заявил, что позвонит мне в понедельник. И действительно позвонил, правда, разговор получился достаточно коротким, я его прервал, был занят. А во вторник мы уже говорили долго. Смирнов снова позвонил сам и опять нес всякую невнятицу...

— Вы разговаривали почти час, — напомнил Купревич. — Выслушивали чужие невнятные проблемы в качестве бесплатной психологической помощи?

— Ну почему же бесплатной? — весьма едко усмехнулся детектив. — Он перевел мне деньги, приличную сумму. Только через электронный кошелек, в общем, анонимно.

— И какова сумма?

— А вот это уже коммерческая тайна, — отрезал Гуренко.

— Допустим, — не стал спорить полковник. — И что дальше? Целый час Смирнов потратил на то, чтобы нести всякую околесицу?

— Нет. В конечном счете он сказал, что его проблема требует обсуждения с глазу на глаз, а не от уха к уху, и попросил меня прилететь в Губернск. Естественно, все расходы за его счет. И он все оплатил. В среду он позвонил, а я ему уточнил номер рейса и время прилета. Он обещал меня встретить. В четверг я прилетел, позвонил ему, а телефон был отключен. Я подождал в аэропорту, несколько раз звонил, но все то же самое. Я отправился в гостиницу, но Смирнов так и не объявился. Вечером я улетел обратно в Питер. Чисто финансово, — подчеркнул детектив, — я не остался в накладе. И, кстати, именно в Губернске Смирнов обещал подписать со мной договор.

— Мы не налоговая инспекция, — сказал Купревич. Гуренко неопределенно пожал плечами.

«А этот человек действительно профессионал», — подумал Казик. Наверняка за время, прошедшее после первого звонка полковника, успел выяснить, кто такой Олег Романович Купревич, и соответствующе подготовился. Быстро понял, что его вычислили по звонкам, правда, решил, что следствие зацепилось за совпадения, и вполне убедительно эти совпадения объяснил. Причем опять-таки сделал это очень профессионально. Если бы Гуренко выдал идеально гладкую версию, она вполне могла вызвать сомнения, как бывает с чем-то абсолютно безупречным. Но детектив предложил версию с шероховатостями, даже с неким налетом фантастичности, и потому все выглядело правдиво.

Некий неизвестный человек обратился к частному детективу, однако поначалу ничего внятно не объяснил, не исключено, прощупывал, затем предложил встретиться, чтобы четко сформулировать заказ, но, все заранее оп-

латив, на встречу не явился. Есть вопросы к частному детективу? Он на эти вопросы ответил. Имеет ли это какое-то отношение к убийству в аэропорту? Частный детектив не в курсе.

«Врет», — написал Казик и довольно решительно похлопал ладонью по колену полковника.

— Мой коллега хочет вам, Антон Ильич, кое-что сказать, — заявил Купревич.

— Пожалуйста, — не стал противиться Гуренко.

Аркадий Михайлович, который сидел несколько в сторонке, так что и рассмотреть его в мониторе можно было лишь в общих чертах, придвинулся к экрану чуть ли не вплотную, вызвав у питерского собеседника явное недоумение, которое тот, впрочем, мгновенно сморгнул.

— Вам меня хорошо видно? — поинтересовался Казик.

— Еще бы! — откликнулся Гуренко и усмехнулся.

— Так вот я вам хочу сообщить, Антон Ильич, что вы все врете!

Не успевшая исчезнуть усмешка повисла на губах, как кусок непроглоченной яичницы. Гуренко поводит губами, и яичница упала — вполне возможно, прямо на брюки, потому что Гуренко глянул куда-то вниз и брезгливо поморщился.

— Прошу выбирать выражения! — возмущенно бросил он.

— Хорошо, — с готовностью согласился Казик и заговорил проникновенным, почти ласковым тоном. — Я вам сообщаю, что сейчас вы намеренно, подчеркиваю — намеренно, вводите в заблуждение следствие, что весьма странно для вас, человека, много лет прослужившего в уголовном розыске.

Гуренко протестующе поднял ладонь, но Казик, начисто проигнорировав протест, продолжил:

— Никакого неведомого Смирнова не существует. Вы общались с Эдуардом Борисовичем Марадинским, прекрасно зная, что телефон на него не зарегистрирован. Скорее всего, он вам сам сказал. Да и чего же от вас скрывать, когда он, таясь от всех, никак не таился от вас. А как иначе, когда он обратился к вам со своей... весьма секретной просьбой? Да-да, Антон Ильич, с секретной, поскольку с другими просьбами к частным детективам не обращаются. Причем Эдуард Борисович такие тайны развел!.. По этому телефону он общался только с вами, тут же телефон отключал и звонил исключительно сам. Вы наверняка решили, что симка без регистрации, поэтому легко придумали историю про некоего Смирнова. Но вы переоценили Эдуарда Борисовича. По его просьбе симку приобрела одна женщина, мы ее нашли, и она все подтвердила. Если пожелаете, перешлем вам аудиозапись, чтобы вы не думали, будто мы блефуем. Но и вам блефовать нет никакого смысла. Сами вы его не убивали, это стопроцентный факт, однако имеется очень и очень веское предположение, что причиной убийства стала именно ваша встреча. И вы, человек знающий, это тоже предполагаете. Между тем, насколько могу догадываться, не особенно на сей счет тревожитесь. То есть угрозы для себя не чувствуете. Согласитесь, странновато как-то... При этом, узнав о смерти Эдуарда Борисовича, срочно улетели в Питер, но в правоохранительные органы не обратились. Более того, нам сейчас пытаетесь морочить голову. А это уже слишком странно, особенно с учетом вашего прежнего опыта... В общем, вы просто сами просите, чтобы следственные органы занялись персонально вами и... вашим весьма тонким бизнесом.

Аркадий Михайлович замолчал, многозначительно улыбнулся и отлип от монитора, освободив часть пространства для полковника и дав время самому Гуренко для принятия правильного решения.

— Хорошо, — сказал спустя пару минут детектив. — Я имел дело именно с Марадинским. Мы были знакомы в связи с одной историей года три назад. Тогда Эдуард Борисович обратился в наше агентство с поручением выяснить подноготную одной питерской фирмы. Были подозрения по поводу страхового мошенничества. Занимался этим непосредственно я, собрал хороший материал, Марадинский остался доволен. Страховщики и руководство той фирмы между собой проблему урегулировали, и огласку это не получило. А в субботу Марадинский позвонил мне и сказал, что у него есть для меня заказ. Причем сверхконфиденциальный, поскольку сугубо личный, и о нем не должен знать никто, включая руководство моего агентства. Вообще-то у нас не полагается работать напрямую, но... Эдуард Борисович очень настаивал и...

— ...обещал хорошо заплатить, причем непосредственно вам, — не удержался от реплики Купревич.

— ...я согласился, — не отреагировал на «шпильку» Гуренко. — У него было два поручения. Первое — узнать: есть ли в питерской гостинице, где он недавно останавливался, видеокамеры в коридорах, как долго хранятся записи и насколько сложно их получить. Это я выяснил уже к понедельнику. Камеры есть, записи хранятся неделю, никто не пытался ими воспользоваться. Эдуарда Борисовича это явно обрадовало, хотя, как мне показалось, его все равно что-то тревожило. Но это меня не касалось. Второе поручение было более хлопотное. Марадинский просил выяснить: какие бизнес-интересы, и прежде всего в страховом деле, есть у нового гендиректора Губернского аэропорта Валерия Леонидовича Огородова.

— Почему вдруг его заинтересовал Огородов, Марадинский объяснил? — перебил Купревич.

— Объяснил. Местный филиал компании «Гранит» много лет страхует какие-то аэропортовские объекты. Это

и очень выгодно, и очень престижно. А накануне звонка мне Марадинский встречался с Огородовым, и тот предупредил: через месяц заканчивается договор страхования, и продлевать его новый гендиректор не намерен. Эдуард Борисович считал, что его лично ждут большие неприятности — и прежде всего со стороны главного руководства компании «Гранит». А потому хотел выяснить... ну, скажем так... подноготную Огородова.

— То есть... скажем так... нарыть компромат? — вновь перебил Купревич.

— Выяснить... скажем так... его интересы, — уточнил Гуренко.

— И что вы успели выяснить?

— На тот момент немного. Но и времени было мало. Когда в своем прежнем аэропорту Огородов получил должность замдиректора по экономике, главным страховщиком почти сразу стала компания «Олимпия». Своего филиала она там не имела, в Губернске его тоже нет, но в Москве считается таким крепким середнячком. Скорее всего, Огородов решил поменять «Гранит» на «Олимпию» и явно не по причине простой привязанности. Все это я сообщил Марадинскому, пообещал поработать дальше, но Эдуард Борисович заявил, что нам надо встретиться и все детально обсудить. Я прилетел в Губернск, однако меня никто не встретил. Тогда я позвонил сам, хотя изначально Марадинский поставил условие: первым на связь всегда выходит он, в другое время отключает телефон. Телефон и был отключен. Я звонил несколько раз, отправился в гостиницу и уже там узнал про убийство. И это все, что я могу вам сообщить.

— Допустим, — согласился Купревич. — Но ответьте еще на один вопрос: почему вы, подполковник, много лет проработавший в уголовном розыске, ничего не сообщили в полицию и к тому же пытались морочить головы нам?

— Именно потому, что я очень хорошо знаю правоохранительную систему, — подчеркнуто серьезно сказал Гуренко. — Мне не нужны лишние проблемы и вообще всякий шум. Как справедливо заметил ваш товарищ, — он кивнул в сторону Казика, — я занимаюсь слишком тонким бизнесом. И если больше вопросов у вас ко мне нет, до свидания.

И Гуренко отключился.

Купревич бросил недовольный взгляд на пустой монитор, спросил:

— Ну и как вы полагаете, Аркадий Михайлович, на сей раз этот тип говорил правду?

— Что касается Марадинского, считаю, — да, — заверил Казик. — А что касается личных мотивов господина Гуренко... Конечно, он занимается тонким бизнесом, огласка ему совершенно ни к чему. Но прежде всего, думаю, он очень не хотел, чтобы о его тайном заказе узнало руководство агентства. По сути Антон Ильич действовал в нарушение всех правил, утаивая деньги. А деньги, как известно, любят тишину.

— Ладно, черт с ним, этим частным детективом и его личными мотивами, — отмахнулся полковник. — Но ведь и Огородов нам ни слова не сказал о сути своего разговора с Марадинским. Хотя... — Купревич задумался. — Упоминал, что за несколько дней до убийства они встречались, обсуждали деловые вопросы. Но Огородов ничего не уточнял, да и я тоже. Не посчитал это важным... Придется завтра более детально поговорить с генеральным директором... А заодно с главным начальником «Гранита», он прилетает на похороны зятя. Важно понять: есть ли взаимосвязь между расторжением страхового договора, которое так испугало Марадинского, и его убийством?

— Да-да... — покивал Казик, и в этот момент у него зазвонил телефон. — Слушаю вас, Севастьян, — сказал

Аркадий Михайлович и следом воскликнул: — Я как раз у полковника Купревича в кабинете, включаю громкую связь.

— В больницу доставили начальника VIP-зала Ольгу Валерьевну Егорову, — принялся рапортовать старший лейтенант. — Она без сознания. Ее обнаружили в собственной квартире руководитель клининговой службы Нина Григорьевна Кондакова и начальник САБа Сергей Геннадьевич Дергачев, которые пришли к Егоровой на ужин. Они же вызвали «скорую». Сейчас Егорова в реанимации. Врачи предполагают сильное отравление. По словам Кондаковой и Дергачева, за час до обнаружения... — Гаврюшин запнулся, явно подбирая подходящий синоним слову «тело», — в общем, до обнаружения Егоровой с ней было все в порядке. Начальник Службы авиационной безопасности считает, что это отравление не может быть случайным.

ГЛАВА 20

В детстве люди летают во сне. Сергей Дергачев во сне не летал никогда. Зато он летал наяву — пока на него не обрушился кусок самолетного крыла и не придавил навсегда к земле.

В юности люди мечтают о большой любви. Сергей Дергачев не мечтал никогда. Его первая любовь сразу стала женой и была ею до тех пор, пока не сказала, что уходит, поскольку устала от него. Устала от его переживаний и маяты, из которых она его постоянно вытаскивала, а он не особо замечал. Они прожили четверть века, Сергей думал, что прожили хорошо, но оказалось, расстаться — лучше. Так, по крайней мере, считала жена.

Да, поначалу Сергей переживал и маялся, но потом все утихло, рассосалось, и свою прежнюю семейную

жизнь он начал воспринимать, как альбом с фотографиями: все вместе, но — лишь на фото.

Он не сразу осознал, а осознав, удивился, насколько быстро перестал тосковать по жене. В нем не было ни гнева, ни обиды — скорее, чувство, будто кто-то выбросил его старые удобные домашние тапки, однако он прекрасно ходит по дому и в носках.

Он с самого начала существовал в двух пространствах. Одно называлось «работа», другое — «дом». На работе происходили главные события, там были радости и печали, взлеты и крушения, жар и холод. А дома всегда царили умиротворение, порядок и... комнатная температура.

Вероятно, все дело было именно в температуре, которой измеряется привычка. То, во что превращается семейная жизнь многих и во что превратилась его собственная жизнь. То, что одни воспринимают спокойно, а другие — с желанием все изменить. Сергей ничего не собирался менять, однако его самого поменяли — причем не на другого мужчину, а просто на другую жизнь, где ему не нашлось места. И оказалось, что он не знает своего собственного места.

Вот это было тяжелее всего.

Здесь, в Губернске, у него были хорошая работа, хороший начальник, хороший коллектив, хорошая квартира. В общем, все хорошо, за исключением — температуры. Которая была даже не комнатной, а такой, словно в мороз кто-то постоянно открывает окно. И Сергей ежился, пытаясь согреться, однако не тело — душа все время ощущала холод.

И вот вчера он, пожалуй, впервые за долгие месяцы почувствовал тепло. Оно исходило от чужих в сущности людей, от всех вместе и конкретно — от Ольги, от которой прежде веяло лишь прохладой начальницы VIP-зала.

С самого утра Сергей хотел ей позвонить — поблагодарить за вчерашний вечер. Так сказать, проявить воспитанность. Но каждый раз что-то останавливало, и он находил этому объективные причины. Сначала — внутренняя планерка, после — общая аэропортовская. Затем, словно заранее договорившись соблюдать очередь (а может, и в самом деле договорились), потянулись руководители служб, находящихся в ведении заместителя гендиректора по безопасности. Никаких особых проблем ни у кого не возникло, все были с Дергачевым знакомы, и Сергей понял: каждый проводил свою разведывательную операцию в отношении пусть временного, но все же начальника. Последним явился Никита Старчук.

— Сергей Геннадьевич, имейте в виду: если Малафеева попробует меня переподчинить себе, то я не хочу и не буду! — заявил он решительно.

— В приказе ничего такого нет, — успокоил Дергачев.

— Сегодня — нет, а завтра что-нибудь придумают, — проявил подозрительность Старчук.

— Перестаньте себя накручивать, Никита.

Дергачев подумал: вот ведь странно, Старчук — не мальчик, к сорока ближе, чем к тридцати, а всем всегда представляется просто по имени и ведет себя периодически совершенно по-мальчишески. Хочу — не хочу... Буду — не буду... Сам Сергей, с юности привыкший к дисциплине и порядку, все эти своенравие и упрямство воспринимал как капризы, а капризы он не любил. Особенно у мужчин. У женщин, впрочем, тоже.

— Как вы в полиции служили... с вашим характером? — спросил Дергачев.

— С трудом служил, — поморщился Никита. — И когда Лавронин меня позвал, так сразу же погоня с себя и сорвал. И нисколько не жалею! Я терпеть не могу всякие приказы.

— Но зачем же вы вообще в полицию пошли? — действительно заинтересовался Дергачев.

— Дураком был. Романтиком... — легко, даже с некоторой веселостью отреагировал Старчук. — Но давно поумнел и никаких командиров над собой иметь не хочу. Нормальные начальники — другое дело. Так я их теперь сам могу себе выбирать. Вот Юрий Александрович хоть и полковник, а никогда мне не приказывает. Совершенно без надобности. Мне можно просто сказать. А Малафеева... Я к ней ничего плохого не имею, но я шел работать под Лавронины, а к Малафеевой я не нанимался.

— Но сегодня вы... в некотором смысле... в моем подчинении, — напомнил Дергачев.

Старчук внимательно посмотрел на Сергея и пожал плечами:

— Во-первых, вы человек, близкий Юрию Александровичу. А во-вторых, вы... в некотором смысле... весьма условный начальник. Временный.

И ушел, даже не спросив пусть временного, но все же начальника разрешения покинуть кабинет.

В другой раз Дергачеву очень бы не понравилось такое нарушение субординации и даже в определенном смысле наглость. Но сегодня у него было отличное настроение, и он только усмехнулся: мальчишка-переросток, что с него взять...

Пожалуй, все-таки следовало позвонить Егоровой. Сергей даже взялся за телефон, но тот зазвонил сам. На дисплее высветилось: «Дочь».

— Папа! Привет! — Голос у Даши был радостным, даже восторженным. — Я забрала духи, которые ты мне передал. И сразу же попробовала. Папа, совершенно замечательные духи! Запах!.. Я именно такой люблю! И это очень модный сейчас запах! Ты сам так удачно выбрал?!

— Нет, — не стал приписывать себе чужие заслуги Сергей, — мне подсказала наша начальница VIP-зала.

— Прямо вот такого важного зала? — засмеялась дочь. — Тогда понятно. Начальницы таких залов должны разбираться в хороших духах.

— Вообще-то она нормальная женщина, сама вызвалась помочь, я же действительно ничего в духах не соображаю... — принялся непонятно с чего оправдываться Дергачев. — Я тебе заранее подарок послал, ну так... для надежности... оказия вышла... Говорят, заранее поздравлять нельзя, но я тебе в день рождения позвоню и поздравлю... А подарок — вроде как с наступающим...

— Да брось ты, папа! — весело перебила Даша. — Все это суеверия и ерунда. Тем более, что и у меня тоже есть для тебя подарок.

— Для меня? — удивился Сергей.

— Да! Ты станешь дедушкой!

— Дедушкой? — уже не просто удивился, а прямо-таки поразился Сергей.

— А что не так? — настороженно произнесла дочь. — Между прочим, если бы я, как вы с мамой, родила в девятнадцать лет, то ты бы стал дедушкой пять лет назад. Совсем молодым дедушкой.

И тут Сергей сообразил: она ведь все неправильно поняла. Она решила, будто он испугался превратиться в деда, хотя считает себя эдаким парнем молодецким!

— Дашка, ты все неправильно поняла! Я очень рад! Честное слово! Просто все так неожиданно... — заговорил он горячо и искренне.

— Вообще-то я уже два года замужем, — напомнила дочь.

— Все равно! Но это здорово! А когда? И кого?

— Через пять месяцев. Обещают мальчика. Или ты хочешь девочку? — В трубке послышался смешок.

— Мне без разницы! — заверил будущий дедушка. — Мне главное, чтобы все было благополучно.

— Все благополучно, — заверила в свою очередь дочь.

— Но, может, какая-то помощь нужна? Ты только скажи, я всегда...

— Папа, успокойся. Все идет по плану. И... — Даша на мгновение замолчала, а затем добавила: — Тебе привет от мамы.

— Ей тоже, — ответил Сергей и вновь удивился: с момента расставания жена, теперь уже бывшая, ни разу не посылала ему приветов. Правда, на день рождения прислала СМС с поздравлением, и он ей потом тоже прислал СМС с поздравлением, но не более того.

— Передам, — пообещала дочь, а Сергей вдруг подумал, что все эти приветы его нисколько не волнуют, а волнует — и действительно радуется, — что через несколько месяцев у него родится внук.

Все-таки сегодняшний день какой-то удивительный!

Надо позвонить Ольге, решил Дергачев, но опять не успел, потому как она позвонила сама. Пригласила на ужин, уточнив, дескать, привезла продукты от родителей, позвала Нину Григорьевну и решила, что Сергей Геннадьевич тоже не откажется от домашней еды. Дергачева объяснения по поводу продуктовых остатков и собственного довеска к Кондаковой нисколько не задели, и он тут же согласился. Сходил в кафе и купил две бутылки хорошего вина, а также коробку дорогих конфет. И оставшиеся часы провел все с тем же ощущением радости, с какой начался этот день.

Перед выездом с работы Сергей, как и обещал, позвонил Ольге. Однако она не откликнулась. Он немного подождал и снова позвонил. Ответом были долгие гудки. Через двадцать минут молчания Дергачев вдруг заволновался и набрал номер Кондаковой.

— Да! — выкрикнула клининговая генеральша. — Вы где, Сергей Геннадьевич?

— А вы где?

— Дома! Где же еще? — удивилась Кондакова. — Жду, когда вы приедете и Ольга скомандует мне спуститься к ней.

— Я звоню ей почти полчаса, она не берет трубку.

— То есть как не берет? — насторожилась Кондакова. — Я с ней около часа назад по телефону разговаривала. Подождите, я ей сама позвоню. — Отключилась и через минуту перезвонила уже Дергачеву. — Действительно молчит. Я сейчас к ней спущусь.

Сергей уже ехал из аэропорта, когда вновь на связь вышла Кондакова.

— Я долблюсь в дверь, а Ольга не открывает! А телефон в квартире, я набирала, слышны звонки! — выкрикнула она. — Я сейчас возьму ключи от ее квартиры и сама открою! У меня есть запасные ключи!

— Нет! — отрезал Дергачев. — Вы будете ждать меня у себя дома, около домофона, иначе я не попаду в подъезд.

Кондакова, однако, ждала не дома, а во дворе, нарезая нервные круги. Все парковочные места оказались заняты, и Сергей, наплевав на все, приткнул машину к самому подъезду. Ему с какой-то безнадежной очевидностью было ясно: что-то случилось. Не могла пунктуальная, ответственная Егорова просто так игнорировать телефонные звонки и дверную трель.

Они не стали дожидаться лифта, который скрипел где-то на самом верху, явно не торопясь спускаться вниз, и буквально бегом кинулись на пятый этаж. Нина Григорьевна сунула ключ в замочную скважину, с силой толкнула дверь.

— Оля!

В ответ — тишина.

Из прихожей хорошо просматривалась комната с накрытым столом — аккуратно выставленные тарелки, столовые приборы, фужеры. Все было подготовлено к визиту гостей.

— Ольга Валерьевна! — крикнул Сергей и вдруг услышал вскрик, раздавшийся из кухни.

На столе, рядом с блюдом с нарезанными овощами, упаковкой сока и пустым бокалом с розовато-желтой жидкостью на дне, лежала Ольга. Вернее, лежала ее голова, упершись лбом в согнутый локоть левой руки, а сама она, привалившись к краю стола, сидела на стуле. Как будто устала и задремала.

— Ольга Валерьевна! — Сергей схватил ее за плечо и тряхнул. Правая рука соскользнула с колена и повисла плетью.

— Отойдите! — Кондакова с силой отпихнула Дергачева в сторону, прижала палец к Ольгиной шее, приподняла веко, скомандовала: — Быстро вызывайте «скорую»! Похоже на отравление.

«Скорая» приехала на удивление быстро. Может, потому, что Дергачев сразу представился по полной (начальник Службы авиационной безопасности аэропорта) и безапелляционным тоном заявил, что отравлена ответственная сотрудница аэропорта. Хотя не мог понять: что значит — отравлена? Каким образом? Почему? А дальше он словно оказался в параллельной реальности: все видел, слышал и даже действовал, но одновременно будто смотрел на все со стороны — с изумлением и... ужасом.

Двое медиков стащили Ольгу прямо на пол, пробурчали «да, похоже на отравление» и начали ей ставить какие-то уколы и что-то измерять какими-то приборами. Потом распорядились:

— Зовите кого-нибудь из соседей.

— Зачем? — не понял Сергей.

— Ну вы же не с ней, — один из медиков мотнул головой в сторону Нины Григорьевны, — носилки понесете. А мы носилки не носим.

— Мне проще унести ее на руках, — сказал Дергачев.

— Ваше дело. Тогда пусть она — кивок снова полетел в сторону Кондаковой, — возьмет носилки. Они не тяжелые.

Ольга тоже оказалась не тяжелой. По крайней мере, Сергею так показалось. Впрочем, он об этом особо не думал. Во дворе Ольгу все же положили на носилки и вкатили внутрь машины.

— В какую больницу вы ее везете? — спросила Нина Григорьевна.

— В ближайшую, двадцать четвертую, — последовал ответ. — Но если хотите с ней, то на своем транспорте. У нас для вас места нет, придется ее по дороге откачивать.

Они подъехали к приемному покою, когда Ольгу уже увезли. Как сообщила дежурная медсестра, в реанимацию. И потребовала документы больной. Ни о каких документах Дергачев даже не подумал, зато, оказалось, подумала Кондакова, прихватив Ольгину сумку, где лежал в том числе паспорт.

— Вы молодец, — подивился ее предусмотрительности Сергей.

— Опыт, — пожала плечами Нина Григорьевна и ворчливо добавила: — Дожили, «скорая» человека уже и на носилки сама не положит. А если бы вас не было, кто бы понес? А если совсем одинокий человек и среди соседей — одни немощные? Что, по лестнице кулем катить?..

Сергей промолчал. О чем говорить, коли даже пустые носилки Кондакова сама тащила? И при этом не

забыла сумку с документами. И почти сразу сказала, что Ольга отравилась...

Дергачев редко испытывал сильный страх. А тут его буквально захлестнуло. Ведь Кондакова везла Ольгу домой, и с той было все в порядке. И разговаривала по телефону за час до того, как Ольгу нашли без сознания. Ведь такое не происходит случайно!.. И не может быть случайностью, когда в течение двух суток на человека сначала кто-то пытается напасть, а затем человек чем-то травится.

Через час с небольшим в приемный покой вышел врач.

— Это вашу женщину привезли?

— Нашу, — почти хором ответили Дергачев с Кондаковой.

— Тяжелое отравление. Чем — сейчас точно не скажу, но похоже на смесь сильного снотворного с каким-то химическим веществом. Может, даже наркотическим, — произнес он хмуро. — Вы ее вовремя привезли. Откачали. А часа через три, думаю, ей в реанимации делать было бы нечего. В морге ей было бы место. — Помолчал и добавил: — Может, попытка самоубийства... а может, что другое... но надо сообщить в полицию. — Вновь помолчал и вздохнул: — А вы тут не сидите, домой отправляйтесь. До утра ничего нового не узнаете.

— Сергей Геннадьевич, вы же понимаете: попытка самоубийства — это чушь собачья, — сказала Кондакова, когда они вышли на воздух.

— Понимаю, — согласился Дергачев, у которого после сообщения, что Ольга будет жить, как-то разом прояснилось в голове. — Я сейчас позвоню Гаврюшину. Он у москвичей на подхвате бегаёт, пусть подключается сам и москвичей подключает. Я здесь останусь, а вам дам деньги на такси, и вы поезжайте домой. У вас

ключи от квартиры Егоровой, наверняка ее квартира понадобится.

— А вдруг москвичи решат, что это не их дело? — спросила Нина Григорьевна и даже вздрогнула, напоровшись на холодный, прямо-таки лютый взгляд.

— Пусть только попробуют так решить, — угрожающе произнес Дергачев, и Нина Григорьевна подумала: волк... истинный волк.

ГЛАВА 21

Никто Казика с собой не звал — он сам увязался. Впрочем, никто и не гнал. Но, в конце концов, это ему позвонил Гаврюшин, которому в свою очередь позвонил Дергачев, а Казик включил громкую связь, чтобы слышал Купревич, потому как именно полковнику и предназначалась информация. Вот такой замысловатый путь передачи данных, однако именно Казик оказался главным передатчиком.

Ну а дальше все закрутилось, завертелось и даже завихрилось. Начальник оперативно-следственной группы разговаривал по телефону, задавал вопросы, отдавал приказы, отправлял людей в больницу и на квартиру Егоровой... Нападение на начальницу VIP-зала, которое еще два дня назад воспринималось случайностью, теперь, когда она лежала в реанимации, рассматривалось как явное преступление.

Аркадия Михайловича втянуло в вихревую воронку, вернее, он сам втянулся, не слишком представляя, какой от него в данный момент может быть толк, однако кто знает... Опять же полковник не возражал, когда Казик сел с ним в машину и отправился в больницу.

В вестибюле перед приемным покоем их ждал Дергачев. Выглядел он неважно — с серым осунувшим-

ся и даже словно заострившимся лицом, с тяжелым взглядом.

— Доложите со всеми подробностями, — распорядился Купревич, и начальник САБа, который вовсе не состоял у полковника в подчинении, стал докладывать с той четкостью и бесстрастностью, с какой зачитывают рапорт.

— Это не может быть случайностью, — сказал под конец Дергачев. — Ее пытались намеренно отравить. Смесь снотворного с какой-то химией. Она же не могла принять это сама...

— Особенно, если ждала гостей, — встрял Казик.

— Допустим, — не стал спорить Купревич и посмотрел вкось на Дергачева. — А почему Егорова вдруг решила пригласить в гости именно Кондакову и вас?

Дергачев спокойно выдержал этот взгляд.

— С Кондаковой она дружит. А я...

Аркадий Михайлович слушал Дергачева и думал: надо же, как все интересно сложилось, чужие в общем-то люди, а буквально за сутки в некотором смысле сошлись. Казик догадывался, что за четкими, скупыми на эмоции словами кроется нечто, имеющее отношение именно к эмоциям, но начальник САБа не хочет это проявлять. Интересно: почему? Почему нельзя просто волноваться за женщину, которая коллега, в доме родителей которой ты пусть случайно, но провел вечер, и которая тебя пригласила на ужин? В конце концов, два раза подряд в гости не зовут совсем уж постороннего человека. Хотя еще вчера утром, когда Казик выяснял подробности нападения на Егорову, Дергачев вел себя как начальник САБа, и не более того, — со служебной озабоченностью человека, отвечающего за безопасность, пусть даже и имеющую весьма условное отношение к безопасности авиационной.

— Я хочу переговорить с врачом, — сказал Купревич.

— Я врачу передал, что вы можете захотеть с ним поговорить, а он ответил... — Дергачев посмотрел на часы, — ну да, теперь уже освободится минут через тридцать. Если ничего экстренного не произойдет.

Врач освободился через сорок минут. Это был немолодой мужчина с лицом человека, которого уже ничего не может удивить. Равнодушно взглянув на удостоверение Купревича, он спросил:

— О чем вы хотите узнать?

— Прежде всего о состоянии здоровья.

— Терпимо.

— А подробнее?

— Подробнее? Пожалуйста, — произнес врач таким тоном, словно собрался сделать одолжение. — Женщина приняла сильнодействующее снотворное и яд одновременно. Перорально. То есть либо с пищей, либо с жидкостью, — счел он нужным пояснить. — Но никто ее насильно не кормил, не поил. Мы обследовали ротовую полость, там никаких повреждений. То есть сама либо съела, либо выпила. Точный состав снотворного и яда я вам не скажу, мы сделали только экспресс-анализ крови, но по тем данным, которые получили, и по моему опыту... Снотворное очень сильное, должно было подействовать в течение... минут десяти-пятнадцати. А может, и раньше. В общем, быстро. И хватило бы его надолго. А вот с ядом другое. Яд должен был начать действовать часа через три-четыре. Но женщина бы это даже не почувствовала, потому что она бы глубоко спала и умерла от остановки сердца. Так что если бы ее вовремя не обнаружили, то часа через три-четыре ее уже надо было бы везти не к нам, а в морг. Но опять же по моему опыту... — Врач замолчал, покачал головой. — Не исключено, если бы женщину нашли утром или днем, то яд вообще могли не обнаружить. Ну разве что при каких-нибудь совершенно особых исследовани-

ях, до которых, скорее всего, и не дошло бы. Я знаю подобные яды...

— Откуда? — прервал Купревич.

Врач усмехнулся:

— Из книжек.

Полковник нахмурился:

— А если серьезно?

— Я больше тридцати лет занимаюсь токсикологией. И слежу за публикациями в специальных изданиях. В том числе на английском языке. А вам это кажется странным?

— Да нет... просто любопытствовал, — примирительно сказал полковник.

— Ну-ну... — вновь усмехнулся врач. — И вам, конечно, нужны образцы крови?

— Разумеется.

— Я распорядился приготовить. И даже дам специальный контейнер. Только, пожалуйста, контейнер верните. Он нам самим нужен.

— Непременно, — заверил Купревич. — А когда можно будет переговорить с пациенткой?

— Если все будет нормально, завтра. Возможно, уже утром переведем ее в палату.

— Мы должны будем поставить охрану.

Полковник кивнул на окно, где за стеклом в свете фонаря виднелась полицейская машина.

— Ставьте, — разрешил врач. — Сестра выдаст халаты и бахилы. Но в саму реанимацию я никого не пущу.

— А у вас есть отдельная палата?

— Есть. Но тут разговаривайте с заведующим. Я палатами не распоряжаюсь.

— Вы гарантируете, что с этой женщиной будет все в порядке? — неожиданно подал голос Дергачев.

Врач посмотрел на него со смесью недоумения и сожаления.

— Я гарантирую, что мы все для этого делаем. А за остальным обращайтесь в гарантийную мастерскую.

И со словами «Если я вам больше не нужен, то я вернусь к своим делам» ушел, даже не попрощавшись.

И тут же из приемного покоя выглянула сестра.

— Имейте в виду, мужчины, с вашей женщиной, которая больная, приехал не только этот мужчина, — она кивнула в сторону Дергачева, — но и другая женщина. С ней была сумка больной, она вытаскивала оттуда паспорт... больной, имею в виду... а потом уехала вместе с сумкой. Это чтобы у вас претензий потом не было — у нас сумку не оставляли. И вот этот мужчина, — она вновь кивнула в сторону Дергачева, — должен был видеть.

— Видел, — подтвердил Дергачев.

— Ну вот, — удовлетворилась ответом сестра и вновь исчезла за дверью приемного покоя.

Все трое вышли на улицу. Около полицейской машины топтались сержант, лейтенант и капитан. Купревич махнул рукой в сторону крыльца, капитан козырнул, а сержант с лейтенантом бодро двинулись внутрь больничного вестибюля.

— Сейчас едем на квартиру Егоровой. Вы, Сергей Геннадьевич, я так понимаю, с нами, — констатировал полковник.

— С вами.

Намерениями же Казика никто не поинтересовался, зато поинтересовался он сам:

— Позвольте узнать, Сергей Геннадьевич, а чего вы вдруг всполошились, когда Ольга Валерьевна трубку не взяла?

Дергачев посмотрел с удивлением.

— Мы договорились, что перед выездом из аэропорта я позвоню. И вообще-то я звонил несколько раз.

— А может, она просто телефон где-нибудь в другой комнате оставила и не слышала?

— Не может, — без тени сомнения заявил Дергачев. — Во-первых, у нее там не хоромы, обычная двухкомнатная квартира. А во-вторых, она организованная женщина.

— Организованная — это как? — уточнил Аркадий Михайлович.

— Это значит, что договорились — значит, договорились. Егорова — начальник VIP-зала. Начальнику VIP-зала нельзя быть неорганизованным. Там слишком много правил, и там строгие порядки.

Казик не знал ни про какие правила и порядки зала для очень важных персон, но догадывался, что там действительно не забалуешь, вольностей не допустишь и договоренности нарушать не станешь. А коли Егорова командует особым залом уже несколько лет, то такое в кровь въелось.

— А почему вы сказали Кондаковой, чтобы она без вас не заходила в квартиру? — спросил полковник.

— Не знаю... Что-то вот меня... Ну, в общем, нехорошее чувство возникло... — после некоторой паузы произнес Дергачев. — На Егорову же кто-то нападал.

— У вас, Олег Романович, сумка Егоровой с кровью на экспертизе, — осторожно напомнил Казик полковнику.

— Я знаю, — отреагировал Купревич, вынул из карман телефон, набрал номер, спросил у невидимого собеседника: — Как там у вас? Понятно... Я сейчас подъеду. — Сунул телефон обратно в карман и сказал: — Сергей Геннадьевич, отвезите, пожалуйста, Аркадия Михайловича в гостиницу. — После чего переключился на Казика: — Я сейчас в квартиру Егоровой. Там работают криминалисты, вы там будете лишним. Встретимся утром, я дам вам знать. — А вы, — вновь обратился он

к Дергачеву, — вернитесь в квартиру Егоровой. У Кондаковой уже взяли отпечатки пальцев, нужно взять и у вас. Чтобы отделить от прочих. Вы же там наверняка наследили. — Помолчал несколько секунд и добавил: — Вы правильно сделали, Сергей Геннадьевич, что сразу отправили из больницы назад Кондакову. Она запасные ключи дала, не пришлось дверь вскрывать.

До гостиницы ехали молча. И только прощаясь, Дергачев произнес:

— Я, Аркадий Михайлович, не знаю, что общего у этого Марадинского и Егоровой, кроме VIP-зала, но я плохо верю в случайные совпадения. Я совершенно не понимаю, в чем тут дело, но меня, честно признаюсь, мало волнует этот Марадинский. А вот ситуация с Егоровой — волнует. Да! Прежде я считал Егорову просто протокольной дамой, а теперь я думаю... она хорошая женщина, которую какой-то мерзавец хотел убить. Причем два раза. Да! То нападение около дома — тоже не случайность, я теперь уверен. А вот как раз случайность, что не убил. Но может попытаться еще...

— В больнице Ольгу Валерьевну охраняют, — успокоил Казик.

— А когда выйдет? Тогда — как?

— Вероятно, тоже предпримут меры...

— Ну, конечно! — зло проговорил Дергачев. — Взвод автоматчиков около нее поставят! Кто она такая? Аэропортовский клерк, которую пытались убить за территорией аэропорта. Вот ведь что важно! Не бизнесмен, которого на тот свет отправили в самом аэропорту, и сразу шум до небес поднялся.

— Но вы же сами предполагаете эти преступления взаимосвязанными, — заметил Казик. — И, уверяю вас, полковник Купревич это тоже сейчас рассматривает именно так...

— В общем, передайте своему полковнику, — перебил Дергачев, — если он не обеспечит охрану Егоровой, я это сделаю сам. Я — начальник службы авиационной безопасности. Я охранять умею не только перроны с самолетами. И мне плевать, как он к этому отнесется.

ГЛАВА 22

Валерию Леонидовичу очень нравилась его квартира. На двадцатом этаже, просторная, трехкомнатная, с большими окнами, открывающими панорамный обзор на километры, а прежде всего на парк, расположенный поблизости, в который Огородов регулярно хотел сходить, да все как-то не получалось. Квартира, конечно, была не его — арендованная. Когда ему показали в виртуальном варианте шесть подобранных квартир, он сразу выбрал эту. А когда увидел ее уже реально, никакие другие даже смотреть не захотел. На завышенную арендную плату Огородов внимания не обратил — оплачивал аэропорт, для его бюджета сумма роли не играла.

Это была квартира словно из другого мира, совсем не похожая на те, в которых Огородов жил прежде и какую купил пять лет назад. Собственная квартира располагалась в старом добротном доме, на третьем этаже, с отделкой в традициях респектабельной классики. Арендованная — в доме новом, в стиле хай-тек, с совершенно очевидным молодежным духом. Впрочем, квартира и предназначалась изначально молодому парню, сыну весьма крупного бизнесмена, который сам заказал себе дизайн, но который не жил здесь ни дня, потому как укатил то ли в Москву, то ли в Лондон. На Валерия Леонидовича его новое жилье действовало совершенно неожиданным образом — с явным омолаживающим эффектом.

С хозяйкой, пожилой дамой Елизаветой Андреевной, матерью бизнесмена и бывшей многолетней преподавательницей сольфеджио в музыкальной школе, Валерию Леонидовичу тоже повезло. Она обитала в этом же подъезде, этажом выше, была женщиной воспитанной, любезной и своим соседством никак не докучала. Иногда они пересекались в лифте или во дворе, обменивались парой вежливых фраз, и не более того. Если бы Огородов намеревался остаться в Губернске навсегда, то непременно попытался бы выкупить у Елизаветы Андреевны квартиру, однако укореняться здесь он не планировал, а планировал поработать усердно, показать себя с наилучшей стороны, а затем перебраться в Москву — в хорошее, естественно, место и на хорошую, разумеется, должность.

Он всю жизнь делал карьеру своими стараниями. Ну да, с Губернским аэропортом ему повезло — он никак не ожидал. Но коли случилось, значит надо доказать, что случилось не зря. И он, Огородов, достоин и этого везения, и своего дальнейшего продвижения.

В последние дни настроение у него было тревожное, и особенно после вчерашнего разговора с Малафеевой, которая летала в Москву к руководству, вернулась со своими подозрениями, вернее, не своими, а которыми поделилось начальство. Все это очень не нравилось Валерию Леонидовичу своей закрученностью и непредсказуемостью.

В восемь утра Огородов спустился во двор, где его ждала служебная машина, и увидел Елизавету Андреевну. Она выгуливала свою собачку Пусю — крохотное пучеглазое существо. Выгуливалась Пуся, исключительно сидя на руках, свои естественные надобности справляла дома в лоточек, а на улицу хозяйка выносила ее подышать воздухом — для здоровья и хорошего аппетита.

— Доброе утро, — поздоровался Огородов.

— И вам доброго утра, — любезно отозвалась Елизавета Андреевна.

Собачка вежливо тявкнула.

— Прошу прощения, Валерий Леонидович, но могли бы вы мне уделить пару минут? — спросила Елизавета Андреевна, и Огородов заверил, что вполне может. — Ничего нового не слышно про Эдика Марадинского?

«Про Эдика?» — мысленно удивился Огородов. Елизавета Андреевна, словно почувствовав это удивление, махнула рукой (собачка тут же кивнула головенкой):

— Я ведь Эдика еще мальчиком знала. Он у меня в музыкальной школе учился. Очень славный был мальчик, способный, жаль, дальше не продолжил. А вот общаться со мной продолжил, с праздниками всегда поздравлял... Я его потом с сыном своим познакомила, у них даже какие-то общие дела возникли, уж не знаю — какие. Но когда я узнала, что его убили... Ой... — Елизавета Андреевна прижала к груди собачку, как прижимают руки к сердцу (собачонка с полным пониманием эмоций хозяйки даже не пискнула). — Всю ночь не спала. Так жалко...

— Жалко, — сочувственно согласился Огородов.

— И вас жалко, — вздохнула Елизавета Андреевна. — Только приехали, только, можно сказать, на должность заступили, и сразу такая неприятность.

— Увы... — вздохнул в ответ Валерий Леонидович.

— Так что-то слышно? Говорят, московские следователи работают...

— Работают. Но нас, гражданских, в том числе меня, ни о чем особо не информируют, — не стал скрывать Огородов. — Поэтому я сам мало что знаю...

— Ну уж вас могли бы держать в курсе, — укоризненно произнесла Елизавета Андреевна. — Я надеюсь,

этим следователям не приходит в голову подозревать в чем-то вас, человека совершенно нового?

— Ну а почему бы и нет? — усмехнулся гендиректор. — До моего появления ничего подобного не случилось. А я появился...

— Глупости! — гроыхнула мажорным форте бывшая преподавательница сольфеджио и тут же продолжила в минорной тональности: — Сегодня хоронят Эдика, сын собирается на прощание. Вы, вероятно, тоже?

Ни о каких похоронах Валерий Леонидович не знал и мгновенно разозлился. Георгий, помощник, доставшийся от прежнего директора, должен был предупредить, однако же явно все прошляпил. Этот Георгий раздражал своей степенностью — по мнению Огородова, помощнику следовало быть гораздо шустрее. «Пора увольнять», — подумал Валерий Леонидович, пробормотал Елизавете Андреевне какие-то невнятные слова, попрощался и сел в машину. И уже затем набрал номер.

— Георгий, вы в курсе, что сегодня похороны Марадинского? — даже не поздоровавшись, спросил он подчеркнуто сухо.

— В курсе, — подчеркнуто спокойно ответил помощник. — Процедура прощания начнется в час дня в Центральном ритуальном зале.

— А почему я не знаю? — процедил начальник.

— Потому что окончательно все стало известно вчера в семь вечера. Вы уже уехали из аэропорта в театр на оперу «Князь Игорь». Я посмотрел, опера заканчивалась уже достаточно поздно, я не стал вас беспокоить, — не меняя интонации пояснил помощник. — К тому же сегодня, согласно вашему графику, у вас в час дня видеоконференция с Москвой, так что вы, как мне кажется, не смогли бы поехать на прощание.

— А вам не кажется, что от аэропорта следовало хотя бы послать венок? В конце концов, Марадинский, помимо всего прочего, был партнером аэропорта.

— Венок я заказал, — невозмутимо произнес Георгий. — Его доставят к нам сегодня в одиннадцать часов. Я как раз хотел вам доложить, что венок будет из живых цветов, искусственные для нас не солидно, а на траурной ленте планируются слова: «С прискорбием — от руководства Губернского аэропорта». Но если вы возражаете, слова можно заменить. Это сделают быстро, я на всякий случай договорился.

— Нормальные слова, и живые цветы тоже правильно. Вы сами съездите на прощание.

— Хорошо. Я специально на всякий случай надел соответствующий костюм.

«Нет, — подумал Огородов, — увольнять Георгия явно преждевременно».

Уже на подъезде к аэропорту позвонили из областной администрации, предупредили, что вечерним московским рейсом возвращается губернатор. Сидеть на работе почти до десяти вечера Огородов вообще-то не планировал. Да и особой нужды, по большому счету, не было никакой. Прилет — не вылет, когда всякое может случиться, типа задержки рейса, как в нынешний понедельник, и директору пришлось выступать в роли заботливого хозяина. Тут все проще: даже если рейс задержится, из самолета никто никуда не денется, а потом к трапу подадут машину VIP-зала, губернатор пройдет через зал и уедет в город. Всех дел на несколько минут. Прежний директор сроду подобными встречами себя не обременял. Проводами, впрочем, часто тоже.

Но Огородов считал, что себе он такое позволить пока не может. Вот через какое-то время, перестав быть новичком, — другое дело, А пока нельзя пренебрегать любым общением с губернатором, тем паче

сейчас, когда в аэропорту случились такие трагические события. Не исключено, у губернатора возникнут какие-то вопросы, на которые, скорее всего, у гендиректора не найдется ответов, однако тут он точно ни при чем. А вот начальнице VIP-зала послаблений не будет никогда. Должность, в конце концов, обязывает быть под рукой не просто у очень важных, а самых важных персон.

Огородов намерился позвонить Егоровой прямо тут же, однако машина подъехала к административному корпусу, и он решил, что отдаст соответствующие распоряжения после общей планерки.

В кабинет, однако, он даже не зашел, перехваченный на пороге секретаршей.

— Валерий Леонидович, звонил полковник Купревич, просил, чтобы вы сразу заглянули к нему.

— А почему он позвонил в приемную, а не мне на мобильник? — удивился Огородов.

Секретарша пожала плечами.

— Ну ладно. — Он сбросил на руки секретарши плащ. — Меня, судя по всему, на планерке не будет, а вы свяжитесь с Егоровой и предупредите, что вечерним рейсом из Москвы сегодня прилетает губернатор.

Конференц-зал, где разместился штаб оперативно-следственной группы, находился этажом ниже, но Валерий Леонидович проделал этот путь в намеренной неспешности.

Селекторное совещание его мало волновало. Вел его традиционно зам по производству, гендиректор лишь принимал участие и знал: обо всем важном его и так проинформируют. Но вот срочный вызов Купревича, причем не напрямую, а через секретаршу, насторожил. И подозрительно, и не слишком вежливо. А ведь этот полковник производил впечатление вполне воспитанного человека...

В кабинете, где обосновался полковник, вместе с ним сидел довольно забавный дядька — взъерошенный толстяк с большим носом и круглыми глазами, которого Огородов уже видел, но исключительно издали.

— Познакомьтесь, наш эксперт Аркадий Михайлович Казик, — представил Купревич.

Огородов любезно кивнул — эксперт послал в ответ не менее любезную улыбку. Валерию Леонидовичу очень хотелось спросить: «С чего вдруг такая срочность?», однако он промолчал. Не зная броду, не суйся в воду. По крайней мере, первым.

— Уж вы извините, что вас так резко оторвали от дел, однако же насущная потребность возникла дополнительные вопросы вам задать, — весьма церемонно произнес Купревич.

Огородов опять промолчал. Эта странная для следователя церемонность встревожила.

— Вы же были знакомы с Эдуардом Борисовичем Марадинским?

— Был. Но очень поверхностно. Встречался с ним один раз, где-то за неделю до... происшествия. Я об этом рассказал следователю, который меня расспрашивал еще до вашего приезда.

— Да-да, здесь записано, что вы обсуждали с Марадинским текущие дела. — Купревич постучал пальцем по толстой папке. — А можно поподробнее? Какие дела вы обсуждали?

Директор неопределенно повел плечами.

— Ну, во-первых, я стараюсь постепенно знакомиться с основными партнерами аэропорта. Так сказать, лично, и Марадинский в их числе. Мы страхуем у компании «Гранит» ряд объектов. А во-вторых, заканчивается срок страхового договора, я считал нужным обсудить наши дальнейшие взаимоотношения.

— Ну и как, обсудили? — спросил полковник.

— В каком смысле? — спросил в свою очередь Огородов.

— В смысле поговорили вообще или договорились о чем-то конкретном?

— Скорее, поговорили вообще...

— Но, может, были какие-то детали?

Директор задумался. Устремил глаза к потолку, вспоминая эти самые детали, после чего развел руками: дескать, ничего на память не приходит.

— А вы собирались пролонгировать договор с «Гранитом»?

Огородов оторвал взгляд от потолка, произнес сдержанно:

— Свое решение мы обязаны представить за месяц. Так что время еще было. Но учитывая давнее партнерство...

Этот разговор Валерию Леонидовичу не нравился. Мутный какой-то разговор. Он силился понять, что скрывается за этой мутью и как ему вести себя дальше, дабы четко пройти по тропочке, не оступившись и не наступив куда не следует. Впрочем, одно ощущал четко: не случайно его зазвали в спешном порядке и неспроста ковыряются в этих самых деталях.

— Ну вот что, Валерий Леонидович, давайте-ка начистоту. — Полковник поправил очки, словно прицелился, пальнул глазами сквозь стекла. — Мы знаем, что вы собирались расторгнуть договор с компанией «Гранит», о чем и сообщили Марадинскому...

— С чего вы взяли? — перебил Огородов.

— Более того, — проигнорировал вопрос Купревич. — Вы намеревались заключить договор с фирмой «Олимпия».

— Это вам Марадинский сказал? — Директор досадливо поморщился.

— Нет. Это нам сказал частный детектив, которого Марадинский нанял, чтобы тот выяснил причину вашего решения. Он же раскопал и вашу «Олимпию».

— Частный детектив?! — совершенно искренне изумился Огородов.

— Валерий Леонидович, — раздался вкрадчивый голос толстяка эксперта, который до этого момента тихо сидел в сторонке. — У Олега Романовича есть официальные показания частного детектива. Вам не следует таиться, поскольку у Олега Романовича нет в данный момент оснований подозревать лично вас в убийстве Эдуарда Борисовича...

— Меня подозревать в убийстве Марадинского?! Да вы с ума сошли! — возмутился Огородов.

— ...но есть основания предполагать, что ваше м-м-м... решение могло стать причиной. Поэтому хотелось бы получить от вас правдивые объяснения.

Валерий Леонидович посмотрел недоверчиво. Его решение могло стать причиной? Вот как? Этот момент он даже в дальних мыслях не держал.

— Хорошо, — сказал он. — Я действительно уведомил Эдуарда Борисовича, что аэропорт не намерен пролонгировать договор страхования. Уведомил пока только устно. В некотором смысле проявил особое уважение — предупредил заранее. Разумеется, он захотел выяснить причину. Вообще-то я не обязан был ничего объяснять. Более того, даже в официальной бумаге, которую мы должны направить «Граниту» за месяц, никакие наши объяснения не требуются. И ничего конкретно я объяснять Эдуарду Борисовичу не стал, ограничился общей информацией: принято решение сменить партнера, новый партнер аэропорту выгоднее.

— Ну и как Эдуард Борисович все это воспринял? — поинтересовался Купревич.

— Как-как? Естественно, без радости. Пытался выяснить всякие подробности, уговорить меня... даже слегка припугнуть... Дескать, порвав отношения с «Гранитом», аэропорт не найдет себе в городе приличного страховщика. И вообще это не лучшим способом скажется на репутации... аэропорта то есть. Хотя это просто смешно! Можно подумать, страховая компания — главный партнер аэропорта. И уж чья бы репутация могла пострадать, так это как раз «Гранита». И финансовые интересы, разумеется, тоже. Расстались мы без взаимных поклонов. И больше даже не созванивались. Но черт возьми! — со смесью досады и возмущения воскликнул директор. — Кто мог предположить, что почти через неделю Марадинского убьют, причем в аэропорту?!

Действительно, кто же мог предположить? Самому Валерию Леонидовичу даже в страшном сне такое не могло присниться. Смена партнера — обычная ситуация. А во что все выливается? Конечно, он не сказал Марадинскому про «Олимпию», еще чего не хватало! Да там и не все еще утрясено, хотя утрясется — никаких сомнений. Но с «Олимпией» нет ничего противозаконного и даже чего-то не по правилам — обычный рабочий процесс.

— А почему вы решили «Гранит» поменять на «Олимпию»? — спросил полковник.

— Я хорошо знаю эту компанию, несколько лет работал с ней еще в прежнем аэропорту. К тому же хорошо знаю ее главного владельца, а это очень важно. Полагаю, вам не надо объяснять ценность личных знакомств? — Огородов выдержал короткую паузу и продолжил: — Ко всему прочему, «Олимпия» давала хорошую скидку. Да, «Гранит» тоже давал скидку, но «Олимпия» — больше. Я как генеральный директор

имею все полномочия сам решать такие вопросы. Хотя меня поддержала замдиректора по экономике Екатерина Александровна Малафеева...

— Которая всевидящее око владельца? — сахарно уточнил толстяк эксперт.

Огородов вскипел — внутренне, конечно. Он не заблуждался и не обольщался, он все понимал и принял правила игры. И, пусть через силу, через преодоление собственного самолюбия, соглашался с тем, что ему, новичку, еще только предстоит завоевать настоящий авторитет и полное доверие. И он честно завоевывал. Малафеева ему, надо признать, не только не мешала, но и помогала. А этот тип, Казик, похожий на меховой мешок, кто такой есть — эксперт по чему?

— Да, Екатерина Александровна много лет проработала в «АвиаАльянсе». Но она исключительно грамотный специалист, — не дрогнув ни мускулом, ни голосом, произнес Валерий Леонидович.

— А можно поинтересоваться, — все с той же сахарной интонацией произнес Казик, — почему вы совершенно явно не хотели знакомить нас с деталями вашего общения с Эдуардом Борисовичем?

— Потому, что я считал, — Огородов всем корпусом развернулся в сторону «мехового мешка» и буквально вперился в него взглядом, — что детали нашего общения не имеют никакого отношения к правоохранительным органам. Это вопрос бизнеса, причем сугубо внутренний вопрос. Особенно пока он не оформлен в окончательное решение. Это во-первых. А во-вторых, я подозревал, что вы постараетесь это привязать к убийству Маринского. И, соответственно, ко мне. А мне подобные подозрения не просто оскорбительны... они для меня, директора, который работает всего пару месяцев, чреватые для репутации. Знаете, старое выражение: «Ложечки нашли, а осадочек остался»? Так вот совершенно не

факт, что вы ложечки найдете, а осадочек мне не оставите. Я удовлетворил ваш интерес?

— Всецело! — заверил Казик и посмотрел почти ласково, что Валерию Леонидовичу совершенно не понравилось: этот смешной мужичок явно был слишком не смешным. И даже, вероятно, опасным.

— И еще одна информация, только прошу о ней пока не распространяться, — заговорил полковник. — Кто-то попытался отравить начальницу VIP-зала Егорову.

— Попытался?.. Отравить?! В каком смысле?.. Она жива?! — Огородов посмотрел с изумлением.

— Жива-жива, — успокоил полковник. — В больнице Егорова.

— Так как же так?..

Вид у директора был, судя по всему, настолько растерянным, что опасный эксперт Казик вдруг замахал на него ладонями, словно веерами, и принялся не просто говорить, а почти уговаривать:

— Вы не беспокойтесь, Валерий Леонидович! Понятно, столько неприятностей для аэропорта... для вас как директора... Но с Ольгой Валерьевной, слава богу, все в порядке. Ей повезло несказанно. Ее вовремя обнаружили и доставили в больницу, поправится Ольга Валерьевна. И сейчас она под охраной...

— Под охраной? — Огородов посмотрел на Казика, на Купревича... — То есть вы считаете...

— Да, мы считаем, что Егорову пытались убить, — подтвердил догадку полковник. — И напали на нее на днях, судя по всему, не случайно.

— Напали?.. А-а-а... точно... — досадливо поморщился Огородов. — Мне начальник САБа говорил... у Егоровой электронный пропуск украли... Бессмысленная кража... Но думали, случайность... — Он вдруг насторожился. — А вы полагаете, не случайность?

— Возможно... — уклончиво ответил Купревич.

— Но зачем кому-то понадобилась Егорова? — Валерий Леонидович недоуменно пожал плечами и почти тут же насторожился. — В связи с Марадинским? — Он немного подумал. — А ведь никто не общался в аэропорту с Марадинским больше, чем Ольга Валерьевна. Марадинский постоянно летал и всегда через VIP-зал...

У Огородова как-то сразу все сложилось: вот же она, взаимосвязь! Непонятно какая, но она очевидно есть, что-то явно связывало начальницу VIP-зала с постоянным пассажиром, и теперь московскому следователю со всей его командой надо потянуть именно за эти ниточки...

В душе Валерий Леонидович ждал от полковника Купревича (эксперт его не слишком занимал) хотя бы маленькой благодарности, но тот снял очки, вынул из кармана салфетку, тщательно протер стекла и кивнул:

— Спасибо, Валерий Леонидович, что уделили нам время.

— Пожалуйста, — сухо ответил Огородов и вышел из комнаты.

У прежнего директора общая приемная была с замом по производству, у нынешнего — с замом по экономике.

Огородов намерился зайти к Малафеевой, но секретарша упредила:

— Екатерина Александровна уехала в город. А вам звонил Дергачев. Сюда, в приемную. Он сказал, что звонил вам на мобильный, но вы трубку не берете. А трубку вы никак не могли бы взять, вы ее в плаще, в кармане оставили. Я слышала звонки, но трубку не брала.

У секретарши, так же, как и помощник Георгий, доставшейся от прежнего директора, был бубнящий голос, и это раздражало. Огородов не раз думал, что следовало бы ее убрать, но понимал, что так же, как и помощ-

ника Георгия, убирать эту довольно нудную женщину не следует, по крайней мере пока. Она все и всех в аэропорту знала, все умела, была очень ответственной, исполнительской — в общем, образцовой.

— Я попыталась связаться по вашему поручению с Егоровой, звонила ей на мобильный, в кабинет, даже домой, — сообщила ответственная и исполнительная, — но в кабинете и дома никто не отвечает, а мобильный вне доступа сети. Я связалась со старшим администратором, сегодня дежурит Жанна Корнилова, но она ничего не знает про Егорову. Она тоже пыталась связаться, безрезультатно, и очень волнуется.

— Позвоните Корниловой и передайте, что сегодня вечерним рейсом прилетает губернатор. Ей надо быть на месте. Ольга Валерьевна в больнице.

У женщины расширились глаза и даже нижняя губа слегка отвисла, но директор больше ничего не сказал, и образцовая секретарша никаких лишних вопросов задавать не стала.

Огородов зашел в кабинет, плотно прикрыл дверь, набрал номер Дергачева.

— Вы меня искали, Сергей Геннадьевич? — Услышал голос начальника САБа и почти сразу перебил: — Я в курсе. Зайдите ко мне.

ГЛАВА 23

— Ну, что скажите? — спросил Купревич.

Казик непроизвольно зевнул и тут же смутился. Неловко как-то получилось. Конечно, он мало спал, из больницы вчера вернулся поздно, однако сам полковник отправился после больницы на квартиру Егоровой и явно там пробыл не пятнадцать минут. А уже в восемь утра разбудил Аркадия Михайловича со словами, что собирается вызвать к себе Огородова, как только тот

приедет на работу. Причем намерен сделать это через секретаршу директора. На вопрос: «Почему не позвонить на мобильник?» последовал весьма странный ответ: «А чтобы сбить с толку». По мнению Казика, это было как-то несерьезно. Ни с какого толку Огородов не сбился, хотя сам разговор был ему явно неприятен. Оно и понятно. Генеральный директор совершенно не собирался посвящать посторонних в свои бизнес-планы.

— Я скажу, что Валерий Леонидович, на мой взгляд, так привязан к страховщикам из «Олимпии» не просто из-за давней деловой дружбы, но и за какой-нибудь процент, который имеет с этой самой дружбы. Но нас ведь это не интересует?

— Нисколько, — подтвердил полковник.

— Зато новый генеральный директор явно хочет предстать перед своим начальством во всей красе, что вполне понятно, но совсем не хочет привлекать подозрительного внимания к «Олимпии», а потому случившееся с Борисом Эдуардовичем буквально через неделю после того, как ему дали от ворот поворот, для Валерия Леонидовича — большая неприятность.

— Ну, Огородова в причастности к этому убийству никто и не подозревает. Другое дело — мог ли разрыв отношений между «Гранитом» и аэропортом стать причиной преступления? Странно как-то... — задумчиво произнес Купревич.

— Я, Олег Романович, в бизнесе, конечно, мало понимаю, — заметил Казик. — Но в психологии кое-что смыслю, и с этой точки зрения все, что предпринял Марадинский, — это поведение очень напуганного человека. А испугаться он, судя по всему, мог только своего тестя — Алексея Владимировича Безменцева. Но тот, опять же судя по всему, никак не мог узнать ни о проблемах с аэропортом, ни о любовных свиданиях зятя в Петербурге, где Марадинского чуть не застукал при-

ятель тестя, поскольку путешествовал в глубинах Латинской Америки практически без связи.

— А почему мы так уверены, что без связи? В конце концов, плохая связь — еще не означает ее полное отсутствие. И о переговорах Марадинского с Огородовым, о которых якобы была в курсе только Малафеева и немного частный детектив, мог узнать кто-нибудь еще... В любом случае необходимо побеседовать с Безменцевым. Сегодня похороны, он прилетел в Губернск, я с утра с ним договорился встретиться после поминок.

— И как он к этому отнесся? — поинтересовался Казик, которого в душе несколько смутило объединение похорон с допросом.

— Нормально он к этому отнесся. С пониманием. Я бы даже сказал: по-деловому. Полагаю, вы захотите поприсутствовать при нашей беседе, — не спросил, а, скорее, констатировал полковник.

— Всенепременно.

— И к Ольге Валерьевне поедете тоже.

— Конечно.

Еще до встречи с Огородовым Купревич сообщил: врачи проинформировали, что угрозы для жизни пациентки Егоровой нет, она переведена в отдельную палату, в данный момент спит, но после обеда с ней можно будет побеседовать.

А если бы она не пригласила на ужин Дергачева и Кондакову и те ее вовремя не обнаружили?... А если бы в темном садике вовремя не появился сосед с собакой?..

Случайность... Счастливое стечение обстоятельств... А вот то, что на Егорову дважды покушались, — совсем не случайность, а пока совершенно непонятная закономерность.

— Кстати, — неожиданно сказал Купревич, — я еще не завтракал. А вы?

— Я тоже, — вздохнул Аркадий Михайлович, который успел второпях выпить в номере чашку растворимого кофе и съесть пару печенюшек. Но разве это полноценная еда?

— Тогда давайте спустимся в кафе.

В зале почти не было народа, и они сели за столик в дальнем углу. Из-за приоткрытой двери в служебные помещения тут же выглянула какая-то женщина, а к ним подбежала официантка — у обеих на лицах читалось тщательно скрываемое, но плохо скрытое любопытство. Купревича они уже видели не раз, Казика — впервые, и этот со стороны явно забавный тандем (высокий, подтянутый, строгий полковник и невысокий толстенький, смешной дяденька) вызывали интерес.

Аркадий Михайлович заказал себе омлет, категорически запрещенные сестрой Софочкой сосиски с жареной картошкой, кофе и два пирожных. А Купревич — овсяную кашу на молоке и чай с булочкой. Официантка, принимая заказ, поджала губы, явно сглатывая смех.

— Для моей сестры Софочки вы, Олег Романович, были бы образцом, — вместо официантки хихикнул Казик. — Разве что булочку она бы не одобрила. Но исключительно применительно ко мне. Потому что вы стройный, а я... — Аркадий Михайлович похлопал себя по животу, — вечный источник страданий. Софочка постоянно пытается меня похудеть, а я постоянно пытаюсь съесть что-нибудь вкусненькое, запрещенное и в нормальном количестве.

— Просто я обычно легко завтракаю, но... плотно ужинаю, — усмехнулся Купревич.

— А я и завтракать, и обедать, и ужинать стараюсь плотно, правда, приходится проявлять просто чудеса изобретательности и изворотливости, — признался Казик.

— Хитрец, шельмец и авантюрист? — вновь усмехнулся Купревич.

— Так меня называет Борис Борисович Орехов...

— Да, именно так, — подтвердил полковник. — А кстати, могу я вам задать вопрос? — И, не дожидаясь согласия, продолжил: — Почему вас тянет во все эти истории? Я имею в виду криминальные... Надеюсь, я вас не обидел?

— Нисколько, — заверил Аркадий Михайлович. — И вам же Борис Борисович объяснил, что я авантюрист.

— Ну уж нет! Этого мало. — Полковник покачал головой. — Человек может очень любить море, но если он всю жизнь живет в пустыне, в морской воде ему не плескаться. А вы, человек такой... душевной... профессии, регулярно оказываетесь рядом с преступлениями. Прямо как в детективных романах. Хотя в реальности, если встретить такого человека, то именно он должен вызывать самые большие подозрения. Особенно, если он постоянно лезет в расследования.

— Вероятно, вы правы. Однако в детективных романах сыщик-любитель обычно конфликтует с доблестными представителями правоохранительных органов, по крайней мере поначалу, суется поперек батьки в пекло и всячески демонстрирует, что он самый умный. А я? Ни у кого не путаюсь под ногами, никому ничего не демонстрирую, ни с кем не конфликтую и, тем паче, не пытаюсь самостоятельно обезвредить преступника. Ну куда мне до подобных доблестей? Я всего лишь оказываюсь рядом, наблюдаю, беседую, думаю, высказываю свое мнение... Не более того. Да, я люблю разгадывать загадки, я вообще любопытен, у меня длинный нос, — Аркадий Михайлович постучал пальцем по своему мощному носу, — но иногда я бываю полезен...

— Вполне верю, — согласился полковник.

Уже на выходе из кафе Казик притормозил около стойки бара, прикинув, не прихватить ли ему с собой еще пару-тройку пирожных, решил, что, пожалуй, надо бы, но ничего купить не успел, потому как у Купревича зазвонил телефон

— Здравствуйте еще раз, Алексей Владимирович. Н-да? — с некоторым удивлением произнес полковник. — Ну что ж, не возражаю. Сейчас я поднимусь в кабинет и с вами свяжусь. — После чего скомандовал Казику, который, примерившись к пирожным, успел достать портмоне: — С пирожными придется подождать. Безменцев звонил, предлагает переговорить сейчас по видеосвязи.

— Интересно, чего вдруг он решил не дожидаться похорон? — озадачился Казик.

— Хорошо, что мы можем поговорить сейчас, Олег Романович. До похорон есть время, я в кабинете один, а потом поминки... в общем, не хочу потом дочку одну оставлять. Она держалась, а сегодня вот расклеилась... Но если вам понадобится что-то запротоколировать... подписать... я найду вечером время к вам подъехать.

Это был мужчина лет семидесяти, с массивным лицом, достаточно густой, совершенно седой шевелюрой — чисто внешне из категорий тех, про кого говорят: крепкий, как дуб. Он смотрел прямо в экран монитора твердым взглядом уверенного человека.

— Как вы относились к своему зятю? — спросил Купревич.

— Хорошо. Эдуард был хорошим работником, хорошим семьянином и хорошим отцом, — последовал спокойный ответ. — И если у вас есть хоть малейшее подозрение, что я причастен к его смерти, то напрасно.

— Мы проверяем все версии.

— Я понимаю.

— И мы не считаем, будто вы лично...

— Мог прирезать Эдуарда? — перебил Безменцев. — Ну, разумеется, не считаете. В это время я был в Латинской Америке, и это легко проверить. — Он вдруг досадливо поморщился. — С юности хотел побывать в Латинской Америке. Не на Бразильском карнавале, не в какой-нибудь Акапульке, а в самых, что называется, диких местах. Вот чтобы проехать-пройти с севера на юг. Ясное дело, в молодости какие там особые границы? А когда границы открылись, не было денег. А когда деньги появились, не стало времени... Потому что неделкой не обойдешься, надо месяц-полтора... И вот наконец смог себе позволить... И все равно до конца не получилось — я собирался вернуться только через десять дней.

— Мы бы так не считали, даже если бы вы ни в какую Латинскую Америку не ездили и вовсе у своей дочери в гостях сидели...

— Конечно, — вновь перебил Безменцев. — На такое дерзкое убийство способен только высокопрофессиональный киллер. Но я никакого киллера не нанимал. Зачем мне это?

— Это могло понадобиться кому-то другому.

— Зачем? — повторил Безменцев и получил встречный вопрос:

— У вас были проблемы с вашим зятем в последнее время? Деловые? Личные? Пусть даже не очень принципиальные...

Алексей Владимирович задумался. Причем (как отметил Казик) выражение лица у него стало такое, будто он не события жизни вспоминает, а прибыли-убытки подсчитывает.

— Пожалуй, две ситуации случились. Первая — в январе. Перед самым Новым годом Эдуард принял на работу компьютерщика, системным администратором.

А тот парень попытался не просто во всю региональную базу залезть, но и в централизованную. Прежде всего его интересовали клиентские и финансовые дела. Причем воспользовался рождественскими каникулами. Решил, что у нас все отдыхают. А у нас те, кому надо, всегда на страже — быстро отловили и пресекли. Я тогда Эдуарду хорошую взбучку устроил. Потому что у нас четкие правила, в том числе для региональных представительств. На определенные должности людей принимают только после проверки нашей службой безопасности. Сисадмины как раз из этой категории. Всякие хакеры нам не нужны — слишком опасны. А Эдуард инструкцию нарушил. Видите ли, у него сисадмин срочно уволился, опять-таки срочно понадобился новый, а предновогодние дни напряженные... Но я сказал, что меня его оправдания не устраивают.

— И никаких больше последствий? — уточнил Купревич.

— Другого бы выгнал! — отрезал Безменцев. — Но это все-таки зять. Поэтому ограничился жесткими словами.

— А вторая ситуация?

— Это случилось три месяца назад. По вине Эдуарда мы потеряли очень крупного клиента. Серьезный завод из соседнего региона, у нас там нет филиала, здешний работал. И работал четыре года. Так вот завод попросил скидку в пять процентов. Тоже для нас, конечно, приличные деньги, но по сравнению с общей суммой, которая мимо нас проплыла... — На лице главы компании «Гранит» отразилась явная досада. — Эдуард же решил, что клиент плотно на него завязан, и по скидке уперся. А еще решил, что для начала просто поторгует. Круть сдуру проявил. Ну а завод торговаться не стал, один раз попросил, а второго разговора не было — с другим страховщиком связался. Тогда я Эдуарду сказал, де-

скать, два таких прокола менее, чем за год, причем его личных прокола... В общем, не посмотрю, что он мне зять, серьезные оргвыводы сделаю.

— А что бы вы сделали, если бы узнали, что Губернский аэропорт, который тоже ваш давний партнер, намерен поменять «Гранит» на другого страховщика?

Безменцев неожиданно рассмеялся — эдаким снисходительным смехом:

— На «Олимпию», что ли?

— Вы знали? — не скрыл удивления Купревич.

— Узнал в день отъезда в Латинскую Америку.

— И от кого?

— От директора «Олимпии» Старкова. Представьте себе. Мы давно друг с другом общаемся и, более того, — партнерствуем. Он мне и сообщил, что аэропортовский начальник, который с «Олимпией» не первый год работает, хочет нас на нее поменять. А я, представьте себе, не возражал. Во-первых, потому, что я не очень хочу иметь дело с новыми владельцами, «Авиа-Альянсом», у меня со структурой, в которую он входит, был не очень хороший опыт. А во-вторых, «Олимпия», по своим причинам, переуступила мне другой, не менее выгодный договор.

— Марадинскому вы об этом не сказали?

— Нет. Я вообще никому об этом не говорил. Хотел посмотреть, как Эдуард будет выкручиваться.

— Так вот Эдуард Борисович узнал, что аэропорт не собирается пролонгировать договор с «Гранитом», за неделю до своей смерти. И действительно попытался выкрутиться. Даже частного детектива нанял, чтобы тот... образно выражаясь, нашел информацию, с помощью которой можно было бы заставить директора аэропорта изменить свое решение.

— Частного детектива? — поразился Безменцев. — Я недооценил Эдуарда... Не ожидал от него такого...

— А вы могли бы ожидать, что Марадинский вдруг заведет себе любовницу?

Безменцев посуровел, въедливо уставился на полковника.

— Есть основания?

— Нет, — быстро сориентировался Купревич. — Просто всегда найдутся какие-нибудь злобные сплетники, особенно если учесть... В общем, мы в курсе, что в свое время ваша дочь разводилась с Эдуардом Борисовичем именно из-за его измены.

Алексей Владимирович потер лоб, покачал головой, произнес задумчиво:

— После того случая Эдуард ни разу не дал повода. Но если бы я о чем-то узнал... Я бы затащил его в свой кабинет, запер дверь и так тряхнул, чтобы из него всякая дурь вон вылетела. Но... — он вздохнул, — дочке бы словом не обмолвился. Сейчас — это вам не тогда. Сейчас Эмме к пятидесяти ближе, чем к сорока, у нее двое детей, налаженная жизнь, и портить эту жизнь я никогда не стал бы.

Попрощавшись с Безменцевым, Купревич спросил:

— Ваше мнение, Аркадий Михайлович?

— Мое мнение, — развел руками Казик, — что Алексей Владимирович был достаточно правдив. А Эдуард Борисович слишком боялся своего тестя. Хотя в данном случае совершенно напрасно. А если учесть, что вы, Олег Романович, и ваши коллеги выяснили все возможное и невозможное о жизни Эдуарда Борисовича и не нашли ни малейшей зацепочки, то тогда мы приходим к выводу, что смерть Эдуарда Борисовича никому не была нужна. Вот и получается, что Марадинский — случайная жертва.

— И при этом Безменцев прав: такое дерзкое преступление по силам лишь профессиональному киллеру. Причем преступление, заранее хорошо спланированное

и организованное. Нож, который каким-то образом удалось пронести через серьезный контроль, а мы не смогли найти бреши в этом контроле, — вот ключевой момент.

— И тогда, Олег Романович, самой реальной становится версия, что личность жертвы не имеет значения. Главное — убийство должно было произойти именно в аэропорту.

ГЛАВА 24

— Да, меня проинформировал полковник Купревич. Но, слава богу, Ольга Валерьевна жива и будет здорова. Хотя это просто напасть какая-то!

Огородов напряженно сдерживал ярость и, как показалось Дергачеву, растерянность. Сергей его понимал. Нечто похожее он испытал и сам, когда выяснилось, что Егорову отравили. Разница была лишь в том, что Сергей испугался за Ольгу, а Огородов — скорее, из-за самой ситуации. Убийство... покушение на убийство... и все в течение одной недели... Новому директору никак нельзя было позавидовать. Впрочем, чувства начальника Дергачева не слишком волновали — для волнения имелись куда более серьезные поводы.

Огородова интересовали подробности. Дергачев ограничился лишь неким четко очерченным набором информации, полностью следуя указаниям полковника: озвучивать можно лишь общие сведения, но никому никаких деталей. Особенно он это подчеркнул, адресуясь Кондаковой, на что та вскипела (дескать, сроду не имела привычки трепать языком) и весьма резко прошла по всей правоохранительной системе.

Свое появление в доме Егоровой (не по указанию, а по собственному решению) Сергей объяснил достаточно туманно, сославшись на звонок растревоженной Нины Григорьевны, которая условилась о совместном

ужине, но не смогла дозвониться-достучаться соседке. Однако эти детали Огородова как раз мало занимали — его интересовало, что предпринимают следователи и полицейские.

— Работают, — еще более туманно пояснил Дергачев.

— Работают! — зло процедил директор. — Уже почти неделю аэропорт трясут, а ничего нового...

«Если не считать нового преступления — попытки убить Егорову», — подумал Сергей. Он нисколько не сомневался, что реальное убийство и попытка убийства связаны между собой. Не бывает в обычной жизни таких совпадений.

Только как все странно...

Марадинского убили ножом в аэропорту. Егорову попытались убить, по сути, в собственном доме: сначала, не исключено, задушить в садике по соседству, а затем отравить в квартире. Дергачев пусть недолго, однако успел поработать в полиции, и понимал: слишком разный почерк. Или эта разность — намеренна? Или кто-то воспользовался убийством Марадинского, чтобы расправиться с Егоровой? Значит, этот «кто-то» хорошо знает Ольгу, был в курсе, когда в тот понедельник она уедет с работы, где она живет и, более того, имел возможность проникнуть в ее жилище?..

Ночью Сергей довез Казика до гостиницы и вернулся в квартиру Ольги. Дверь была нараспашку, в обеих комнатах, на кухне и в прихожей горел свет. На лестничной площадке, приткнувшись к косяку, стояла Кондакова — со скрещенными на груди (словно мечами) руками и яростью в глазах.

— Вон, кучу народа нагнали, везде лазают, всякие следы ищут, сам главный начальник пожаловал, — процедила она, — а когда Ольгу чуть не пришибли во дворе, всем было по фиг.

Дергачев хотел напомнить, что вообще-то Ольга сама отказалась обращаться в полицию, но промолчал. Зачем? Опять же хоть что-то сделали — сумку с кровавым пятном на экспертизу взяли. Правда, не слишком-то с экспертизой торопились, ну так считали, особого повода нет. Сейчас вот появился.

В гостиной и на кухне, которые просматривались с лестничной площадки, что-то делали несколько человек. Мужчина в белых перчатках разговаривал с Купревичем, перед ним на кухонном столе лежали полиэтиленовые мешки с уткой, картошкой, овощами, еще какой-то снедью, а также пакетом с грейпфрутовым соком и пустым бокалом с желтовато-розоватыми разводами.

Сергей сделал шаг в квартиру, но тут же путь ему преградил полицейский.

— Не положено.

— А, Сергей Геннадьевич! — обернулся Купревич и махнул рукой бдительному стражу, дескать, свои. — Идите сюда.

В прихожей, прямо под вешалкой, на табуреточках (Сергей машинально подумал, что явно принесенных с собой) сидели два старичка.

— Мы поняты, — поспешно заверили они Сергея.

— Очень приятно, — брякнул он совершенно некстати.

— Вот, — сказал из кухни Купревич, — именно Петр Васильевич и выгуливал свою собаку в саду, когда напали на Егорову.

— А я ж даже не понял, что на Олечку напали! — принялся оправдываться дедок. — Вот ведь Тоби наш выскочил, а когда я подросел, Олечка вроде как уже упавшая была. Но я ведь думал, просто споткнулась.

— А наш Тоби не брехливый! Он зазря не лает, — с некой гордостью произнесла бабулька. — А тут Петя

сказал, что прямо таки зашелся от лая. Тоби наш плохих людей чует.

«Значит, нападение в саду уже не считают случайным, и старика расспросили-допросили», — понял Дергачев.

— Только ни к чему не прикасайтесь, — предупредил мужчина в белых перчатках, совершенно очевидно, эксперт.

— Вы наверняка найдете мои отпечатки, — предупредил в свою очередь Сергей. — И здесь, на кухне, когда с Ниной Григорьевной я нашел Ольгу Валерьевну, и в комнате, но более старые. Я был у Ольги Валерьевны в тот вечер, когда на нее напали.

— У вас отпечатки возьмут. У Кондаковой уже взяли, — сообщил Купревич. — А вы вот постарайтесь вспомнить: кроме вон той еды — полковник кивнул на пакеты, — что-нибудь было? Из того, что можно съесть-выпить?

— Где в принципе что было, я не заметил, — признался начальник САБа, которому по службе полагалось на все обращать внимание, однако тогда его волновала только недвижимая Егорова и ничего больше. — Но... Вот это точно! На столе стояла упаковка сока и бокал. В бокале сок еще не засох. Значит, она его пила.

Да, вот это он заметил. Совершенно машинально. Все-таки профессиональная привычка сработала.

— Я сейчас позову следователя, она возьмет у вас показания. Причем интересуется все, начиная с того вечера, когда на Егорову напали, — уточнил полковник и крикнул: — Наталья Петровна, идите сюда!

На пороге кухни появилась женщина средних лет.

— Здравсьте. — У нее был громкий, подчеркнуто строгий голос. — Надо только место найти. Кондакову я у нее дома допрашивала. Но она, наверное, уже спать ушла.

— У нас можно. У нас вон и дверь открыта. И Тоби у нас не кусается, — встрял сосед Петр Васильевич. — Да и мы спать никак не собираемся, у нас часто бессонница.

— Поэтому мы-то в понятия совершенно спокойно пошли. А другим-то утром на работу, — поддержала старика жена. — И Ниночке тоже утром на работу, так что пусть поспит.

— Я не сплю. Я здесь, — выдвинулась с лестничной площадки Кондакова.

Полицейский страж тут же преградил ей дорогу.

— Отстань! — огрызнулась Нина Григорьевна и скомандовала: — Идемте ко мне.

Она обитала точно в такой же двухкомнатной квартире, как у Егоровой, даже обстановка была похожей. Кто там рассказывал: Нина Григорьевна снимала квартиру у Ольги Валерьевны, а потом Ольга Валерьевна развелась с мужем, и Нине Григорьевне пришлось съехать, но ей повезло, она сняла такую же этажом выше?.. Егорова и Кондакова подружились на почве жилья, а потом продолжили дружить на почве соседства. Какое это сейчас имело значение? Дергачев решил, что никакого.

— Вы в комнате разговоры разговаривайте, а я сейчас кофе с чаем заварю и бутерброды сделаю, — сказала Кондакова.

— Спасибо, мне не надо, — сухо отказалась следовательша.

— Надо — не надо, ваше дело! — отрезала Нина Григорьевна. — А мы с Сергеем Геннадьевичем не ужинали.

Надо — не надо, а на чашку кофе следовательша все-таки согласилась. А потом и на бутерброды — аж три штуки. И вроде бы даже помягчела. По крайней мере, ее подчеркнуто строгий тон сменился на вполне

нормальный, куда лучше пригодный для беседы. Кондакова им не мешала — сидела на кухне.

— А что вы, Сергей Геннадьевич, все-таки думаете про Егорову? — задала вопрос следователь Наталья Петровна, и Дергачев смутился. Внутренне, конечно, так-то даже бровью не дрогнул.

Да неделю назад он о ней вообще не думал. Вежливая, спокойная женщина, внешне приятная, но не такая, чтобы взгляд зацепить. А в последние дня полтора он думал о ней постоянно — даже тогда, когда и повода не возникало. Вот просто стояла перед глазами, и голос ее звучал, и Сергея это неотступное присутствие вовсе не раздражало, а совсем наоборот — он сам ее не отпускал.

Почему?..

Похоже, если смущение ему удалось оставить внутри, то забродившие мысли вылезли наружу, поскольку Наталья Петровна спросила:

— Вам что-то вспомнилось? Что-то связанное с Егоровой?

Вспомнилось? Да нет, у него в голове было совсем другое, чему он объяснения пока не находил — лишь слегка удивлялся. Но следовательша была права — что-то в памяти всплывало. Однако это «всплывающее» не имело никаких четких очертаний. Даже не облачко — тень от облачка.

— Я пытаюсь сформулировать ответ на ваш вопрос. Я думаю, Егорова профессиональный работник и очень приличная женщина. Я понятия не имею, зачем уже дважды — а нападение в саду, полагаю, уже нельзя признать случайностью, — кому-то понадобилось покушаться на ее жизнь. Но я работаю в аэропорту всего лишь пару месяцев... Вам лучше пообщаться с Ниной Григорьевной, они были подругами.

— Уже пообщалась, — Наталья Петровна выразительно хмыкнула. — Яростная женщина!

- Она у нас клининговой службой руководит.
- У меня записано. Представляю, как она своих подчиненных метлой гоняет.
- Зато в аэропорту всегда порядок и чистота, — воздал должное Дергачев.
- Ну-ну... — вновь хмыкнула следовательша. — Человека у вас в аэропорту убили рядом с действительно чистым унитазом.

До своей квартиры Сергею было два шага, но он поехал на работу. Не мог оставаться дома, просто никак. Старший дежурный САБа при виде его очень удивился, однако вопросы задавать не стал. Дергачев поднялся на второй этаж, зашел в кабинет, рухнул на узкий топчан и тут же заснул. Снились ему облака — они медленно плыли по ярко-синему небу, превращаясь в бледные тени.

Проснулся он в семь утра. Спал всего-ничего, а чувствовал себя совершенно бодрым. И — голодным. Сходил в соседнее здание в столовую и плотно позавтракал. В восемь утра провел внутреннюю планерку. В девять началась общая планерка, Сергей обратил внимание, что клавиши с надписью «Огородов» и «Малафеева», которые всегда загорались, когда директор и его зам подключались к селекторному совещанию, на сей раз были выключены.

После селекторного совещания Дергачев позвонил Казiku, но тот не ответил. Набрал номер отеля и узнал: Казик спешно исчез, причем даже на завтрак не спустился. Позвонил Огородову, однако и он трубку не взял. Набрал номер приемной, секретарша сказала, что Валерий Леонидович куда-то ушел, но без верхней одежды, его плащ в кабинете, а в плаще мобильник, потому как трезвонит. Ну а потом Огородов сам объявился, и он уже все знал от полковника Купревича. Однако знал без под-

робностей, и вызванный в кабинет начальник САБа тоже особой ясности не внес. В полном соответствии с инструкциями, которые полковник дал на прощание, — относительно всех, в том числе и директора.

Покинув директорский кабинет, Дергачев буквально столкнулся в приемной с Малафеевой. Она явно откуда-то приехала (легкое пальто нараспашку, изящная сумочка на плече, большой портфель в руке) и вид имела весьма озабоченный.

— Здравствуйте, — проявил вежливость Дергачев.

— Здравствуйте, — машинально отреагировала Малафеева и устремилась в свой кабинет.

— Екатерина Александровна, вас хотел видеть Валерий Леонидович! — воззвала к исчезающей за дверью спине секретарша.

Ответом ей был лишь кивок головой.

— Как-то нервно сегодня день начинается, — озадаченно пробормотала секретарша.

Сергей вышел в коридор и вновь позвонил Казику. И снова в ответ — тишина. И тут он сам занервничал.

Куда так срочно исчез Казик?

Как там Ольга, которой сейчас явно плохо, хотя врачи и сказали, что будет жить, поскольку ее вовремя в больницу привезли?

И что будет, если Ольге начнут звонить родители, но не дозвонятся, потому как телефон у нее изъяли полицейские, да и не смогла бы она по нему ответить? Ведь изведутся же! Сергей только один раз видел этих родителей, но нисколько не сомневался: перепугаются и совершенно изведутся! Он представил, что вот так вдруг внезапно «исчезла» бы его собственная дочь, которая только вчера его обрадовала перспективой стать дедушкой, и буквально бегом ринулся на второй этаж — в конференц-зал, оккупированный московской бригадой.

Однако дверь в комнату, где сидел полковник, ему преградил молодой человек со словами:

— Туда нельзя, идет совещание.

— А Казик, такой круглый, вихрастый... эксперт ваш, там?

— Там, — очень серьезно ответил молодой человек, все же усмехнувшись одними глазами.

И Сергей, подтянув себе из угла ближайший стул, сел ждать.

ГЛАВА 25

— ...Да, Аркадий Михайлович, судя по всему, Марадинский, как говорят в подобных случаях, просто оказался не в то время не в том месте, — предположил полковник Купревич. — Мы пробили все, что с ним связано, начиная с момента, когда он появился на этот свет, и не нашли ничего существенного, чтобы его отправить на тот свет. А потому встает вопрос: почему убили в аэропорту?

— И напрашивается, Олег Романович, очевидный ответ: потому, что надо было подставить именно аэропорт, — сделал вывод Казик.

— Аэропорт — это всего лишь место для взлета-посадки самолетов, — заметил Купревич. — Как работа изменится? Тем более, что это не московский аэропорт, ему в Губернске конкурентов нет.

— Но есть люди... которые связаны с аэропортом, и подставить захотели их. И вряд ли это уборщица, сотрудник САБа или даже дежурная в VIP-зале.

— Да, пожалуй, — кивнул полковник. — Так замахать можно только на самых главных. Но... это мы ведь тоже рассматривали, правда, несколько по остаточному принципу, на Марадинском сосредоточились, однако все равно ничего любопытного не вырисовывалось. Ну а кто

самый главный? Конечно, новый директор. Но у него есть смягчающее обстоятельство — именно то, что он новый. Опять же, если таким образом кто-то решил спихнуть с кресла Огородова, то слишком глупо. Кого в кресло вместо него посадят, будет решать «АвиаАльянс», и не факт, что это будет человек, который нужен.

— А если, извините, напакостить хотели именно «АвиаАльянсу»?

— Бросьте! — отмахнулся Купревич. — «АвиаАльянс» — мощная компания. Для нее подобный удар по аэропорту в Губернске... все равно, что у главы этой компании рукав пиджака оторвать. Пиджак, конечно, жалко, однако пиджак отнюдь не последний.

— А может, директорское кресло нужно Малафеевой? — предположил Казик.

— Зачем? Мы навели о ней справки. У нее очень прочные позиции в «АвиаАльянсе», и она хочет в Москву вернуться, где, кстати, ее семья. Думаю, ее сюда откомандировали временно, так сказать, за Огородовым присмотреть. Не нужен ей здешний аэропорт.

— Есть еще человек, которому кресло директора не нужно, но который сам может оказаться ненужным в собственном кресле. Я имею в виду Юрия Александровича Лавронина. Опять же, вот ведь на кого пальцем показывать, так это на него. Лавронин все-таки главный по безопасности.

— Это правда, — согласился Купревич. — Но с чего вдруг? Он здесь давно работает, вес имеет огромный, связи широчайшие, Огородов за него обеими руками держится. Кому могло понадобиться его подставлять? Ну не Дергачеву же?..

Тут полковник совершенно явственно задумался. Получалось, если нацелились на Лавронина, то нацелиться мог только Дергачев. Ну а кто еще, ведь столько лет Лавронин всех устраивал?

— Я не думаю, что это Дергачев, — покачал головой Казик.

— Потому, что он — человек Лавронины? — хмыкнул полковник.

— Нет. Потому, что убийство Марадинского и покушение на Егорову — это связанные вещи. Я в этом глубоко убежден. И вы, Олег Романович, думаю, тоже.

— Есть основания так считать, — несколько туманно заметил Купревич.

— Дергачев никак не мог бы организовать покушение на Егорову.

— Почему? — Прозвучало это с искренним удивлением.

— Потому, что он либо величайший артист, либо он слишком сильно обеспокоен ситуацией с Егоровой. Ну это же видно, — с неким укором произнес Аркадий Михайлович. — И вообще как-то нелогично. Именно Дергачев заволновался, отчего Егорова не реагирует на звонки, спешно поехал к ней домой, принялся ее спасать... А зачем, если хотел ее смерти?

— Может, он и не стал бы суесться, если бы не Кондакова...

— А Кондакова особо и не волновалась. Ждала, когда Егорова ее позовет спуститься на ужин. Могла бы и дальше ждать. Да мало ли что могла? Но ведь врач сказал: очень вовремя привезли. А это только благодаря Дергачеву. И сумку Егоровой с пятном крови кто принес? Дергачев. А ведь мог и не приносить, Егорова в полицию обращаться не собиралась. И вообще, вы же мне досье давали, — Казик постучал пальцем по крышке закрытого ноутбука, — нет никаких оснований подозревать Сергея Геннадьевича в большой гадости против Юрия Александровича. Напротив, у них самые тесные отношения и никаких поводов для конфликтов.

— Есть еще один момент, — задумчиво произнес Купревич. — Чисто технически Дергачев мог бы отравить Егорову, но он никак не мог убить Марадинского. Его просто не было в терминале. Как и Лавронина. И, я думаю, прав Безменцев: это дело киллера. Однако как Дергачев, который в городе без году неделя, киллера смог найти так быстро? Киллер — это ведь не носки, в магазине не купишь. Кто из начальников мог добыть киллера? По идее, только все и всех знающий Лавронин. А без идеи — зачем? Чтобы самому себе в борщ нагадить?..

И в этот момент раздался звонок мобильного телефона.

— Слушаю, — отозвался полковник и стал слушать, периодически поднимая то одну бровь, то другую. — На словах понятно, позже пришлете письменный отчет. И пусть там поторопятся... Вот именно... Да, жду. — Отключил телефон, внимательно посмотрел на Казика: — Значит, так. Снотворное и яд добавили в уже открытую упаковку с соком. Судя по засохшим остаткам на внутренней стороне упаковки, сока осталось примерно на один стакан. Вот этот стакан Егорова и выпила, опять-таки судя по остаткам сока на стенках. И упаковка, и стакан на столе стояли.

— И там, разумеется, не было посторонних отпечатков пальцев, — нисколько не усомнился Казик.

— Разумеется. Только самой Егоровой. Но со стаканом понятно, Егорова взяла чистый, потому только ее пальцы. А на упаковке — тоже только ее. Хотя должна быть куча отпечатков. Пока упаковка до Егоровой дошла, ее ведь должны были в руках разные люди держать. Получается, преступник предварительно упаковку вымыл. Но это сразу вызывает подозрения. И опять же, зачем? Преступник же не идиот, он явно в перчатках орудовал.

— А он, думаю, ничего не мыл. Сама Ольга Валерьевна вымыла. Вот купила в магазине, домой принесла и, прежде чем в холодильник поставить, вымыла. Моя сестра Софочка всегда так делает. Все банки, коробки и прочее, что можно вымыть, сначала моет, а потом — в холодильник. А если вымыть нельзя, в чистые пакеты складывает. Софочка считает, это гигиенично, потому как мало ли кто какими руками хватался.

Аркадий Михайлович улыбнулся с эдаким легким смущением, дескать, уж извините, что я вам, профессионалу, весьма очевидные вещи рассказываю, да еще вроде как гигиене учу.

Купревич, однако, отреагировал с явным интересом.

— А вы, вероятно, правы, мне почему-то в голову не пришло... И кстати, ваша сестра очень даже разумно поступает. — Помолчал несколько секунд и продолжил: — От найденных в квартире отпечатков пальцев нам толку будет явно мало, преступник не идиот. Хотя эксперты продолжают разбираться. Важнее совсем другое. Снотворное в сок подмешали от души, недаром Егорову резко сморило. Причем сок удобный — грейпфрутовый, у него же горьковатый вкус, так что никакого особого привкуса Егорова и не почувствовала. А яд безвкусный, эксперт сказал название, длинное, я не запомнил, но он потом в отчете придет. Так вот яд хитрый. Из категории тех, что быстро из организма выводятся. Он должен был подействовать часа через два-три, когда Егорова спала бы крепким сном. И если бы ее хватились где-то днем, то неизвестно, какие остатки бы нашли. По всем признакам она бы просто умерла от остановки сердца. Вроде как естественным образом. Странно, конечно, для молодой женщины, но бывает, не очень-то диво дивное. А снотворное в организме наверняка бы обнаружили. Но тоже не диво дивное. Мало ли людей, в том числе молодых, снотворное принимают? При этом

в дозировках путаются? Вполне можно было бы посчитать смерть достаточно естественной. Правда, упаковку со снотворным мы не нашли.

— Какой кошмар... — пробормотал Аркадий Михайлович и вдруг встрепенулся: — Что значит — смерть могли посчитать достаточно естественной? Ну вы представьте: Ольгу Валерьевну находят на кухне, где она лежит лицом на столе, а рядом сок, а на плите утка с картошкой, а в комнате накрыто для гостей... а в крови остатки снотворного. И кто бы поверил, что она сама взяла и снотворного напилась?

— При такой картине — никто, — подтвердил полковник. — Но я думаю, был другой план. Преступник ведь не знал, что Ольга Валерьевна соберет гостей. Он рассчитывал вернуться в квартиру, вымыть стакан, забрать упаковку с соком, подложить упаковку со снотворным, оставив на ней отпечатки пальцев Егоровой, затем перетащить Егорову, к примеру, в спальню, раздеть, вроде как она сама спать легла, и свет выключить. Однако план порушился. Преступник наверняка наблюдал за домом и подъездом, был где-то поблизости, и видел, что подъехала «скорая», вынесли Егорову, вышли еще два человека. Второй раз он не рискнул подниматься в квартиру, мог заподозрить, что там кто-то остался, свет-то на кухне не выключили. Да и зачем рисковать? Все равно уже было понятно: вариант с естественной смертью провалился.

— А как, по-вашему, преступник проник в квартиру? — спросил Казик. — И вообще в подъезд?

— С подъездом несложно, могут быть разные варианты. А видеокамеры на подъезде нет. А вот квартирный замок... — скривил губы Купревич. — Дверь старая, ей лет двадцать. Замок тоже старый. Эксперты не стали брать замок в лабораторию, все-таки не оставишь же квартиру открытой. На месте внимательно посмотре-

ли и определили: замок и родными ключами открывали, и дубликатами, и явно просто вскрывали — куча всяких царапин, малозаметных, но все-таки повреждений, а внутренняя защелка вообще сломана, изнутри дверь ключом запирали. По-хорошему, замок давно надо было поменять. Но на двери отпечатки пальцев только Егоровой, Кондаковой, Дергачева, соседей, которые с собачкой, и еще парочка неизвестных, но вряд ли преступника. Не-е-ет, Аркадий Михайлович, это очень профессиональный преступник...

Он не договорил, потому что вновь зазвонил телефон. На сей раз разговор был коротким и завершился словами полковника: «Вы в этом абсолютно уверены? Ошибки быть не может?» После чего Купревич озадаченно посмотрел на Казика и произнес:

— Эксперты сообщили: кровь на сумке Егоровой — женская. Третья группа, резус отрицательный. То есть в понедельник вечером на Егорову напала женщина.

— Женщина? — удивился Казик, но тут же вспомнил свой опыт общения с неожиданной и очень опасной женщиной. А ведь и тогда, и сейчас о женщине никто не подумал.

— В принципе, нападение и отравление могут быть совпадениями, — произнес Купревич без всякой, впрочем, уверенности. — В первом случае какая-то женщина просто хотела отнять сумку. Правда... это все-таки больше мужской промысел. Женщины такими ограблениями редко занимаются. А вот отравление — это типично женское.

— Вряд ли, совпадение, — заметил Казик. — Обычная грабительница что бы сделала? Ну, толкнула сильно. Чем-нибудь ударила... Правильно?

— Допустим.

— А Ольгу Валерьевну схватили сзади за шею. Ольга Валерьевна почувствовала, как ей сзади в двух местах

словно что-то впилося в шею, причем, ей показалось, что это было каким-то неживым. Она сама рассказала на следующий день.

— Мне вы это не говорили, когда попросили сумку проверить.

— Ну-у... тогда это действительно казалось скорее случайностью. Вы и к экспертизе сумки отнеслись... — Аркадий Михайлович замялся, но полковник хмыкнул:

— Несерьезно. — Помолчал и продолжил: — То, что вы описали со слов Егоровой, похоже на захват двумя пальцами, причем в перчатках. Есть такой специальный прием. Уверен, на шее еще сохранились следы, синяки. А всякий сброд, который просто хочет сумку отобрать, специальными приемами все же не владеет.

— То есть получается, в обоих случаях мы имеем дело с женщиной?

— Получается, так.

— Но если это имеет отношение к убийству в аэропорту...

— Стоп! — Степенно-спокойный (как определил для себя шебутной Казик) полковник Купревич неожиданно резко поднялся из-за стола, стремительно прошелся маятником по своему кабинету, застыл, вперившись взглядом в привокзальную площадь, и, с шумом опустившись в крутящееся кресло, произнес почти зловеще: — А ведь есть один подходящий экземпляр.

— Какой экземпляр? — не понял Аркадий Михайлович.

— Который у всех под носом. — Купревич откинулся на спинку кресла, сцепил руки на груди. — Я имею в виду вездесущую Кондакову.

— Нину Григорьевну? Вы шутите?! — изумился Казик.

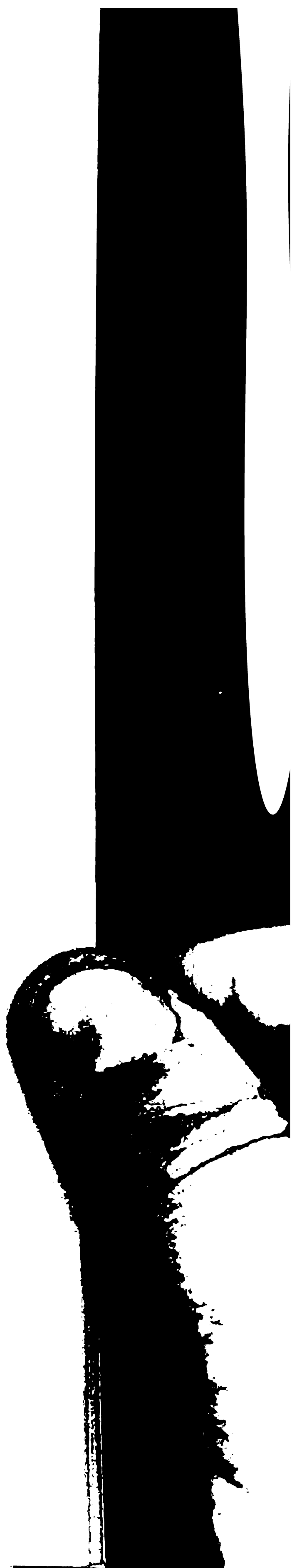
— Я говорю совершенно серьезно, — действительно очень серьезно сказал полковник. — Мы до сих пор

не можем понять, как в пассажирский терминал пронесли нож. Причем нож весьма специфический, каким в аэропортовых ресторанах никто не пользуется, да и вообще в быту им не пользуются, зато преступники пользуются запросто. И с самого начала мы предполагали, что без сотрудника аэропорта здесь не обошлось. Но пока не можем найти никого подозрительного. Однако есть уборщицы с их всевозможными приспособлениями. Да, в терминале имеется хозяйственная комната, где хранится всякая утварь. Но швабры, моющие средства и тому подобное не существуют вечно. Их как-то обновляют. В общем, нож вполне можно было пронести, прикрепив его к какой-нибудь металлической шутовине, опустив в какое-нибудь моющее средство. Причем сделать это не в день убийства, а заранее. А кому это проще всего было сделать? Кто везде примелькался? Кого будут проверять без особого усердия? Кондакову!

Аркадий Михайлович подумал, что действительно: меньше всего внимания привлекает нечто примелькавшееся. А Нина Григорьевна с утра до вечера носится по аэропорту, причем наводя на многих священный ужас, — в любом случае ей лучше на глаза не попадаться и глазом за нее не цепляться.

— Однако убить она не могла, — заметил Казик. — Вы же проверяли видеозаписи, Кондакова убежала — (эта стремительная женщина не ушла, а именно убежала) — из терминала еще при живом Марадинском.

— Но она могла быть сообщницей. А вот что касается Егоровой... Кто знал, когда в понедельник Егорова будет возвращаться с работы и какой обычно она ходит дорогой? Кто знал, что Егорова каждый вечер пьет грейпфрутовый сок? Кстати, Кондакова сама подтвердила это следователю, но только тогда, когда ее напрямую спросили, полагаю, было бы глупо, с учетом живой

Егоровой, отрицать, что это известно. Кто мог легко выяснить, что во вторник Егорова поедет к родителям и не будет ночевать дома? Кто, наконец, имеет ключи от квартиры Егоровой и вполне спокойно мог туда зайти в любое время и отравить сок?

— Но ведь Ольга Валерьевна еще днем пригласила Нину Григорьевну на ужин, сообщив также о Дергачеве. То есть Кондакова была в курсе, что тихо умереть в одиночестве у Ольга Валерьевны никак не получится. Почему же она оставила отравленный сок? Неужели не нашла возможности подменить? Какая проблема была съездить якобы домой и обратно, попутно прикупив упаковку с соком? — усомнился Казик.

— Да, здесь есть вопрос, — согласился полковник, — и с ним надо разобраться.

— Но самый главный вопрос: зачем Нине Григорьевне понадобилось убивать свою подругу? Зачем ей вообще понадобилось участвовать в этом странном деле? Я имею в виду убийство в аэропорту.

— Причин может быть много. А самая главная — деньги. К примеру, Кондакова живет в съемной квартире, а ей под пятьдесят. Могут еще разные нужды обнаружиться.

— А при чем здесь Ольга Валерьевна?

— Я полагаю, Егорова имеет какое-то отношение к убийству. Нет, не напрямую. Напрямую вряд ли. Ведь ее саму хотели убить. Но она либо что-то видела, либо что-то слышала, либо что-то узнала... И, судя по всему, сама не ведает, что именно. Поговорим с ней сегодня, постараемся хоть какие-то детали понять. Но в первую очередь надо быстро и... хитро выяснить, какая группа крови у Кондаковой.

— Может, поинтересоваться у Ольги Валерьевны? Вдруг она знает?

— Ни в коем случае! — резко отверг Купревич. — Нужен кто-то другой... Кто сможет аккуратно выяснить и не вызвать у Кондаковой подозрений...

— А если Дергачев? — осторожно предположил Казик.

— Дергачев?.. — Полковник задумался. — Пожалуй, это единственный подходящий вариант. — Внимательно посмотрел на Казика и не то спросил, не то констатировал: — У вас он не вызывает подозрений. Попробую довериться вашему мнению. Вы же, в конце концов, психолог. Позвоните ему сами.

Аркадий Михайлович вытащил из кармана телефон и ахнул:

— Я же к вам пришел и выключил звук. А Сергей Геннадьевич мне, оказывается, несколько раз звонил!

Дергачев откликнулся после первого же гудка.

— Сергей Геннадьевич! Извините, не слышал вашего звонка. У меня на телефоне был выключен звук, — принялся оправдываться Аркадий Михайлович. — А у вас что-то срочное?

— В некотором смысле... — произнес Дергачев. — Вообще-то я ищу полковника Купревича.

— А вы не могли бы подойти сейчас к Олегу Романовичу? — спросил Казик и услышал в ответ:

— Вообще-то я здесь, под дверью кабинета сижу. Меня к вам не пускают, говорят, у вас совещание.

ГЛАВА 26

— А почему вы мне не позвонили? — спросил Купревич.

— Потому что я не знаю вашего номера. Аркадия Михайловича — знаю, — Дергачев кивнул в сторону Казика, — а вашего — нет.

— Ну так запишите. — Полковник продиктовал номер. — И уж коли вы тут ждали, время тратили, то у вас, вероятно, ко мне какое-то серьезное дело? Если вас интересует состояние Ольги Валерьевны, то, к счастью, никакой угрозы для жизни нет, выправляется.

Конечно, именно это волновало Сергея больше всего. Однако в данный момент еще и другое, что для полковника наверняка было делом не просто не серьезным, а, скорее всего, вообще пустяковым. Ну какая забота для этого московского следователя, что родители Ольги наверняка уже звонили дочери, не смогли дозвониться и теперь находятся в жутком беспокойстве? Впрочем, еще несколько дней назад Сергей и сам бы не обратил на это внимания. А вот теперь... После вечера, проведенного в доме Егоровых... После того как он с какой-то необычной для себя стороны взглянул на Ольгу... После того, что с ней случилось... После того как его собственная дочь сказала о будущем ребенке...

После всего этого дело, которое совершенно не волновало следствие, стало очень серьезным для него самого.

— Вы забрали телефон Ольги Валерьевны, — сказал он. — А она вчера утром проводила своих родителей в другой город. Родители уже, наверное, ей звонили, не дозвонились и сильно волнуются. Их надо как-то предупредить.

— Ну возьмите и предупредите, — недоуменно пожал плечами Купревич. — Но только скажите, что Ольга Валерьевна случайно отравилась, ее отправили в больницу, но с ней все уже в порядке, а телефон... ну он где-то... дома забыла... разрядился...

— Я не могу предупредить. Я не знаю их номеров. И Нина Григорьевна Кондакова тоже не знает. Она мне звонила, волнуется по поводу Ольги Валерьевны. И вот я хочу вас попросить: пусть ваши коллеги, у которых

сейчас телефон Егоровой, посмотрят номера родителей. Они наверняка в ее трубке записаны как «мама», «папа».

Сергей нисколько не сомневался: именно так, а не «мать», «отец».

— Сергей Геннадьевич абсолютно прав! — всколыхнулся Казик. — Не надо волновать родителей!

— Не надо, — кивнул полковник и принялся куда-то звонить. — Поищите в трубке номера под именем «мама», «папа», ну или что-то в этом духе... — отдал он распоряжение. Подождал и принялся быстро записывать на листе бумаги, который протянул Дергачеву со словами: — Все-таки «мама» и «папа».

Разговор не представлял собой ничего сугубо личного, и Сергей тут же набрал номер Марии Евгеньевны. Представился и услышал в ответ, что родители уже звонили Ольге, ее телефон недоступен, они страшно разволновались, но спасибо Сергею Геннадьевичу... Впрочем, а почему Олечка не выходит на связь?... Как отравилась? Чем? В больнице?! О, ужас! Они готовы немедленно вылететь в Губернск! Не надо? Уже все в порядке? А телефон? Его забрали в больничную камеру хранения и никому, кроме Олечки, не отдают? Сергей Геннадьевич за всем проследит и окажет любую помощь? Он в любое время на связи? Огромное спасибо! Но родители готовы тут же вернуться! И пусть Олечка, как только сможет, перезвонит!..

Ну и еще что-то в том же духе.

— Вы были очень убедительны, — оценил Казик.

— Вообще-то я не привык врать, — хмуро признался Дергачев. — И актерствовать не умею.

— А придется, — «обрадовал» полковник. — Вы, Сергей Геннадьевич, на данный момент единственный в аэропорту человек, который вызывает доверие и который может помочь. Мы вас сейчас введем в курс дела,

проинструктируем, но вы понимаете, насколько это секретно.

Дергачев слушал и поражался. Ему казалось, будто ему пересказывают детективный роман, в котором вырваны целые страницы.

— Кондакова не могла покушаться на Егорову. Это просто невероятно! — заявил он твердо. — И разве сложно выяснить для начала ее группу крови?

— Представьте себе, сложно, — сказал полковник. — По крайней мере достаточно быстро и так, чтобы она ни о чем не догадалась. Расспрашивать знакомых? Искать, к примеру, поликлинику, к которой Кондакова приписана? Делать официальный запрос, потому как есть закон о защите персональных данных? Или предлагаете ее малость порезать? Или взять потожировые следы и сделать ДНК-экспертизу?.. Это в книжках и киношках все запросто, а в жизни... Вот Аркадий Михайлович предлагает вам вариант, попробуйте. Вы ведь не вызываете у Кондаковой подозрения. Но наверняка придется импровизировать. Уж постарайтесь.

— Я постараюсь, — вздохнул Сергей.

— И еще. Нам нужны все записи видеокамер в течение суток до убийства, причем не только пассажирского терминала, но и со стороны служебных входов, привокзальной площади, перрона, VIP-зала... В общем, широкой панорамой.

— Будет сделано. Но у меня вопрос: я смогу повидать Егорову?

— Сможете, — пообещал Купревич. — Но сначала с ней поведемся мы.

Сергей вернулся к себе в кабинет. Надо было обдумать предстоящую беседу с Кондаковой, но сначала пришлось пообщаться с начальником смены (которому

он дал распоряжение по поводу видеозаписей), затем с руководителями двух структур, не имеющих отношения к САБу, но подчиняющихся в данный момент исполняющему обязанности заместителя генерального директора по безопасности, то есть Дергачеву.

Вообще-то Сергею хотелось позвонить человеку, в чьем кресле сидел, пусть и временно, однако Лавронин объявился сам.

— Привет, ну как дела? — спросил он.

— Здравствуйте, Юрий Александрович. Дела поганые. У нас новое происшествие...

И Дергачев рассказал про отравление Егоровой. В общих чертах, без подробностей и, тем паче, упоминания Кондаковой, — исключительно в рамках того, о чем разрешил рассказывать полковник Купревич и о чем без того знало достаточно людей.

— Скверно. Очень скверно, — вынес вердикт Лавронин. — Догадываюсь, что говоришь ты мне меньше, чем знаешь, потому как не можешь. Понимаю и лезть тебе под кожу не стану. А я вот могу с тобой кое-какими соображениями поделиться. Я тут анализировал всякую информацию, много думал и кое-что надумал. Значит, так. Прошерстил я этого Марадинского вдоль и поперек и не нашел ни одной причины, зачем его убивать. С таким же успехом запросто можно было убить любого встречного-поперечного. А суть в том, что убийство должно было произойти именно в аэропорту!

«Да, — мысленно согласился Дергачев, — московский следователь пришел к такому же выводу».

— Главная задача того, кто убил... Или кто убийцу нанял... Я думаю, убийцу все же наняли... Так вот главная задача — нанести удар по аэропорту. Ну, разумеется, я не здания-сооружения имею в виду.

— Кого-то конкретного?

Сергей подумал, что вообще-то человек, по которому пришелся главный удар, — это замдиректора по безопасности.

— Ты небось имеешь в виду меня? — хмыкнул Лавронин. — Ерунда! Дело в другом. Есть у меня... скажем так... некие предположения... Не четкие факты, нет! Но... догадки... основанные на целом наборе разных, в том числе незначительных, фактов. Так вот, похоже, аэропорт... ну то есть новые владельцы, «Авиа-Альянс»... готовят какую-то очень серьезную сделку... какой-то мощный проект собираются запустить. Огородов, конечно, в курсе. И Малафеева, само собой. Но держат рот на замке, поскольку, похоже, все находится пока в подвешенном состоянии. На стадии, возможно, переговоров, согласований, утряски и тому подобного. В общем, на той стадии, которую пока держат в секрете. Но в таком деле любой секрет — все равно относительно. Так вот кто-то явно хочет эту сделку порушить и проект развалить.

— Убийством в аэропорту? — усомнился Дергачев. — Крупную сделку можно порушить убийством обычного человека?

— А мы сути этой сделки не знаем. Там, может, многое завязано на репутации аэропорта. В том числе по части безопасности. От этой репутации, может, вообще в данный момент почти все зависит. И тут вот такое... Теракты в аэропортах были. Какие потом меры безопасности предпринимались, ты знаешь. Но чтобы после всех этих мер человека вот так запросто в туалете ножом убивали?... Это, Сережа, уже за гранью разумного. И на это, Сережа, похоже, расчет и сделан.

— Надо об этом рассказать прежде всего Огородову и... — договорить Дергачев не успел, потому как Лавронин его резко осадил:

— Ни в коем случае! Ты ж понимаешь, Валерий Леонидович тут же начнет допытываться, откуда эти... скажем так, предположения... А я ему это категорически не хочу говорить. И даже если не скажу, он мужик умный, запросто сообразит, что к чему. А я этого тоже категорически не хочу!

— Старчук? — догадался Сергей.

Ну, конечно, кто еще мастер по добычи информации, в том числе закопанной в виде иголки в огромном стоге сена?

— Да, Никита, — не стал опровергать Лавронин. — Но!.. Я про него все знаю, в курсе, что он хакерствует, что подчас пользуется, скажем так, не совсем законными методами... Но я ему доверяю! И ни разу не имел от него никакого вреда, а только пользу! А Огородов — человек новый, как он к Никитиным методам отнесется, я понятия не имею. Не исключаю, решит, дескать, от него проще избавиться, чем иметь в виде бомбы с непонятным механизмом. А мне Никита нужен.

— И что я должен делать? — спросил Дергачев.

— Расскажешь этому московскому следователю. Будет допытываться, откуда информация, наплети, вроде как сорока на хвосте принесла. О Никите ни слова. У москвичей ресурсы мощные, пусть разбираются.

— А вы сами не хотите рассказать Купревичу?

— Нет. Во-первых, я вроде как в ссылке... с радикалитом. Во-вторых, от меня мостик к Старчуку перебросить — пять минут. А я не хочу Никиту не только Огородову, но и всем прочим подставлять. Пусть безобразничает, — в трубке послышался почти ласковый смешок, — под моим присмотром.

Лавронин отключился, а Дергачев набрал номер Кондаковой.

Вместо традиционно рывкающего «Да!» в трубке раздалось слабое «Да-а-а».

— Нина Григорьевна, что с вами? — удивился Дергачев.

— Временно подыхаю, — тяжелым голосом отозвалась Кондакова. — Вся эта нервотрепка... бессонная ночь... утром пришла на работу, было еще ничего... а потом как прихватило... давление шандарахнуло... голова разламывается... Дома лежу...

Сергею вдруг стало тревожно. Уж если Кондакова, которая никогда не ходит, а только носится, которая своей безумной энергией способна снабжать электричеством весь аэропорт, а мощным ором перекрывать шум самолетных двигателей, вдруг легла в лежку — значит, и впрямь дело плохо.

А еще ему стало неловко. Ведь он позвонил по сути со шпионской целью — найти доказательства, что Кондакова враг, хотя в это плохо верилось. По большому счету он, Дергачев, в это вообще не хотел верить, однако по логике все убедительно сходилось, а он не психолог, в отличие от психолога Казика, который утверждал: умный враг — часто очень убедителен в дружбе. При мысли, что Нина Григорьевна могла хотеть смерти Ольги, Сергей изнутри словно ледяной коркой покрывался.

— Может, нужна помощь? — спросил он.

— Да какая там помощь? Сама справлюсь, — едва ли не простонала Кондакова. — У меня такое бывает, раз в год. Через несколько часов пройдет.

— Но, может, все-таки врача вызвать? Может, какие анализы возьмет, крови к примеру?

— Какие к черту анализы? Зачем? — сердито буркнула Кондакова.

— А вы к какой поликлинике приписаны? — проявил настойчивость Дергачев и услышал:

— К нашей авиагородковской. — И без паузы: — Как там Ольга?

— Поправляется.

В трубке раздался вздох. Но Сергей не уловил: вздох облегчения или разочарования?

— Вы там у этих, у следователей, спросите: когда они мне ключи от Ольгиной квартиры вернут? Они ключи у меня забрали. И когда я смогу в квартиру зайти?

— Зачем? — не понял Дергачев.

— Затем, что убратся у нее надо, все помыть... Сколько народа ночью шастало, все залапали, затоптали... — с усталой раздраженностью сказала Нина Григорьевна.

— Спрошу, — сглотнув комок подозрительности, пообещал Сергей. — А вы поправляйтесь.

— Ага, — вновь вздохнула Кондакова и отключилась.

Ну надо же, подумал Дергачев, в каком-нибудь детективном фильме группу крови определяют за считанные секунды, а в жизни это выяснить тихо и незаметно — целая проблема. Впрочем, детективные фильмы он смотрел редко, а в реальности ничего толком разузнать не сумел. И все же кое-какую информацию он добыл, а самую ценную передал Лавронин.

Дергачев набрал номер Купревича, но тот не отреагировал. И Сергей решил, что пора нормально поесть, причем в столовой, куда начальники обычно не заглядывали, а Дергачев заходил, поскольку вкусно кормили.

Он набрал полный поднос и тут увидел в дальнем углу Гаврюшина.

— Севастьян? — спросил удивленно, попутно расставляя на столе тарелки. — Ты что ж, вторые сутки на службе?

— Ну так должен же кто-то службу служить? — весело откликнулся Гаврюшин. Вид у него был на удивление бодрый. — Особенно, когда в наших доблестных рядах образовались сразу две дыры. Один с женой

в роддоме, а другой вообще ногу сломал. Вот мною сразу две дыры и заткнули. А как там Ольга Валерьевна?

— Лучше.

— Ну и хорошо. На квартиру Ольги Валерьевны, небось, толпу нагнали и вас с Ниной Григорьевной припрягли как главных свидетелей? У нас здесь ночь была спокойная, я даже поспал, а вас с Ниной Григорьевной, наверное, до утра держали?

— Почти.

— Представляю, какой там-тарарам устроила Нина Григорьевна. Она ж подружка Ольги Валерьевны. Небось, до сих пор молнии мечет и громы гремит. Она ведь круче любого генерала! — Прозвучало это со смесью опасливости и восхищения.

— Заболела Нина Григорьевна, — посочувствовал Дергачев. — После всех этих передряг давление у нее подскочило, в лежку лежит у себя дома.

— Заболела? Кондакова? — изумился Гаврюшин. — Она ж здоровее всех здоровяков!

— С чего ты взял? — пожал плечами Сергей.

— Так она сама говорила. Я слышал, когда мы кровь сдавали.

— Кровь сдавали? — мгновенно напрягся Дергачев. — Когда?

— Да месяца четыре назад, у нас очередной День донора в аэропорту проводили. У нас раза три в году этот самый День проводят, медпункт с кадровиками организуют, со станции переливания крови приезжают. Ну вот мы вместе с Кондаковой и сдавали. Ее о самочувствии спрашивали, а она и сказала, что здоровее всех здоровяков. Между прочим, врачца со станции около нее прямо крыльями трясла. Говорила, что Кондакова... — Севастьян задумался, вспоминая чем-то зацепившие его слова, и, наконец, радостно провозгласил: — Вра-

чица сказала, что Нина Григорьевна прямо идеальный донор.

— А с чего вдруг идеальный? — не понял Дергачев.

— А кто его знает! — пожал плечами Гаврюшин. — Может, Нина Григорьевна регулярно кровь сдает. Может, она вообще типа почетного донора. Но в нашем медпункте все доноры записаны, и наша аэропортовская врачиха тоже около Нины Григорьевны круги выписывала.

— И какая у нее группа крови? — вроде как между прочим спросил Сергей.

— Понятия не имею, — вновь пожал плечами Гаврюшин.

«Значит, в медпункте есть информация о группе крови Кондаковой», — прикинул Сергей. Можно сказать, только руку протяни. А как ее незаметно протянешь?..

Купревич перезвонил в районе трех часов. Выслушал информацию Дергачева, передал ему свою: Егоровой вернули телефон, но она еще очень слаба, так что навестить ее Сергей сможет только завтра.

Ближе к вечеру Дергачев перезвонил Кондаковой. Та была уже гораздо бодрее.

Зато самого Дергачева бодрость вдруг резко покинула. Он приехал домой раньше обычного, в восьмом часу, прилег на диван и словно провалился.

Последней его мыслью было: Ольга что-то видела или слышала, только не знает — что, а убийца думает, что она знает.

ГЛАВА 27

Разговор с Егоровой скорее напоминал беседу с психологом, нежели дачу показаний следователю. Она была слаба, растеряна, правда, без признаков истеричности, что имело бы оправдание, но и создало бы дополнитель-

ные сложности. Сложностей в данном случае не возникло, но и пользы не принесло никакой. Если не считать успокоительных речей Аркадия Михайловича.

Да, Ольга Валерьевна, готовясь к гостям, допила сок, который стоял в холодильнике, а потом ее разом сморило, она даже не заметила. Почему ее хотели отравить, а прежде напали в саду, она совершенно не представляла, поскольку ничего особенного не видела и ничего особенного не знает.

Покидая больницу, Купревич передал Егоровой телефон. Изученный во всех подробностях, он не хранил никакой ценной информации. Впрочем, и ее домашний компьютер тоже не содержал ничего ценного, разве что ссылки на различные сайты, посвященные борьбе с бесплодием, но это свидетельствовало лишь об одной, сугубо личной, проблеме, из-за которой вряд ли кто замыслил убийство.

— Сейчас что-то выяснять бессмысленно, — разочаровал полковника Казик. — Она ничего не вспомнит и не сообразит, у нее совершенно иное внутреннее состояние, надо немного подождать.

— И снова надо внимательнейшим образом просмотреть видеозаписи, прежде всего касающиеся Егоровой, — отреагировал Купревич.

Дергачеву позвонили, уже вернувшись в аэропорт. Полковник включил громкую связь.

— Значит, данные о группе крови Кондаковой могут храниться в медпункте?

— Да, — подтвердил Дергачев. — По словам Гаврюшина, они ведут учет всех своих доноров. А Нина Григорьевна, похоже, регулярно сдает кровь. Иначе с чего они называли ее идеальным донором?

— Идеальным донором? — переспросил Казик.

— Ну, так сказал Севастьян.

— Минуточку, минуточку... — Возникла пауза. Купревич посмотрел с любопытством. — Ну, конечно же! — воскликнул Казик. — Не идеальный донор! Универсальный! Да-да, Кондакову назвали универсальным донором! А так называют тех, у кого отрицательный резус-фактор и первая группа крови. Первая, а не третья!

— Н-да?.. — задумчиво протянул полковник. — А я не знал...

— Кондакова не могла... Егорову... — произнес Дергачев. — Я не верю.

— Верю — не верю, это в церковь! — отрезал Купревич. — А нам надо проверить.

Аркадию Михайловичу показалось, что сказано это было без особой убежденности — скорее, для порядка.

А вот к информации о вероятном крупном проекте, который готовит аэропорт и который кому-то очень сильно способен помешать, полковник отнесся очень серьезно.

— Откуда эти сведения? — спросил он.

Дергачев замялся.

— Ну-у... как говорят в таких случаях, сорока на хвосте принесла.

— А точнее?

— Да нет ничего точного, — досадливо сказал он. — Так... на уровне слухов... Может, совершенно пустых...

Казик похлопал полковника по руке и покачал головой. Его молчаливые жесты были весьма красноречивы: Дергачев ничего больше не скажет.

Купревич не стал ни на чем настаивать, перебросился с Дергачевым еще парой фраз и отключился.

— Ну и что вы по этому поводу думаете? — Полковник откинулся на спинку офисного кресла и пару раз крутанулся туда-сюда.

— Я думаю, как и вы, — Казик тоже откинулся на спинку кресла, но крутиться не стал — его офисное кресло это не предусматривало.

— Полагаете, Лавронин?

— Я полагаю, что вряд ли Сергей Геннадьевич случайно подслушал эту информацию где-нибудь в туалете. А коли он никак не хочет рассекретить свой источник, то предположить можно только Юрия Александровича. Опять же, кто, как ни он, способен получить такие сведения? И он явно хотел, чтобы мы тоже их получили, но не напрямую.

— Слишком выкрутасисто, — поморщился Купревич. — Лавронин вполне мог передать все это без всякого посредника.

— Конечно, — согласился Казик. — Но почему-то не захотел. Бросил вам удочку, чтобы вы сами добывали рыбку. А может... у него и нет никакой рыбки, а он просто разведal рыбные места.

— Ну, мы не будем хороводы водить, — решительно заявил полковник, взял телефон, включил громкую связь и через несколько секунд услышал:

— Здравствуйте, Олег Романович.

— Здравствуйте, Юрий Александрович. Хорошо, что поместили мой номер. Ну как ваш радикулит? — поинтересовался Купревич участливо.

— Спасибо, борюсь, — с подчеркнутой вежливостью отозвался Лавронин.

Возникла короткая пауза, Аркадию Михайловичу это напомнило документальный фильм, где показывали, как два буйвола замерли напротив друг друга, изготовившись к схватке. Впрочем, в том фильме схватки не получилось, потому что вдруг появился охотник с ружьем, выстрелил в воздух, и буйволы ринулись в разные стороны.

Казик тоже «выстрелил»: наклонился к лежащему на столе телефону и резко произнес:

— Это эксперт Казик. Сергей Геннадьевич нам все передал.

Полковник метнул в него недоуменно-рассерженный взгляд, но Казик приложил палец к губам и подмигнул.

— Что вы имеете в виду? — спросил Лавронин.

По мнению Аркадия Михайловича, реакция была вполне предсказуемая и лишенная должного артистического таланта.

— Мы с Олегом Романовичем имеем в виду то, что Сергей Геннадьевич ни словом о вас не обмолвился, но мы сразу все поняли. Извините, конечно, но ваши... хитрости... не очень убедительны. Хотите, мы вам расскажем, как поняли, что именно вы поделились информацией с Сергеем Геннадьевичем?

В трубке повисла пауза. Наконец, Лавронин произнес:

— Вы правы. Хитрости так себе... Признаю. Дергачев — человек здесь новый, ему не от кого было получить эту информацию, кроме как от меня.

— А откуда вы эту информацию взяли? — вклинился-таки в разговор Купревич.

— Во-первых, сама информация — весьма туманная. Фактов конкретных нет, одни предположения. Во-вторых, я сижу дома, у меня есть время покопаться в разных источниках и голову поломать.

Казик закатил глаза и одними губами изобразил: «Вранье». Купревич беззвучно хмыкнул, вслух же произнес:

— А как поясница?

— Что — поясница? — настороженно уточнил Лавронин

— Ну, поясницу же ломит? Это не мешает голову ломать?

— Послушайте, полковник юстиции, — в голосе отставного полковника полиции явственно слышался

скрежет металлической стружки, — у меня на погонах звезд не меньше, и они не мельче, чем у вас, а потому не надо со мной разговаривать, как с лейтенантом.

— Послушайте, полковник полиции, — не менее жестко заявил полковник юстиции, — мы с вами в одном звании, а потому не надо со мной разговаривать, как с лейтенантом, который будет знать, что ему врут, но не посмеет возразить. Вы всю жизнь прослужили в уголовном розыске, вы, уверен, не самый продвинутый в информационных технологиях и вы сами всю эту информацию добыть не могли. Вы ее от кого-то получили, возможно, она ничего ценного для нашего расследования не представляет, но у нас до сих пор очень мало зацепок, и нам нужны не рассуждения вокруг да около, а максимально полные сведения. И потому я настаиваю, чтобы вы сообщили свой источник.

— Я всегда полагал, — не дрогнул Лавронин, — что у московских следственных органов достаточно возможностей, имея все-таки зацепки, разобраться самим.

В телефоне возникла прямо-таки гнетущая пауза. Два буйвола все-таки уперлись друг в друга лбами. Казик схватил листок бумаги и быстро написал: «Выключите микрофон, я знаю — кто».

— Побудьте, пожалуйста, на связи, — сказал Купревич и ткнул пальцем в экран.

— Это Старчук, — зашептал, опасливо косясь на телефон, Аркадий Михайлович, — начальник отдела экономической безопасности. Приятель нашего вездесущего Гаврюшина. Уникальный специалист, наверняка хакер, и Лавронин не хочет его выдавать. Дайте мне поговорить с Лаврониным.

— Попробуйте, — кивнул Купревич и снова ткнул пальцем в экран, включая микрофон.

— Юрий Александрович, — заговорил Казик с интонацией заговорщика, — мы прекрасно знаем, что сведе-

ния вам собрал Старчук. Только пожалуйста, — упредил он возможные возражения, — не говорите, что нет. Вы же опытный человек, вы же понимаете, если так утверждаем, то знаем точно. А в распоряжении Олега Романовича есть тоже очень грамотные специалисты, онисию же минуту изымут всю технику Старчука, включая домашнюю микроволновку и телевизор, и обязательно найдут следы. Но кому нужны эти неприятности? Напротив, нам нужна помощь! Ваша и Старчука. А Олег Романович обязуется все сохранить в тайне. Ведь правда, Олег Романович?

— Обещаю, — твердо заверил Купревич.

В телефоне вновь возникла пауза. Наконец, Лавронин произнес:

— Хорошо. Я дам соответствующие распоряжения Старчуку. Только просьба... убедительная... — сказал он с нажимом, — просьба: не вызывайте Никиту к себе. Иначе об этом будет знать все начальство, а я не хочу, чтобы на Никиту начали коситься. Придумайте какой-нибудь вариант.

— Непременно, — вновь заверил Купревич и добавил: — Спасибо, Юрий Александрович.

— Пожалуйста, — буркнул Лавронин.

Со Старчуком встречались, прямо как киношные подпольщики. Правда, с явочной квартирой не стали слишком усердствовать — организовали ее в гостиничном номере Казика. Но с надлежащими предосторожностями. Сначала в номер поднялись Аркадий Михайлович с полковником, а затем, спустя минут десять, не на лифте, а по запасной лестнице, — Старчук.

— Вот возьмите, — Никита положил на стол флэшку, — это все, что я собрал. Но сразу предупреждаю: здесь никаких точных фактов, здесь мой анализ на основе самых разных данных. Я успел покопаться только

на уровне... — он изобразил пальцем спираль, — где-то пятого слоя. А факты надо искать примерно на уровне десятом. Если вам интересно, пусть ваши спецы разбираются.

— Позвольте вас спросить, — подчеркнуто вежливо произнес Купревич, — почему вы в принципе этим занялись?

Старчук посмотрел с некоторым удивлением — так смотрят на человека, который задает вопросы, имеющие очевидные ответы. Полковник, однако, выжидательно молчал, и Никита сказал:

— Из-за Юрия Александровича, разумеется. — Выдержал паузу и продолжил: — Если надо кого-то убить, то это можно сделать где угодно, но только не в аэропорту. Хуже и глупее — только попытаться кого-то прирезать на космической станции. Значит, очевидный вывод: убить надо было именно в аэропорту. А зачем? Кто окажется крайним? Заместитель гендиректора по безопасности, который не обеспечил эту самую безопасность.

— Есть еще начальник САБа, — заметил Казик.

— Который здесь без году неделю, — фыркнул Старчук. — А Юрий Александрович несколько лет. И за все эти годы не было никаких проблем. И вдруг нате вам. Такой скандал на всю страну спустя считанные месяцы, как аэропорт полностью купил «АвиаАльянс». Спустя два месяца, как прислали нового гендиректора. С чего бы вдруг? Ну вот я и подумал: а может, нужен был именно скандал? Вот я и стал копаться, и накопал, что, похоже, «АвиаАльянс» и аэропорт готовятся к крупной сделке. Причем готовятся почти в тайне. А почему в тайне? Вывод один: есть опасения, что кто-то хочет сильно помешать. Но если я смог докопаться, то и тот, кто хочет помешать, тоже мог докопаться, причем го-

раздо основательнее, чем я. И убийство в аэропорту, соответствующий скандал — вполне вероятно, способ этой сделке помешать.

— Вы полагаете, это достаточно серьезный повод, чтобы...

— То, что вам может показаться ерундой, на самом деле может оказаться совсем даже не ерундой, — перебил Старчук. — Я вот вам пример приведу. Лет пять назад один аэропорт почти заманил к себе очень крупного европейского грузоперевозчика. В том смысле, чтобы тот садился в аэропорту на дозаправку и техобслуживание. Это очень выгодное дело — денежное и престижное, потому как вслед за этим грузоперевозчиком другие могли подтянуться. Окучивали перевозчика год. А все обломилось, по сути, из-за ерунды, после первого же рейса. Дело было зимой, а в аэропорту не хватило антиобледенителя, чтобы обработать самолет. В итоге рейс задержали, компания выбилась из графика, ну и дальше со всеми неприятностями. В общем, выгодный клиент быстренько перебазировался в другой аэропорт, сделав вывод: если возможны такие, не самые сложные, однако серьезные по последствиям, проблемы, то жди и других, более принципиальных. А вы говорите, что убийство — это недостаточно серьезный повод. В авиации вообще несерьезного нет, Воздушный кодекс, как часто говорят, в принципе кровью написан.

— То есть вы хотели защитить Лавронина, — не спросил, а констатировал полковник.

— Да, — последовал твердый ответ. — И себя тоже. Потому что, если уйдет Юрий Александрович, уйду и я. Ни под кем другим я здесь работать не стану. А мне нравится работать в аэропорту.

Старчук вышел из номера, и Казик, бросив Купревичу «минуточку, я сейчас», выскочил следом.

— Никита Андреевич! — окликнул он Старчука в коридоре. — Позвольте к вам обратиться с одной... довольно деликатной... просьбой.

— Попробуйте, — настороженно разрешил тот.

— Не могли бы вы... скажем так... незаметно зайти в базу вашего медпункта, где хранится реестр доноров аэропорта.

— Доноров?

— Ну да, доноров... которые кровь сдают. Очень нужно узнать, какая группа крови у Нины Григорьевны Кондаковой. Только чтобы это было в абсолютной тайне от всех.

— Да без проблем! — пожал плечами Старчук.

Казик вернулся в номер и напоролся на вопрос Купревича:

— Это что сейчас было?

— Я договорился с Никитой Андреевичем, он влезет в донорскую базу медпункта и все нам разузнает о Кондаковой, — с удовольствием сообщил Аркадий Михайлович.

— То есть похакерствует?

— Совершенно верно. Вот поэтому я и предпочел пообщаться с Никитой Андреевичем с глазу на глаз, без вас. Вы все-таки лицо официальное... А я невесть кто — какой-то непонятный эксперт.

— Н-да... — усмехнулся полковник. — Правильно про вас говорит Орехов: вы хитрец, шельмец и авантюрист.

— Что есть, то есть, — с удовольствием согласился Казик.

Старчук позвонил минут через двадцать.

— У Кондаковой первая группа крови, резус отрицательный. Таких людей называют универсальными донорами.

ГЛАВА 28

Сергей проснулся в шесть утра. Обычно в это время он и просыпался, с той лишь разницей, что заснул в восьмом часу вечера. Как приехал домой, так и вырубился — по-иному не скажешь. Даже до постели не дошел, даже не разделся. Вот и Ольгу так же сморило за кухонным столом, только ее — от подмешанной кем-то отравы, а его — от нервотрепки и усталости.

Ольга что-то видела или слышала, только не знает — что. С этой мыслью Сергей заснул, с ней и проснулся. Следовательно пока ничего толком не выяснил, и это понятно: когда человек чудом выполз из могилы, он с трудом напрягает свою память.

Сергей сходил в душ, побрился (не слишком досаждающая щетина за двое суток все-же успела прорасти), почувствовав себя свежим и бодрым. В голове прояснилось, и он вдруг сообразил, что же в ней уже щелкало, да только он не мог понять природу этого щелчка. Ну, конечно же, когда в день убийства просматривал видеозаписи, он заметил Егорову — буквально мельком, дальним планом. Она сидела за столиком кафе, а потом исчезла, и вновь появилась, шла в сторону VIP-зала. Но он не слишком обратил на нее внимание, потому как Марадинский в тот момент был еще жив и здоров.

Он передал все записи (в более широкой версии) московскому следователю. Пусть проверяют по минутам и сантиметрам. Но он будет проверять все, что связано с Ольгой, — по секундам и миллиметрам.

Понятно, с утра придется заняться текущими делами, к вечеру ему обещали свидание с Ольгой, значит, в промежутке он должен хоть в чем-то разобраться. И спросить Ольгу, с которой уже говорил следователь, однако без толку.

Тут Сергей вдруг спохватился, что не знает, где его телефон. Обычно он держал его под рукой. Посмотрел в комнате, на кухне, в прихожей и даже в ванной. До спальни не дошел, поскольку вчера в принципе туда не дошел. «Еще чего не хватало», — подумал встревоженно, и в этот момент сообразил: в куртке. Не хватило вчера сил даже телефон вытащить, хорошо хоть руки вымыл — почти на автомате, по давней привычке к чистоте рук.

На телефоне значились два не отвеченных с вечера вызова. Всего два — вот чудеса-то! Но вызовы принципиальные — от дочери и от Казика. А еще значились два смс-сообщения. Первым он, конечно, прочитал от дочери: «Папа, привет. Не смогла до тебя дозвониться, у меня все хорошо. С утра не звони, созвонимся вечером». Дергачев облегченно вздохнул: у Даши все хорошо, и это отлично. От Казика информация была туманной, но понятной: «Н.Г. чиста. О.В. поправляется». Дергачев вновь вздохнул, но не столько облегченно, сколько удовлетворенно: он был рад, что Ольга поправляется, и он с самого начала верил, что Нина Григорьевна ни при чем...

В восемь утра, как обычно, Дергачев провел внутреннюю планерку. В девять началось селекторное совещание. Клавиша, обозначенная «Клин. сл.», то есть «клининговая служба», горела красным огоньком, и это означало, что начальница на работе.

После совещания он позвонил Нине Григорьевне.

— Да! — рывкнула по своему обыкновению Кондакова.

— Здравствуйте, Нина Григорьевна, как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, Сергей Геннадьевич. Совершенно прилично. Я же вам говорила, что быстро оклемаюсь.

Ну вот и оклемалась. — Прозвучало это с некоторым вызовом: дескать, знай наших.

— Ну вы уж побереглись бы... отлежались дома... — произнес Дергачев сочувственно, и грозная командирша вдруг смутилась:

— Да ладно... чего уж там... хотя за заботу, конечно, спасибо... но я правда в норме. Вы лучше скажите: об Ольге что-то известно?

— Поправляется, — успокоил Сергей.

— Ну и слава богу, — с облегчением вздохнула Кондакова и вдруг добавила со злостью: — Узнаю, кто ее так, зашибу к черту! Вот прямо лопатой зашибу! И попрошу, чтобы меня судили присяжные. Они меня оправдают!

«А ведь и впрямь может зашибить», — с улыбкой и одновременно с опаской подумал Сергей.

Он попытался побыстрее раскидать неотложные дела, попутно прикинув, что уже второй день не ходит «по объектам» с проверкой работы САБа (которая, впрочем, и без его контроля сбоев не дает), и, запершись в кабинете, принялся изучать видеозаписи — с момента, когда Ольга Егорова появилась в общем терминале, и до момента, когда его покинула.

Для начала он решил изучить, что называется, общую картину, а уж затем сосредоточиться на деталях.

Вот Ольга идет по терминалу... вполне конкретно направляется к кафе «У Рустама»...

Вот о чем-то говорит, судя по всему, с хозяином. Виден только ее профиль...

Вот садится с чашкой кофе за крайний к входу столик лицом к залу...

Вот вдруг резко поднимается и быстро переходит вглубь кафе, пересаживается за столик, который частично скрыт за искусственным деревом. При этом пусть

затемнено, размыто, но видно, что Ольга наблюдает за чем-то в зале...

Сергей совместил изображения: взгляд Ольги совершенно очевидно устремлен на директора. Ну да, появившийся в зале Огородов притормаживает напротив сектора выдачи багажа и граничащего с ним кафе. Пассажиры толпой выходят со своими чемоданами. Здоровенная бабища буквально наезжает на директора огромным чемоданом, Огородов от нее шарахается, спиной налетает на стоящего сзади парня, после чего шествует дальше...

Через три минуты Ольга покидает кафе.

Общая картина выглядела именно так: Ольга почему-то испугалась появления директора. Вернее, это уже было почти кульминацией. А до того (согласно временному счетчику) она шестнадцать минут просто пила кофе и смотрела в зал.

Что она могла увидеть? Все это следовало изучить буквально по секундам и по миллиметрам.

Однако это занятие прервал звонок Казика.

— Здравствуйте, Сергей Геннадьевич, вы вчера не взяли трубку, я послал вам СМС.

— Спасибо, Аркадий Михайлович, с телефоном у меня получилась неувязка, но СМС я прочитал, написал вам «спасибо». По поводу Нины Григорьевны я даже не сомневался.

— Олег Романович просил вам передать, что вы можете прямо сейчас навестить Ольгу Валерьевну. Если, разумеется, у вас нет неотложных дел.

— Я готов! — почти как юный пионер откликнулся Дергачев.

— Вот и отлично. Но к вам будет просьба... — Голос Казика приобрел некоторую вкрадчивость. — Мы бы хотели, чтобы вы постарались разговорить Ольгу Валерьевну...

— В каком смысле? — насторожился Сергей.

— Мы вчера с Олегом Романовичем попытались побеседовать с Ольгой Валерьевной, но она была слишком слаба, растеряна... В общем, мы не стали усердствовать, и наша беседа ничего не дала. Коллеги Олега Романовича проверили все, связанное с Ольгой Валерьевной, и не нашли ни одной зацепки, зачем кому-то понадобилось ее... — Казик замялся и подобрал более мягкое слово, — убрать. Кроме одного. Судя по камерам, да и Ольга Валерьевна не отрицает, она находилась в кофейне в общем зале как раз в то время, когда там был Марадинский. Мы полагаем, она могла стать свидетелем чего-то. Ну, вы, вероятно, сами так думаете, — отдал должное психолог. — Однако у Ольги Валерьевны нет никаких предположений. Но у нас есть определенная надежда на вас. Понимаете, бывают ситуации, когда наиболее полезны... скажем так... не следователь и даже не психолог, а... более близкий человек...

— Я — близкий ей человек? — вырвалось у Дергачева, и он тут же смутился.

Казик то ли ничего не уловил, то ли сделал вид, произнес с интонацией само собой разумеющегося:

— В разговоре с нами она упомянула вас пять или шесть раз. И, мне показалось, с теплотой...

Он ее едва узнал.

Всегда с аккуратной прической, тщательным макияжем, элегантно одетая... Спокойная, воспитанная, любезная... Образцовая начальница зала для особо важных персон.

С растрепанными волосами, с осунувшимся, словно полинялым лицом, с какими-то выцветшими глазами... Она была такой жалкой, что у Сергея аж все внутри сжалось. И сердце заболело, и душа заныла, и захотелось крепко-крепко прижать ее к сердцу и обласкать душой.

Она была совсем другой, чем еще несколько дней назад, хотя в другую она начала для него превращаться постепенно, вроде бы незаметно, и вот сейчас он понял: эта женщина, похожая на неказистую тряпичную куклу, — для него необыкновенно дорога.

Странно, но он совсем не удивился. Напротив, успокоился. Все то, что его подспудно — вне всякой связи с реальными событиями — тревожило и чему он не мог найти объяснения, вдруг обрело ясность. Ну да, так бывает, причем быстро. Он ведь когда-то, много лет назад, все ясно и быстро понял про девочку, которая стала его женой. А потом все ясно понял про женщину, которая расхотела быть его женой, правда, получилось это не совсем быстро, а потому мучительно.

Сергей Дергачев, по словам уже бывшей жены, слишком часто маялся и, чего никак не ожидал, заставлял маяться близких. А все потому — он наконец это понял, — что всегда хотел ясности. И вот теперь он обрел ясность в своем отношении к женщине, которую еще несколько дней назад воспринимал как совершенно чужую, а теперь — как очень близкую.

Однако у него не было никакой ясности — кто и зачем пытался убить эту женщину. Вот что страшно.

Он всегда обращался к ней на «вы» и по имени-отчеству, а тут сказал:

— Оля... ты ничего не бойся.

Ему показалось, что именно эти слова, а не вопросы о самочувствии, самые правильные.

Она всегда обращалась к нему на «вы» и по имени-отчеству, а тут сказала:

— Сережа... я не боюсь. Ты ведь меня уже однажды спас... И Нина...

«Еще не спас. Но обязательно спасу», — подумал Сергей.

— Оля, врач мне дал мало времени. А я должен тебя спросить... а ты должна вспомнить... ну... попытаться. Ты была в пассажирском терминале в тот день...

— Да, я уже говорила следователю... Я была... но я ничего особенного не заметила... — прошептала она.

— А как ты вообще там оказалась?

Она слабо улыбнулась:

— Я часто хочу к Рустаму... там самый вкусный кофе... Самый вкусный вообще в городе...

«Надо будет внимательно изучить, что происходило в те минуты, когда она просто сидела лицом к залу и пила кофе», — отметил для себя Дергачев, вслух же произнес:

— Ты сидела и смотрела в зал.

— Машинально... Я не приглядывалась...

— А потом появился директор, и ты спряталась за дерево. Почему?

Ольга смутилась.

— Я не хотела попадаться ему на глаза... Я не знала, как он отреагирует... В рабочее время я пью кофе в общем терминале... Хотя в нашем зале есть свое кафе и у нас в служебке есть хорошая кофемашина...

— И что? — не понял Сергей.

— Ну-у-у... — протянула она, явно испытывая неловкость. — Прежний директор бы и внимания не обратил, а нынешний... Он, мне кажется, любит, чтобы все было по протоколу... Чтобы каждый знал свое место и соблюдал свой статус... Он несколько раз о чем-то на эту тему говорил... Он бы не допустил, чтобы дежурные из общего терминала пришли в кафе нашего зала... И ему бы не понравилось, что я пришла в кафе общего терминала... Ну, мне так кажется...

— Понятно, — кивнул Дергачев. — А зачем ты... — он слегка запнулся, но продолжил: — подглядывала из-за дерева?

— Я ждала, когда директор уйдет. Мне надо было возвращаться... Я видела, как его чуть не снесла женщина с чемоданом... она колесом наехала на ботинок директора, и директору, по-моему, это сильно не понравилось, потому что у него ботинки из светлой замши... Хотя, наверное, вообще мог упасть, но его какой-то парень подстраховал...

Ольга не рассказала ничего принципиального — Дергачев и сам многое видел на записях. Ничего особенного не смогла вспомнить.

Заглянул врач, сказал строго:

— Заканчивайте свидание, больной надо отдохнуть.

— Да-да, — кивнул Сергей. Взял Ольгину ладонь — с тонкими, почти безжизненными пальцами, — и прижал к своим губам. Прошептал: — Ничего не бойся.

— Я не боюсь, — прошептала в ответ она и погладила пальцами его губы.

По дороге в аэропорт Дергачев позвонил Казику, разочаровал его отсутствием новой информации. Увы...

Около здания САБа встретил Гаврюшина.

— Ну как, Сергей Геннадьевич? — спросил Севастьян.

— Никак, — последовал ответ.

— Жаль, что Ольга Валерьевна — женщина, — с явным разочарованием констатировал Гаврюшин.

— Это еще почему? — не понял Дергачев.

— Потому, что есть одна идея... — с заговорщицким азартом заговорил старший лейтенант.

Только часа через два Сергей смог вернуться к видеозаписям, чтобы (как сам для себя определил) тщательно посмотреть по миллиметрам и по секундам. Начиная с того момента, как открылась дверь, соединяющая VIP-зал с общим терминалом, которой никогда не пользовались пассажиры, а только сотрудники, и появилась

Ольга Егорова. Он двигался маленькими шажочками, параллельно подключая записи с других камер, но пока не обнаруживал ничего более или менее интересного. Обычная жизнь аэропорта.

Он проследил, как Ольга зашла в кафе... взяла чашку кофе... села за ближайший к выходу из кафе столик лицом к залу... Пожалуй, у нее был довольно рассеянный взгляд — так смотрят «вообще», но не приглядываются и не сосредотачиваются. Не случайно она считала, что ничего особенного не заметила.

А Дергачев заметил — парня в дымчатых очках с наброшенным на голову капюшоном просторной черной куртки. У парня не было никакой сумки, он неспешно прохаживался с видом встречающего, засунув руки в карманы. Это был тот самый парень, на которого налетел директор под натиском женщины со здоровенным чемоданом. На мгновение парень выпростал ладони, придерживав спину директора, и снова сунул их в карманы куртки. Ничего особенного. Но что-то зацепило глаз Дергачева. Он остановил кадр, максимально увеличил его и... Одна рука, почти полностью скрытая под слишком длинным рукавом, просто скользнула по плащу директора, но другая, которая придерживала директора за спину, проявилась в кадре достаточно отчетливо.

Сергей готов был поспорить, что это была женская рука! Узкая ладонь с тонкими пальцами. Он содрогнулся: почти такими же тонкими пальцами, как у Ольги.

«Это никакой не парень, — произнес он мысленно. — Это женщина, которая очень хорошо прикинулась мужчиной». И тут же (совершенно машинально) вспомнил: возраст можно скрыть разными ухищрениями, но единственное, что всегда выдает, — руки.

Зачем женщине гримироваться мужчиной? Вот в этом, в данном, случае? Затем же, зачем преступник надевает маску. Чтобы остаться неузнанным, чтобы

сбить с толку, чтобы совершить преступление и не пасться. Все просто до банальности.

Дергачев почти не удивился тому, что увидел дальше.

Вот Марадинский быстрым шагом огибает колонну у лестницы, ведущей в цоколь, и спускается вниз. Почти следом у колонны оказывается переодетая женщина и — исчезает из видимости. Она явно прошла вдоль ограждения в цоколь там, где мертвая зона для камер. А потом женщина вновь появляется около колонны, но обнаружить ее можно, только если специально искать, потому как уже скопились встречающие питерский рейс, и она буквально растворилась в толпе. Через несколько минут женщина вышла на полную машин и людей при вокзальную площадь и села в рейсовый автобус.

Дергачев подумал: именно эта женщина убила Марадинского, именно эта женщина пыталась убить Ольгу, потому что Ольга увидела нечто, чего не должна была видеть и о чем не может вспомнить.

Но!..

Выпадала какая-то деталь. Очень важная деталь, без которой рассыпалась вся конструкция.

Сергей откинулся на спинку кресла и закрыл уставшие от долгого просмотра видеозаписей глаза. А когда их открыл, все понял. Ну, пусть не все, но многое. Пусть это было не столько понимание, сколько предположение. Однако оно было логичным. Сергей подумал о дерзкой идее старлея Гаврюшина и набрал номер полковника Купревича.

ГЛАВА 29

Все оказалось именно так, как и предупреждал Дергачев: Татьяна Ивановна Тимина, начальник службы управления персоналом (а по-простому — главная кадровичка), всецело проявила себя занудой, буквоедкой

и перестраховщицей. Она разговаривала, поджав губы, строго и непреклонно.

— Полагаю, вы знаете про закон о защите персональных данных?

— Знаю, — подтвердил Купревич.

— И вы хотите, чтобы я, исключительно по вашей просьбе, предоставила «личное дело» Ольги Валерьевны Егоровой. При том, что у нас подлежат строгой охране персональные данные всех сотрудников аэропорта, а уж персональные данные руководящего состава — с особой тщательностью.

— Да, я бы очень хотел, чтобы вы выполнили мою просьбу и предоставили, — вновь подтвердил Купревич.

Татьяна Ивановна посмотрела на него с возмущением приличной женщины, которой предложили публично сделать нечто неприличное.

— Вы же представитель правоохранительных органов! — гневно воскликнула она.

— Совершенно верно. Я представитель правоохранительных органов, который расследует убийство в вашем аэропорту. И вы прекрасно понимаете: на то, чтобы официально оформить запрос, требуется время. Да, в данном случае незначительное, но у меня и его нет. Вот поэтому я пришел к вам с просьбой.

Полковник старался говорить спокойно и даже с некоторой интонацией любезности. Хотя препирательство длилось уже минут двадцать, начинало смахивать на сказку про белого бычка и вполне могло вызвать раздражение.

— И вообще, при чем здесь Егорова? — фыркнула главная кадровичка.

— А вот это уже вас не касается. — Купревич решил сменить тон на более суровый. — А ваше нежелание сотрудничать вполне смахивает на воспрепятствование следствию.

Тут он, конечно, малость блефовал, однако на перестраховщицу Тимину неожиданно подействовало. Она хоть и была буквоедкой и строгой охранительницей закона о персональных данных, однако отнюдь не во всех юридических тонкостях разбиралась, поэтому совершенно очевидно напряглась.

— Я вовсе не воспрепятствую! — произнесла она нервно. — Я просто выполняю свои служебные обязанности.

— Конечно, конечно, — снова подобрел полковник. — Но, может, вы, опытный специалист, подскажите приемлемый вариант? Чтобы мы смогли все решить быстро и без проблем для вас?

Тимина, которая тоже малость подобрела от признания, что она опытный специалист, поводила глазами, вздохнула:

— Ну хорошо. Я готова вам предоставить «личное дело», если получу соответствующее распоряжение генерального директора. Но только в письменном виде! — подчеркнула она.

— Отлично! — отреагировал Купревич. — Позвоните, пожалуйста, сейчас генеральному директору.

Тимина недовольно поморщилась:

— А почему это не сделаете вы?

— Я могу. Но... мне кажется, — заметил полковник, — вы в этом вопросе главная. Поэтому лучше вы, а я готов буду Валерию Леонидовичу дать все пояснения. Хотя если хотите... позвонить могу и я.

Тимина несколько секунд подумала, видать, сглатывала признание своего главенства и ткнула длинным ногтем в клавишу селектора.

— Слушаю вас, Татьяна Ивановна, — откликнулся Огородов по громкой связи.

— Валерий Леонидович, полковник Купревич просит, чтобы я ему дала «личное дело» Ольги Валерьевны

Егоровой, — с некоторой осторожностью произнесла Тимина. — А я сказала, что либо пусть сделают официальный запрос, либо...

— Зачем ему «личное дело»? — перебил директор.

— Я готов вам пояснить при встрече, — придвинулся к микрофону Купревич.

— А-а-а... Олег Романович! Вы там?

— Да, я здесь. Татьяна Ивановна готова дать «личное дело», если вы в свою очередь дадите разрешение.

— Мне нужно письменное разрешение! — вклинилась Тимина.

— Подготовьте нужные материалы, Татьяна Ивановна, вы получите мое письменное разрешение, — распорядился Огородов и добавил: — А вам, Олег Романович, не сложно будет зайти ко мне в кабинет?

— Не сложно, — ответил Купревич.

Через несколько минут он спустился с четвертого этажа, где обитали кадровики, на второй, где располагался временный штаб, положил в стол «личное дело» Егоровой и поднялся на третий этаж в кабинет Огородова. Как говорится, все в одном месте.

Директор с подчеркнутой любезностью указал на кресло около журнального столика, сел тут же напротив, предложил чай-кофе. Полковник отказался.

— Поймите, пожалуйста, правильно, Олег Романович, наша Татьяна Ивановна очень ответственный человек.

— Понимаю, — кивнул Купревич. — Но и вы меня поймите... Я, конечно, должен был все сделать официально, но посчитал, что вполне можем обойтись без особых формальностей.

— Конечно. — согласился с необходимостью общего понимания Огородов и спросил: — А позвольте поинтересоваться, если это, конечно, не тайна следствия: зачем вам «личное дело» Ольги Валерьевны? Это же всего лишь официальные бумаги.

— Ну... это действительно тайна следствия, — после некоторой заминки произнес полковник. — Но вам некоторые сведения сообщить могу. У нас есть основания полагать, что покушения, — а их все-таки было два, нападение на Егорову около дома мы теперь не считаем случайностью, — непосредственно связаны с убийством в аэропорту. Скорее всего, она стала невольным свидетелем чего-то, что может прояснить это преступление.

— Да неужели? — удивился директор.

— Мы так считаем. Но... — Купревич развел руками. — Она ничего не может вспомнить.

Директор посмотрел разочарованно:

— Однако есть весьма хороший шанс. Его предложил наш эксперт психолог Казик. Он хочет провести сеанс гипноза. Казик уверен, что информация заложена в подсознании Ольги Валерьевны, и с помощью гипноза эту информацию удастся извлечь.

— Да неужели?! — повторил Огородов не просто удивленно, а прямо-таки изумленно.

— Вот именно. Однако это дело непростое, по мнению Аркадия Михайловича, нужна специальная подготовка. Перво-наперво он пытается составить некий психологический портрет Ольги Валерьевны. Естественно, мы собрали определенную информацию, но Казик попросил еще и «личное дело», хочет посмотреть написанную ею автобиографию и прочие сведения — так сказать, для полноты картины и, соответственно, максимального успеха сеанса.

— Очень интересно... Даже в некотором смысле оригинально... — оценил директор.

— Ну, оригинальности у нашего эксперта хватает, — согласился полковник. — Мы полагали, свой сеанс он проведет в больнице. Однако Казик категорически против. Дескать, больница — не то место, где человек может полностью расслабиться... и тому подобное. Настоял,

чтобы сегодня вечером мы перевезли Ольгу Валерьевну к ней домой, где она приведет себя в порядок, успокоится, выспится не на больничной койке, а на привычной кровати... В общем, окажется в родных стенах, которые, как известно, помогают. А утром Казик планирует провести свой сеанс. Ну а после опять увезем Ольгу Валерьевну в больницу долечиваться.

— Минуточку, — насторожился директор. — Но ведь в больнице вы ее охраняете, а дома... это же может быть опасным.

Полковник рассмеялся.

— Неужели вы думаете, мы Ольгу Валерьевну оставим без пригляда? Выставим охрану у ее квартиры, возьмем под наблюдение территорию вокруг дома. Тут проблем не возникнет. А если у Казика все получится, мы сильно продвинемся в расследовании. Казик уверен, что все получится.

— Удачи! — пожелал директор. — Если от меня нужна будет какая-то помощь, обращайтесь.

— Помощь нужна только одна, — сказал Купрович. — Разрешите на некоторое время отлучиться с работы Нине Григорьевне Кондаковой. Мы хотим ее попросить привести в порядок квартиру Ольги Валерьевны. Там все-таки побывало достаточно людей, натоптали, что-то испачкали...

— Никаких проблем, — заверил Огородов.

Через полчаса к дому Егоровой подъехала машина, из которой выгрузили приспособления для уборки, а также небольшую стремянку, одетые в рабочие комбинезоны Кондакова и девушка.

— В двух квартирах на этаже никого нет, все на работе, — сказала девушке Нина Григорьевна. — Дома могут быть только старики, которые живут напротив, но я их отвлеку, зайду к ним малость поболтать.

Старики, однако, тоже отсутствовали, и девушка без помех установила в зазор около электрощитка крошечную видеокамеру, направленную на дверь Егоровой. С самой двери она сняла ленту, которая печатывала квартиру. Последующие два с половиной часа Нина Григорьевна занималась уборкой, а девушка устанавливала по всей квартире камеры, регулярно с кем-то связываясь и уточняя детали.

Через полтора часа после отъезда Кондаковой группа наружного наблюдения передала сигнал готовности — к подъезду подошел парень в черной куртке с длинными, почти полностью закрывающими ладони рукавами, с надвинутым на голову капюшоном и в дымчатых очках. Парень быстро, через ткань рукава, набрал подъездный код, точно так же, через ткань, открыл дверь.

Трое омоновцев, с утра засевшие в квартире Кондаковой, мгновенно отодвинули чашки с недопитым бульоном и блюдо с заботливо приготовленными Ниной Григорьевной пирожками.

Судя по тишине в лифтовой шахте, парень отправился на нужный этаж по лестнице. (Это было самым опасным моментом, причем для всех, — несмотря на рабочее время, кто-то из жильцов вполне мог тоже оказаться на лестнице, но, к счастью, обошлось.) Перед последним пролетом парень остановился, огляделся, прислушался и едва ли не принюхался. После чего, буквально в два прыжка одолев ступеньки, оказался у двери Егоровой и, еще раз внимательно оглядевшись, а также надев перчатки, дважды позвонил в звонок. Ответом была тишина. В считанные секунды парень открыл дверь неким подобием отмычки и закрыл ее за своей спиной.

В квартире у входа лежал коврик, обработанный специальным составом, который должен был оставить на подошвах невидимые простому глазу следы. Однако

тайный гость проявил исключительную предосторожность: перешагнул коврик, аккуратно встав на ламинат, вытащил две пары плотных бахил, натянул их на ботинки, после чего вынул из кармана куртки полиэтиленовый пакет с тряпочкой и тщательно протер место, куда ступил без защиты.

Парень быстро и тихо обошел квартиру и направился в спальню. Аккуратно откинул край покрывала и приподнял толстый матрас, лежащий на деревянных кроватных рейках. Расстегнул молнию матрасного чехла, не снимая с плеча сумки, вытащил плоскую коробочку с проводками и с особой осторожностью положил ее между чехлом и нижней частью матраса. После чего вновь все привел в первоначальный вид.

«Взрывчатка, — сказал наблюдавший через видеокамеры за происходящим в квартире Купревич. — Похоже, достаточно просто сесть на кровать, и все взорвется».

«Работаем», — отдал команду находившийся рядом ОМОНовский майор.

Парень подошел к двери, посмотрел в «глазок», прислушался и выскользнул на площадку. И тут же почувствовал, как чьи-то крепкие руки безжалостно швырнули его лицом на кафельный пол...

ГЛАВА 30

В принципе все уже было готово накануне, но надо было дожидаться понедельника. Неугомонный Севастьян Гаврюшин подсказал пусть не слишком оригинальную, но эффективную идею — устроить провокацию. Хитроумный Казик придумал аж целых три сценария. Сработал самый первый, поддержанный Дергачевым, который уже успел столкнуться с занудной перестраховщицей Тиминой — она согласилась допустить начальника

САБа к «личным делам» его же сотрудников, предварительно выдав целый ряд инструкций и заставив подписать несколько документов.

И в субботу, и в воскресенье Сергей ездил к Ольге, держал ее ладошку в своей руке, и она не пыталась высвободиться, что-то рассказывал о своей жизни, а она о своей, на вопросы о делах отвечал туманно, но она не настаивала на подробностях. Сам Сергей ничего по делу у Ольги не пытался выяснить — это уже было без надобности. Все уже было и так ясно. Еще в пятницу вечером, когда Сергей делился своими соображениями с Купревичем и Казиком.

— Вот видите. — Дергачев увеличил кадр. — Это женская рука.

— Да, — согласился Купревич. — Наши спецы уже обратили внимание на этого парня, но женскую руку не заметили. Он, пусть пока будет «он», приехал в аэропорт на обычном автобусе, потолкался в терминале, затем вышел на привокзальную площадь и уехал опять-таки на обычном автобусе. Никуда не улетал, никого не встречал, спрашивается: что тут делал? Но при этом на несколько минут исчезал из камер. Почти тогда же, когда Марадинский спустился в туалет.

— Там оказалась мертвая зона. По обе стороны от лестницы в цоколь, вдоль ограждений. Примерно метр шириной. Я, когда начал работать, проверял видеокамеры, но на эту зону не обратил внимания, — досадливо произнес Дергачев.

Полковник отмахнулся:

— Женщина переоделась мужчиной, закрыла голову капюшоном, нацепила очки, прекрасно зная, что попадет под видеокамеры...

— О том, что в аэропортах полно камер, знают все, — вставил Казик.

— Но не все знают, что камеры не захватывают цокольный этаж и что даже в том месте, где захватывают, есть мертвая зона, — строго сказал полковник. — Если про цокольный этаж могли знать разные сотрудники, включая уборщиц, то про мертвую зону не знал даже начальник САБа.

— Не успел еще узнать, — вновь встрял Казик.

— Но с камерами работают именно его подчиненные, и никто другой. Так, Сергей Геннадьевич?

— Так, — подтвердил Дергачев.

— И чего не успел узнать новый начальник, вполне могут знать старые сотрудники. Только САБовцы, да и то не все, и замдиректора по безопасности имеют полную схему камер. И только кто-то из них проинструктировал преступника. То есть преступницу. Верно? — спросил Купревич Дергачева.

— Не верно, — решительно заявил тот. — Доступ к схеме есть у генерального директора. И ему также предоставили все записи, которые передали в первый же день полиции. И... смотрите...

Если бы Сергей не «поймал» женскую руку, он бы упустил этот кадр — мгновенный, но одновременный. Директор отшатнулся под натиском женщины с чемоданом, колыхнулись полы его распахнутого плаща, стоящий сзади парень одной рукой придержал директора за спину, а другой скользнул в карман плаща и тут же выдернул полностью скрытую длинным рукавом куртки ладонь.

— Действует, как ловкая карманница, — заметил полковник. — Но не видно, что вытащила.

— Я думаю, нож, — сказал Дергачев. — И я, кажется, знаю, как Огородов его пронес в терминал.

Он быстро отмотал запись назад — до того места, как в VIP-зал зашел директор. Огородов был одет в плащ, который на входе снял и перебросил через руку, парал-

лельно вытащив из кармана телефон, по которому то ли ему позвонили, то ли он сам принялся звонить. У рамки металлоискателя притормозил, продолжая шевелить губами в трубку, скинул плащ на стол досмотра, договорил и, положив рядом телефон, прошел через рамку. После чего подхватил телефон с плащом и двинулся в сторону двери, отделяющей VIP-зал от пассажирского терминала. Перед самой дверью сунул телефон в карман пиджака и вновь надел плащ.

— Вот так он пронес нож. В кармане плаща. Никому не пришло в голову проверять плащ генерального директора, — вынес заключение Дергачев. — А потом преступник ловко достал этот нож из кармана.

— Причем женщина, которая в нужный момент толкнула Огородова, — просто случайность. Преступник и без нее вытащил бы нож, — добавил Казик.

— Н-да-а... Мы рассматривали самые разные варианты, а все достаточно просто, — оценил Купревич. — Если, разумеется, мы не ошибаемся...

В голосе полковника Сергей уловил сомнение и разгорячился, хотя сроду не считал себя человеком горячим — напротив, достаточно хладнокровным.

— Ну ведь это очевидно: на Ольгу Валерьевну покушались потому, что решили, будто она видела то, что не должна была видеть! — заговорил он напористо и даже яростно. — А как это узнали? Только из видеозаписей! С самого начала записи получили полицейские, я и Лавронин. Почти тут же их потребовал Огородов. Мы тогда с Юрием Александровичем не удивились: директор любит все контролировать. Но, по большому счету, он что, собирался контролировать работу полицейских? Нет, он собирался проверить, все ли у него самого прошло гладко. И вот тогда он обнаружил Ольгу Валерьевну в кафе, увидел, что она пряталась за деревом, увидел, что она смотрела на него

в тот самый момент, когда его подельник... подельница вытаскивала нож. Пусть нож рассмотреть невозможно. Пусть! Но саму эту спецоперацию рассмотреть можно! А потом сложить «два» и «два». Ольга Валерьевна совершенно очевидно пряталась и следила за Огородовым, но он же не знал, что она пряталась потому, что не хотела попадаться ему на глаза, а следила потому, что ждала, когда он уйдет. Ну да, она заметила, как директора толкнула чемоданом какая-то женщина, а директор толкнул какого-то парня. И все! Ничего другого она не разглядела! И когда ее в первый же день вызывали на допрос... ну, пусть на беседу... Марадинский ведь был постоянным клиентом VIP-зала... она вообще об этом кафе слова не сказала, значения не придавала. Но Огородов испугался и решил подстраховаться. Чтобы уже ничего не сообразила и никогда больше слова не произнесла!

Сергей замолчал и вдруг испытал неловкость. Чего раздухарился? Серьезное дело требует взвешенности и холодного разума.

— Я вот только понять не могу, — сбавил он резко тон. — Почему Огородов ждал четыре с лишним дня? Марадинского убили в четверг, а на Ольгу Валерьевну напали в понедельник поздно вечером.

— Здесь могут быть разные причины, — спокойно сказал полковник. — Во-первых, Валерий Леонидович мог не сразу изучить записи. Во-вторых, нужно было время на подготовку. Мы ведь не знаем: кто та женщина, откуда она, как они между собой взаимодействовали... Совершенно очевидно, и Марадинского убила, и на Ольгу Валерьевну покушалась одна и та же женщина. Ну не гарем же киллерш у Огородова? А Ольга Валерьевна никак себя не проявляла... в опасном плане... но могла и проявить. Поэтому вы правы, Сергей Геннадьевич, требовалась подстраховка.

— Зачем понадобилось избавляться от Ольги Валерьевны, в общем и целом понятно, — подал голос Казик. — Есть, однако, наиглавнейший вопрос: зачем в принципе понадобилось убийство в аэропорту? Причем не кому-нибудь, а генеральному директору?

— И что мы вообще можем предъявить генеральному директору? — подчеркнул Купревич. — У нас есть догадки, логические выводы, и вполне разумные, но нет ни одного доказательства. Вообще ни одного! Не говоря о том, что мы понятия не имеем не только где и как искать эту киллершу, но даже как она приблизительно выглядит.

И тут Дергачев вспомнил про Гаврюшина, который заявил: жаль, что Ольга Валерьевна — женщина. Сергей удивился: почему? А потому, загорелся азартом старший лейтенант, что, если человека пытались убить дважды, значит, очень нужно, а если дважды произошла осечка, то обязательно попытаются это сделать в третий раз. Но когда и как это произойдет? Так вот отличный способ — устроить провокацию! Взять на живца! И если бы на месте Ольги Валерьевны был мужчина, он, Севастьян Гаврюшин, предложил бы в качестве живца — себя.

— Нужно устроить провокацию, — сказал Дергачев. — Не знаю — как, но нужно выманить киллершу.

— Пожалуй... — кивнул Купревич.

— Я надеюсь, вы не собираетесь использовать Ольгу Валерьевну? — всполошился Казик.

В воскресенье днем операция-провокация была полностью подготовлена. Пришлось посвятить в некоторые детали Кондакову. Без нее было бы весьма сложно провести незаметно в квартиру Ольги женщину-офицера из техотдела, а также найти место для засады группы захвата. Сергей нисколько не сомневался в готовности

Кондаковой помочь, однако опасался, насколько яростная Нина Григорьевна сумеет сохранить выдержку. Кондакова, однако, с ходу проявила себя как четкий, дисциплинированный, практически образцовый командный игрок. Единственное, о чем заявила непреклонно: если в ее квартире будет сидеть группа захвата, то она приготовит для них еду. «Голодные мужики — ненадежные бойцы». Купревич при этих словах хмыкнул, а Казик посмотрел на Нину Григорьевну почти с нежностью.

К вечеру воскресенья поступила аналитическая записка, в том числе от московских спецов, составленная прежде всего на основе данных, которые передал Никита Старчук. Дергачев плохо разбирался в тонкостях бизнес-схем, но понял главное: «АвиаАльянс» затевает какую-то крупную и очень хитрую аферу, где козырь — аэропорт. А основной исполнитель — генеральный директор Валерий Леонидович Огородов.

— Деньги любят тишину... А денежные аферы еще и густой туман... И совсем не любят громкие скандалы у всех на виду... — задумчиво произнес Купревич.

— В данном случае это не совсем так. В данном случае это чистая психология. Уверяю вас, — сказал Казик.

ГЛАВА 31

— Мы задержали Ларису Николаевну Мальцеву.

Полковник Купревич внимательно посмотрел на генерального директора Огородова, но тот весьма натренированно выдержал взгляд. Только чуть приподнял брови в знак не слишком волнующего удивления.

— А кто это?

— Киллер, которую вы наняли для безадресного убийства в аэропорту и вполне адресного убийства Ольги Валерьевны Егоровой.

— Чушь какая! — На лице Огородова отразилось не, казалось бы вполне естественное, возмущение, а брезгливость. — Я не могу это воспринимать серьезно.

— Напрасно, — вполне миролюбиво сказал Купрович. — Мальцева оказалась достаточно разумной. Ей вполне хватило результатов анализа крови, которую она совершенно случайно оставила на сумке Егоровой, видео в аэропорту, на котором с помощью специальной программы удалось все же восстановить ее загромированную внешность, а самое главное — ее поймали на месте преступления, когда она пыталась подложить взрывчатку в кровать Егоровой. На этом фоне попытка отравить сок в квартире Егоровой, что, признаюсь, доказать будет сложно, — всего лишь дополнительная деталь. В общем, Мальцева подписала признательные показания.

— Вы поймали преступницу. Но при чем здесь я?! — на сей раз возвысил голос Огородов.

— При том, что она пошла на сделку со следствием. Конечно, лучше быть убийцей-одиночкой, нежели наемным киллером, однако Мальцева явно не захотела, чтобы мы копались в ее прежней жизни, поняла, что это выйдет дороже, нежели дать показания на вас. Тем более, что мы ей весьма внятно показали связь с вами.

Связь с ним... Вообще-то она началась весьма благородно. Просто однажды Валерий Леонидович не прошел на улице мимо старика, у которого прихватило сердце, вызвал «скорую», позвонил его внучке — в общем, поступил как приличный человек. А спустя некоторое время оклемавшийся старик, которого звали Иннокентием Сергеевичем, и его внучка Лариса зазвали Огородова в гости. Благодарили, даже денег предлагали, обещали при надобности оказать максимальную помощь, однако он вновь повел себя как приличный человек — благо-

дарность принял, от денег отказался, а на обещанную помощь отреагировал вежливым, но равнодушным «спасибо». Чем они могли пригодиться? Да ничем.

Уже на улице его нагнала Лариса. Спросила:

— Вы, Валерий Леонидович, наверняка решили, будто мой дед — обычный старик, а я — обычная девица?

Огородов что-то невнятное пробормотал — дабы опять-таки выглядеть приличным человеком.

— Мой дед в девяностых годах был, как говорится, широко известен в узких кругах. В криминальных, — уточнила Лариса. — Он решал проблемы... Только были решалы мелкие, средние и крупные. Так вот дед был из о-о-очень крупных. При этом дед никогда не сидел и даже не привлекался. Высший пилотаж!

— И вы мне вот так открыто об этом рассказываете?! — изумился и даже несколько испугался Огородов.

— А чем я рискую? — усмехнулась девушка. — Вы в полицию пойдете? С чем?

— Да никуда я не собираюсь идти... Просто не ожидал... Даже растерялся, — признался он.

Лариса удовлетворенно кивнула.

— Дед от всяких дел давно отошел. Возраст... да и сердце... Но я — при делах. — Она помолчала и добавила: — Причем я специализируюсь на радикальном решении вопросов. — Вновь помолчала и спросила: — Вы меня поняли?

Огородов понял. Настолько ясно и конкретно, что аж в голове полыхнуло. С такими людьми он никогда не сталкивался, о них (причем без имен и фамилий) он только слышал, когда сообщалось о каком-то явно заказном убийстве.

— Очень хорошо, что вы меня поняли, — улыбнулась Лариса. — Вы спасли моего деда, у меня, кроме деда, никого нет, он меня вырастил, поэтому... В общем, всякое может случиться... Обращайтесь.

И они расстались. Валерий Леонидович думал — навсегда. Подобное знакомство его отнюдь не прельщало. Необходимость в услугах Ларисы представлялась из области фантастики, причем с элементами триллера.

И вот случилось...

Да, повезло, что дядя жены порекомендовал его новым владельцам Губернского аэропорта. Но он заслужил должность генерального директора! Собственными стараниями заслужил! В какой-то момент Валерий Леонидович, что называется, воспарил, однако довольно быстро сам себя опустил на землю. Если мощный «АвиаАльянс» поставил на аэропорт человека не из своей структуры, а со стороны, значит, на то есть свои резоны. И свои требования. Эти требования были озвучены. В них не было ничего, выходящего за рамки, кроме одного, но именно оно и было главным.

В течение ближайших месяцев предстояло реализовать крупную финансовую сделку под инвестиционный проект, связанный с модернизацией аэропорта. Участников проекта должен был, конечно, определить тендер, однако кто не знает, как проводится большинство тендеров? Задача с заранее известным ответом. Под этот проект аэропорту предстояло взять большой кредит. Реализация проекта планировалась на пять лет, кредит можно было брать частями, под конкретные этапы (и банки охотно бы давали, с учетом хороших экономических показателей авиапредприятия), но его нужно было получить сразу и в полном объеме. Под это предлагался залог в виде большого участка земли.

В девяностых годах, когда аэропорт полностью принадлежал государству, землю зарезервировали с учетом перспективы строительства второй взлетно-посадочной полосы. До строительства дело так и не дошло, но в процессе приватизации земля стала собственностью аэропорта, до недавнего времени оставаясь главным об-

разом государственной собственностью, а вот теперь, после продажи, — полностью перешла «АвиаАльянсу». В принципе этот участок напоминал чемодан без ручки: примыкающий непосредственно к аэропорту, он был малоперспективен для жилищного или коммерческого строительства (слишком много ограничений, да и кому нужно обитать в непосредственной близости от аэродрома?), однако же находился в черте города и потому не был лишен определенных перспектив.

Конечно, напрямую Огородову никто ничего не говорил. Но понять дали вполне ясно: кредитные деньги предстояло направить на счета ряда фирм-исполнителей, а уж куда и кому эти деньги уйдут потом, Валерия Леонидовича не должно волновать. Юридически все будет оформлено, как полагается, даже самые строгие законники ни в чем не смогут обвинить генерального директора. И пусть ищут, через какие каналы эти деньги утекли в мировой финансовый океан. Огородов не знал, но вполне себе представлял, насколько придуманная схема разветвлена и многослойна.

А что он лично получал взамен? Отнюдь не мало. Во-первых, премию, которая позволяла купить в Москве весьма приличную квартиру в весьма приличном месте. Это было особо актуально в связи с намерением сына поступать в столичный вуз. Во-вторых, обещание года через два получить высокую должность в головном офисе «АвиаАльянса». Так что со своими кредитными заботами аэропорт разбирался бы уже без него.

Но!.. Возникла проблема, и ее надо было решать радикально.

Он полетел к себе домой — на выходные, повидаться с семьей. Вполне благовидный предлог. На самом деле ему нужна была Лариса.

Разумеется, он не объяснял ей причину, да она и не спрашивала. Лишь уточнила:

— Значит, я просто должна кого-то убить в аэропорту? Неважно кого?

— Только не старика, не женщину и не ребенка.

— Я не изверг, — поморщилась Лариса.

А дальше они обсудили детали.

Лариса сама определила транспортный маршрут — на самолете через соседний город, а потом до Губернска на автобусе и таким же образом назад. Связь они держали по закрытому каналу через бесплатный вай-фай в общественных местах. Огородов предупредил, что весь пассажирский терминал под камерами, и Лариса предусмотрительно переоделась мужчиной, однако Валерий Леонидович, тщательно изучив схему камер, нашел-таки скрытую зону. Огородов пронес нож, который Ларисе предстояло вытащить у него из кармана, и все получилось даже лучше, чем ожидалось, благодаря тетке с чемоданом, которая чуть не сбила с ног директора.

Они все продумали до мелочей, но вдруг оказалось, что именно в мелочах кроется дьявол.

Ну кто мог ожидать, что случайной жертвой окажется именно Эдуард Борисович Марадинский — партнер аэропорта, с которым у директора за несколько дней до того произошел, по сути, конфликт? Спрашивается, какой черт занес его, постоянного клиента VIP-зала, в общий терминал?

Ну кто мог ожидать, что возникнет Егорова, которая будет прятаться за деревом, следить за директором в тот самый момент, когда Лариса вытаскивала из кармана плаща нож? Спрашивается, какой черт занес ее, начальницу VIP-зала, в общий терминал? И ведь Валерий Леонидович обнаружил ее не сразу, лишь вечером следующего дня, в пятницу, когда прилетела московская бригада, а он так, на всякий случай, решил проверить видеозаписи.

Егорова оказалась совершенно неожиданной проблемой. И прежде всего потому, что непредсказуемой. Она ничего не сообщила следователям. И тут было два варианта. Либо она решила воспользоваться информацией для своих личных целей, и самое очевидное — шантаж, либо она не придавала значения увиденному, но в любой момент могла все сообразить. Он тут же связался с Ларисой, которая успела вернуться домой.

— Нельзя рисковать, вопрос надо решать радикально, — сказала Лариса и уже в воскресенье появилась в Губернске.

Огородов легко узнал, где живет Егорова, и в понедельник вечером под совершенно благовидным предлогом задержал ее на работе допоздна. План был простой: нападение обычного грабителя. Но все сорвалось из-за собачонки, выскочившей в самый неподходящий момент. Да, Лариса обнаружила, что слегка поранила руку, но решила, что зацепилась за куст, когда убегала от агрессивной псинки. Огородов ждал, что Егорова обратится в полицию, но она обратилась только к Дергачеву из-за потерянного пропуска, который оказался у Ларисы и который та выбросила в кусты метрах в трехстах.

Когда именно Лариса проникла в квартиру Егоровой и подсыпала яд, Огородов не знал, но, по идее, в среду начальницу VIP-зала должны были найти мертвой. Однако она появилась на работе живой и здоровой, вызвав у Валерия Леонидовича настоящее изумление. Впрочем, в мимолетном разговоре с администратором VIP-зала он выяснил, что Егорова провожает на рейс родителей, с которыми приехала из города. Но утром в четверг московский следователь, предварительно вытянув всю душу выяснением отношений директора аэропорта с Марадинским, проинформировал, что Егорова в больнице. Пусть совсем не здорова, но жива. И это уже вызвало настоящее смятение. Заговоренная она, что ли?

— Мы устроили вам провокацию. Нашли хороший повод сообщить, что на ночь увезем Егорову домой, а утром Аркадий Михайлович проведет сеанс гипноза. — Купревич кивнул в сторону Казика, который сидел у стеночки с видом нахохлившегося попугая. — И вы, к счастью, правильно отреагировали.

Правильно отреагировал!.. Самым идиотским образом отреагировал. Повелся на провокацию, как последний дурак. Впрочем... Он привык все тщательно обдумывать и взвешивать, а тут времени не было совсем. И он был уверен, что вне всяких подозрений.

Валерий Леонидович внутри весь бурлил от ярости, но внешне «держал лицо»: спокойное и уверенное. Вот мгновенно делать соответствующее лицо, зажимать в кулак эмоции он как раз умел. Особенно в критические моменты. А сейчас был, пожалуй, самый критический момент в его жизни.

— Да, я правильно отреагировал, — подтвердил он. — Вы, судя по всему, обманули меня с «личным делом» Егоровой, а я обманулся и разрешил вам его предоставить.

— Нет, — покачал головой Купревич. — Совсем другое. Вы срочно поехали в город, чтобы связаться с Мальцевой. Мы за вами проследили, на всякий случай даже «жучок» под вашу машину подложили. Свой основной телефон вы оставили в кабинете, а с собой взяли резервный, тот, с которого разговаривали с Мальцевой, обычно он у вас выключен, но есть деталь — у него несъемный аккумулятор, а потому он всегда был пусть в глубоко спящем, однако в действующем режиме. И то, что именно он всегда находился рядом с вами, мы докажем.

Черт подери! Валерий Леонидович всегда считал, что хорошо разбирается в гаджетах, но вот о такой детали, о несъемном аккумуляторе, даже не подумал. Впрочем,

с Ларисой он разговаривал через мессенджер, пусть попробуют что-нибудь доказать.

— Вы доехали до бизнес-центра «Радуга», — продолжил полковник, — сели в кафе, где есть бесплатный вайфай, и за чашкой кофе переговорили с Мальцевой. Разумеется, выбрали столик, чтобы рядом никого не было, и говорили тихо. Но мы все слышали. Когда вы кофе заказывали, мимо прошла женщина и не менее ловко, чем Мальцева у вас из кармана нож вытащила, прилепила к столешнице вашего стола «жучок». Так что вот ваш разговор дословно. — Купревич взял со стола лист бумаги, поправил очки, принялся читать: — «Ее сегодня привезут вечером домой. Чтобы она переночевала дома. А утром с ней будет работать гипнотизер. Постарается у нее из головы вытащить, что она видела. Они уверены, что она все видела. Да. Да. Кстати, днем к ней поедут, может, уже поехали делать уборку. Разумеется, не останутся».

Валерий Леонидович никогда не играл в карты. Вообще в них ничего не понимал. Но ему нравился покер. Не как игра, а как принцип — когда многое зависит от того, насколько человек умеет владеть собой, блефуя или просто поймав удачу. Он никогда не учился покеру, но учился вот этому умению — ни взглядом, ни жестом, ни вздохом не показывать то, что есть на самом деле. Игрок, впадающий в панику, почти наверняка проигрывает. Игрок, умеющий хорошо блефовать, может выиграть даже с самыми слабыми картами.

— В том, что вы мне зачитали, нет ни имени Егоровой, ни малейшего намека на ее убийство. — Огородов даже позволил себе легкую улыбку. — Полагаю, у вас нет сомнений, что я никого не убивал и даже не пытался. И все, что заявляет ваша Мальцева, — это всего лишь ее слово против моего. У вас нет ни одного доказательства моей причастности ко всему этому. А са-

мое главное — у вас нет объяснения: зачем мне, новому генеральному директору, который, не скрою, хочет показать себя с наилучшей стороны, понадобилось устраивать убийство в своем аэропорту. Какой у меня мотив?

— Психологический. Чисто психологический, — подал голос «толстый попугай». — Вам надо было доказать новым владельцам, что вы человек, способный во что бы то ни стало решить поставленную задачу. То есть имеющий высокую цену.

— Посмотрите. — Полковник вынул из ящика стола и придвинул к Огородову несколько бумажных листов. — Пробегите глазами, хотя вряд ли найдете тут для себя нечто новое. Здесь все основное, что касается намечающейся сделки, ради которой аэропорт собирается взять крупный кредит. Сделки совершенно мошеннической, которую, надо признать, планируется провести почти филигранно. Ну мы так думаем... Вот здесь, — полковник прихлопнул ладонью листы бумаги, — только самый верхний слой. Со всеми другими слоями уже начали разбираться соответствующие службы в Москве. Но и этот весьма показательный. Наши специалисты кое-что успели проверить, хотя главную работу сделал все-таки совершенно другой человек...

Купревич замолчал, уставился в глаза Валерию Леонидовичу, и тот почувствовал, как бетонный панцирь, в который он упаковал свою выдержку, свое хладнокровие, свою решимость вести игру до конца, вдруг начинает обваливаться.

— Это дела новых владельцев. Я лишь должен выполнять их поручения, — произнес Огородов, мысленно стараясь ухватиться за обломки панциря. — Но зачем мне убийства?! — воскликнул он почти страстно.

— С убийством Егоровой все понятно. Она, по вашему мнению, оказалась опасным свидетелем. А вот убийство в самом аэропорту, причем неважно — кого,

любого подвернувшегося под руку, — вам понадобилось, чтобы под благовидным предлогом избавиться от Лавронины, — почти ласково, и оттого особенно зловеще, уточнил Казик.

— Зачем? — Огородов развернулся в сторону Казика, даже на мгновение кулаки сжал. — Да Юрий Александрович!..

— Конечно-конечно, — перебил толстяк, который уже напоминал не нахохлившегося попугая, а, скорее, гордого пингвина. — Юрий Александрович для вас бесценный человек. Во всех смыслах! Он не только отличный заместитель — он прокладывал вам дорожки к самым важным и нужным в этом городе людям. Но была одна проблема. У него тоже есть бесценный человек — Никита Андреевич Старчук. Очень профессиональный и въедливый специалист по экономической безопасности. Вы сами — экономист и очень быстро поняли, что Старчук дорогого стоит. А еще поняли, что он очень опасен именно в связи с той операцией, которую затеяли. Ведь все фирмы, все партнеры, с которыми сотрудничает аэропорт, проходят проверку у Старчука и...

— Мы узнали, — на сей раз перебил Купревич, — правда, случайно... что вы собирались заключить несколько договоров, довольно мелких, не стоящих особого внимания, но Старчук все равно проявил бдительность и дотошность, обнаружив фирму-однодневку. И у нас есть основания полагать, что вы специально подсунули эту фирму, чтобы проверить: насколько Старчук въедлив. Правильно, Аркадий Михайлович? — обратился он к Казику.

— Совершенно верно, — заверил тот. — Наверняка специально. И убедились: коли Никита Андреевич такой в отношении весьма несущественного, он обязательно обнаружит нестыковки в вашем крупномасштаб-

ном проекте. А обойти его никак нельзя — это сразу вызовет подозрения. И прежде всего у Лавронина. Вам нужно было обязательно избавиться от Старчука. Но каким образом? Вы поступили как самый настоящий психолог, — отдал должное Казик. — Когда Екатерина Александровна Малафеева захотела забрать Старчука под себя, тот устроил скандал, заявив, что не будет работать ни под кем, кроме Лавронина. В противном случае просто уволится. Значит, что? Надо было сделать так, чтобы Старчук сам уволился. А для этого надо было, чтобы уволился Лавронин. Но!.. — Казик весьма выразительно хмыкнул. — Юрий Александрович совершенно не собирался этого делать. А он настолько мощная величина, что просто так вам, новому генеральному директору, его не сдвинуть, хотя у вас есть на это все полномочия. Значит, вам надо было создать ситуацию, при которой отставка Лавронина была бы практически неизбежной. И достаточно естественной. Вам нужен был грандиозный скандал, связанный именно с работой заместителя по безопасности.

— Но я не уволил Лавронина! — с вызовом произнес Огородов. — Наоборот, я его всячески защищал! Между прочим, — он решил, что может не утаивать то, что по секрету ему передала Малафеева, — мое руководство вообще считало, что к убийству причастен Лавронин. Что его целью было скомпрометировать новых владельцев. А я высказался категорически против!

— Вы умный человек, — отдал должное Казик. — Вам не нужен конфликт с Юрием Александровичем. Вы же не враг себе. Вы хотели все обставить так, чтобы Лавронин ушел по собственному желанию и не имел к вам претензий. Для начала вы его просто отправили поболеть радикулитом. А потом, опять-таки ссылаясь на владельцев, весьма вежливо, со всеми почестями отод-

винули бы в сторону совсем. И Лавронин бы наверняка вас понял: убийство в аэропорту — это черная-пречерная тень на нем. Как ни поверни, но пусть частично, а его вина. Вы наверняка постарались бы сохранить с Юрием Александровичем самые прекрасные отношения, при этом достигнув главной цели: упертый Старчук непременно ушел бы из аэропорта.

— Бред! — со злостью, смешанной с затаенным страхом, бросил Огородов. — Это опять только слова! Психологические придумки!

— Ваш мотив — это не придумки, а логические рассуждения. Действительно основанные на психологических выводах, — спокойно сказал Купревич. — Но есть и еще кое-что. Не только Никита Старчук — профессионал, но и Лариса Мальцева — профессионалка. Старчук страхует экономические сделки, а Мальцева — саму себя. Она разговоры с вами записала. Есть не только ее показания, но и вполне конкретные доказательства ваших заказов и на убийство в аэропорту, и на убийство Егоровой. Вы наверняка такого от Мальцевой не ожидали. Но вот угрозу со стороны Старчука ожидали вполне оправданно. Это он первый раскопал материалы по сделке, ради которой вы...

Полковник скривился, а Казик произнес:

— Кстати, Ольга Валерьевна ничему не была свидетелем. Она ничего не заметила. Так что и вспоминать ей было нечего. Она просто не хотела попадаться вам на глаза и ждала, когда вы уйдете. Всего-навсего...

ГЛАВА 32

Лавронин не стал сдерживаться и выдал все «душевные» слова, накопленные за долгую милицейско-полицейскую службу. Приличных слов там было мало. Отбушевав, сказал:

— Только чтоб Никита не узнал. Он, конечно, еще тот перец, но совестливый. Хотя совеститься ему совершенно нечего.

— Так он же все равно докопается, — не усомнился Дергачев.

— Ну-у... Никита обычно в других местах копает. Правда, дело громкое, хотя, если сильно больших людей за этой сделкой найдут, могут шум поприглушить. Но с Огородова три шкуры спустят — уж тут не пощадят. В общем, что будет, то и будет. А Никита пока без подробностей обойдется.

— Так я могу сегодня взять отгул? — спросил Сергей.

— Ну еще бы не можешь! Особенно после того, как я несколько дней дома просидел, изучая, что такое радикулит, — хохотнул Лавронин.

Дергачев вышел из кабинета замдиректора по безопасности и в коридоре едва не столкнулся с Малафеевой. Поздоровался, однако в ответ удостоился лишь короткого кивка. То, что вечером она собирается улететь в Москву и неизвестно, намеревается ли вернуться, знали уже многие.

Конечно, ее допросили (или составили беседу). Начальник САБа при этом, разумеется, не присутствовал, однако присутствовал эксперт-психолог. По словам Казика, от идеи крупного кредита Екатерина Александровна не отказывалась. Да, собирались, под серьезный инвестиционный проект. («Было бы весьма глупо это отрицать», — прокомментировал Казик.) То, что этот проект — по сути мошенническая схема, восприняла с возмущением. («Вранье, все она, глаза и уши владельцев, прекрасно знала, просто не могла не знать, но будет, вполне понятно, отпираться».) На Огородова отреагировала с яростным негодованием. («Вот тут была совершенно искренна. Оно и понятно: Огородов затеял

радикально решить проблему, а порушил грандиозную спецоперацию».)

Огородов явно не знал все тонкости этой спецоперации, да и вообще знал лишь то, что ему полагалось знать, однако решил продемонстрировать себя эдаким суперменом, способным выполнить любые задачи. Дескать, он именно тот человек, для которого невыполнимого нет. Взлетел ввысь, вознамерился продемонстрировать все фигуры высшего пилотажа, а случилась авария. И — все.

Так утверждал Лавронин.

Есть люди, которые из грязи вдруг попадают в князи, и у них сносит голову. А Валерий Леонидович другой. Он, конечно, не из грязи, но с самых нижних ступенек поднимался и поднимался — шажок за шажком. Собственными стараниями. Ну да, в какой-то момент подул нужный ветер, и его перенесло сразу через несколько ступенек, аккуратно поставив на высокую, широкую площадку. Но голова у него не закружилась, напротив, он трезво оценил устойчивость площадки, увидел, что лестница на ней не заканчивается, и четко понял: чтобы его не просто не столкнули с занятого места, но и дали возможность подниматься дальше, надо доказать свою абсолютную необходимость.

Так считал Казик.

Дергачеву же просто хотелось Огородова удавить. Прежде всего из-за Ольги. Хотя, конечно же, он бы этого никогда не сделал. В отличие от Нины Григорьевны Кондаковой, которая в ярости вполне бы могла.

Начальницу клининговой службы он обнаружил на втором этаже, покрикивающую на своих работников, которые превращали штаб улетевшей рано утром домой московской оперативно-следственной группы в прежний конференц-зал.

— А-а-а, Сергей Геннадьевич! — обрадовалась Кондакова. — А я как раз собиралась вам звонить. — Она буквально вытолкала Дергачева в коридор и заявила командирским тоном: — Значит, так. Я знаю, днем вы забираете Ольгу из больницы. У нее в холодильнике обед. Борщ, жаркое с картошкой, только овощи останется порезать. Я приготовила, чтоб и ей, и вам хватило, и еще осталось. А вечером, в половине седьмого, придете ко мне на ужин. Ольга уже в курсе. Вы тоже должны быть. Обязательно! А еще я позвала Казика, он улетает ночью. Вы все поняли? — не терпящем возражений тоном спросила Нина Григорьевна.

— Так точно! — усмехнулся Дергачев.

— Молодец! — усмехнулась в ответ Кондакова.

За Ольгой предстояло ехать в двенадцать, время еще было, и Сергей неспешно отправился в сторону здания САБа. Следовало предупредить зама, что сегодня он, начальник, в отгуле, а посему пусть обходятся без него. Впрочем, Дергачев и не сомневался: без него обойдутся спокойно, особенно сейчас, когда вернулся на работу Лавронин.

Около соседнего здания линейного отдела полиции его перехватил Гаврюшин.

— Сергей Геннадьевич, как там Ольга Валерьевна? Поправилась?

Извечно жизнерадостное лицо старшего лейтенанта (которое просто просилось на плакат «Полицейский — лучший друг граждан!») на сей раз прямо-таки сияло.

— К счастью, поправилась. Вот сейчас поеду ее забирать из больницы.

То, что забирать будет именно Дергачев, Севастьяна не удивило. В его представлении, вероятно, события последних дней переплели начальницу VIP-зала с начальником САБа.

И что теперь? Расплетаться?.. Или все-таки нет?.. Сергей хотел, чтобы — нет. А чего захочет Ольга, он не знал. Он никогда не считал себя знатоком женщин. Он как влюбился в шестнадцать лет, как женился в восемнадцать, как прожил с женой двадцать пять лет, так и не успел разобраться.

— А меня полковник Купревич лично благодарил. И обещал похлопотать, чтобы мне премию выписали! — радостно сообщил Гаврюшин.

— Это правильно, — согласился Дергачев.

— А Аркадий Михайлович пригласил сегодня на обед в ресторан.

— Отлично.

— А вчера мы с Никитой, Старчуком то есть, болтали, мы же с ним приятели с детства, так вот он считает, что с Огородовым все сложнее. Что он совсем не дурак. Что на кой черт ему таким макарон от Лавронина избавляться? Ну да, Лавронин — глыба, его просто так не подвинешь, только он Огородову сильно помогал, а совсем даже не мешал. Никита считает, что там на самом деле все более запутано.

«Докопается въедливый Никита, наверняка докопается. Как бы Лавронин ни старался. А с другой стороны, ну и что? Старчук ведь не сентиментальная барышня», — подумал Дергачев, вслух же произнес:

— Ну да, запутано. Но, думаю, разберутся...

К больнице Сергей подъехал ровно в двенадцать и в приемном покое обнаружил Ольгу. Одетую в привезенные накануне джинсы, кофту и курточку — совершенно по-домашнему, как никогда не одевалась на работе. В ней уже не было той бледности, той жалкости, той незащищенности, которая столь сильно поразили Сергея, когда он первый раз пришел к ней в палату. Но и прежняя «протокольная дама», начальствующая над

VIP-залом, в ней никак не угадывалась. Она просто стала другой. Какой-то родной...

— Оля... — он на мгновение запнулся. Да, там, в больничной палате, он стал называть ее просто Олей и на «ты», а она его — просто Сережей и тоже на «ты». Но, может, сейчас она вновь превратится в Ольгу Валерьевну? — Нина Григорьевна обед приготовила.

— Сережа... — она тоже на мгновение запнулась. — А еще Нина на ужин пригласила... Велела, чтобы ты был.

Ольга сказала «ты», и у Дергачева от сердца отлегло: значит, ничего не будет меняться. По крайней мере, в худшую для него сторону.

Обедали не спеша, хотя Ольга спросила, не торопится ли он, а Сергей ответил, что не торопится, отгул взял.

Во время борща позвонили Егоровы-старшие. Расспрашивали, что и как, Ольга уверяла: все отлично. Во время кофе позвонила дочка Сергея, сообщила: все прекрасно, беременность переносит хорошо, с будущим ребенком проблем нет. Сначала Сергей хотел выйти из кухни (неловко было вести совсем уж личные разговоры при Ольге, которая ни к чему этому не имела никакого отношения), а потом передумал. Чего скрывать? Ну да, он вроде как ухаживать пытается, а сам почти дед. И что с того? Он юным мальчиком не прикидывается. Да и Ольга — не юная дева, хотя до бабушки ей далеко, впрочем, у нее и детей нет. Интересно: почему? Вообще-то этим вопросом он задался только сейчас, раньше даже не задумывался. И в данный момент не задумался, что, возможно, детская тема может оказаться болезненной, просто вдруг захотелось поделиться, и он сказал:

— Оля, дочка моя звонила. Она ребенка ждет. Я стану дедушкой.

— Да-а? — Глаза у нее слегка вспыхнули и тут же словно дымкой покрылись. — Это чудесно! — произнесла она отчего-то мечтательно. — У тебя взрослая дочь и ты скоро станешь дедушкой. — Вздохнула и добавила: — А у меня с детьми не получилось... Я не понимаю — почему. И никто не понимает. Видимо, не судьба...

— Ты из-за этого с мужем развелась? — спросил Сергей и тут же сам на себя разозлился. Ведь сроду словесным недержанием не страдал, вообще не слишком-то считался разговорчивым, а тут брякнул. — Извини... — пробормотал он, но Ольга лишь плечами пожала:

— Это не я с ним развелась, а он со мной. И — да, в основном из-за детей. Но не потому, что у нас их не было, а потому, что я очень хотела, чтобы были. А его это как-то не очень волновало. И он от меня устал.

— То есть как — устал? — не понял Сергей.

— Ну, наверное, так, как люди устают от долгого ремонта. Вроде все делается, чтобы стало хорошо, как хочется, как запланировали, а это длится, длится... И в конечном счете для кого-то это становится невыносимым.

— Надо же... — задумчиво проговорил Сергей. — А я, похоже, всю жизнь провел в ремонте. То есть моя жизнь постоянно находилась в ремонте, хотя я это не очень замечал. А жена замечала, потому что она этим ремонтом и занималась. Ну, она так считала и в общем-то, наверное, была права. И в конечном счете она от меня устала. Вот так и сказала.

Дергачев никогда не отличался откровенностью. Особо близких друзей, вот так, для душевных разговоров, у него никогда не было, а некогда самый близкий человек, жена, и так знала про него все, и даже, оказалось, больше, чем знал про себя он сам. Но сейчас словно лопнула тонкая крепкая пленка, в которую Сергей был герметично упакован, и полились слова. В какой-то

момент он даже несколько испугался (куда его несет?), однако Ольга неотрывно смотрела ему в глаза и слушала так, будто он рассказывал нечто исключительно интересное и принципиально важное. Выплеснув все слова, он замолчал, и Ольга вдруг смущенно сказала:

— Знаешь, Сережа, а мы с Ниной тебя волком называли.

— Волком?! — изумился он.

— Нам казалось, ты внешне похож... И мы тебя побаивались. Вернее, Нина-то, конечно, нет, она никого не боится, она к тебе просто настороженно относилась, а я — да. Вот почему-то...

Ужин Кондакова устроила по принципу «пир — на весь мир». Последним кулинарного изобилия не выдержал Казик.

— Ах, дорогая Нина Григорьевна, вашу изумительную еду я буду долго вспоминать в минуты голода! — с пафосом провозгласил он.

— Вы что, голодаете? — недоверчиво уточнила Кондакова.

— Представьте себе, регулярно стою на грани, причем не по своей воле!

Нина Григорьевна, Ольга и Сергей деликатно, но на удивление дружно покосились на объемный живот Казика.

— А-а-а... — Казик похлопал себя по животу, — это ничего не значит. Все дело в моей сестре Софочке. Она совершенно на меня не похожа! Она с детства очень худая, а я с детства толстяк. Софочка относится к еде очень разумно, а я обожаю много и вкусно поесть, причем все то, что мне нельзя. Софочка считает, что от обжорства я получу инфаркт и инсульт, а я считаю, что все это я получу на нервной почве. Потому что Софочка все время пытается посадить меня на диету, накормить

чем-то ужасным, но малокалорийным, а я все время хитрю, изворачиваюсь, чтобы добыть нормальную еду.

— Ну, победа-то, судя по всему, за вами? — хохотнула Кондакова.

— Чаще всего — да, но знали бы вы, сколько мне приходится тратить усилий! — не столько печально, сколько иронично заметил толстяк. — Впрочем... — он удовлетворенно улыбнулся, — это меня некоторым образом тренирует. Да-да! Мой приятель подполковник Орехов называет меня хитрецом, шельмецом и авантюристом. И этим я в некотором смысле оказываюсь полезным правоохранительным органам.

— Уж это точно, — покивал Дергачев, вспомнив слова полковника Купревича: «У этого Казика такие накрученные мозги, что, когда все смотрят на проблему с разных сторон, он смотрит каким-то замысловатым зигзагом, и оказывается прав».

Да, в конечном счете все дело оказалось в психологии. Огородов придумал многослойный сценарий, чтобы избавиться от Старчука, сыграв на его психологии.

Самолет Казика улетал в час ночи. Провожать его отправились всей компанией. Ольга, несмотря на уговоры, дескать, у нее и так был напряженный день и лучше ей отдохнуть, категорически отказалась остаться дома.

— Не беспокойся, Аркадия Михайловича без тебя проводят через VIP-зал, Лавронин распорядился. А Купревич договорился, чтобы полетел бизнес-классом, — попытался уговорить Дергачев, но Ольга воспротивилась:

— Я хорошо себя чувствую. И я тоже хочу махнуть Аркадию Михайловичу рукой на прощание.

В VIP-зале пассажиров не было. При появлении среди ночи троих начальников, включая своего собственного, дежурный администратор Виктория удивилась,

однако сработала вышколенность — никаких вопросов, лишь вежливая улыбка. Ольга сама отреагировала:

— Я до понедельника на больничном. У вас ведь все нормально?

— Не беспокойтесь, — успокоила Виктория и, обращаясь сразу ко всем, спросила: — Может, кофе или чаю?

— Нет-нет! — тут же последовал дружный отказ, а Казик, прижав руки к животу, едва ли не простонал:

— О, это не выдержу даже я!

«Забавный мужик, — подумал уже не в первый раз Сергей. — И опасный. Хотя классный. Вот надо же, чтоб такой замес».

— Милые дамы не будут возражать, если я похищу на несколько минут Сергея Геннадьевича? — наилюбезнейше осведомился «забавный-опасный-классный».

У самого Дергачева он разрешения не спросил, подхватил под локоть и увлек в сторонку.

— Вы уж меня извините, Сергей Геннадьевич, я часто влезаю не в свои дела, сую нос, куда не просят, — Казик потыкал пальцем в свой могучий нос, — но иногда это бывает полезно. Уж не знаю, насколько полезным я буду сейчас, но позвольте дать вам совет. Позвольте?

— Пожалуйста... — слегка растерялся Сергей.

— Мне кажется, вы очень нравитесь Ольге Валерьевне. И мне кажется, она вам тоже очень нравится... — Казик взял паузу, внимательно посмотрел на Сергея, явно ожидая какой-то реакции, но тот молчал, сосредоточенно глядя себе под ноги, и Казик продолжил: — Мой вам совет: не тяните. Вы оба не в том возрасте, когда в голове еще ничего не утряслось, да и вообще там много всякой ерунды, а потому надо тщательно разложить все по местам. Впрочем, как раз молодые это часто и не понимают, в результате постоянно ошибаются и делают кучу глупостей. Но вы оба уже люди, если

так можно выразиться, с биографией. Разумеется, еще не мудрецы-старцы, но и не зеленая поросль. Вы сами с собой в общем и целом, полагаю, разобрались. И если у вас возникли взаимные чувства... не надо слишком долго заниматься самокопанием. У людей достаточно зрелых, в отличие от молодых, есть слабое место — они чаще трусят, больше боятся ошибиться... а потом сожалеют об упущенном. Вы ведь наверняка знаете изречение: человек обычно сожалеет не о том, что сделал, а о том, что не сделал... Еще раз прошу извинить меня, если я влез, куда меня не просят.

— Но вы же регулярно влезаете... И часто очень даже полезно, — улыбнулся Сергей.

ГЛАВА 33

По прилету домой Аркадий Михайлович был немедленно загнан на весы.

— Странно... — недоверчиво пробормотала Софья Михайловна, — ты не поправился...

— Вот видишь, душенька, я не прибавил ни одного килограмма! — обрадовался брат, который сильно опасался последствий своей командировочной кулинарной свободы, а особенно — вчерашнего ужина у Нины Григорьевны.

— Но ты и не похудел! Хотя многие люди в командировках худеют! — припечатала Софья Михайловна. — Впрочем, в отношении тебя, конечно, надежды никакой. — Она вздохнула и добавила: — Ладно, идем завтракать.

На гастрономические щедрости сестры Аркадий Михайлович особо не рассчитывал, однако и печалиться не собирался: гастрономические щедрости Нины Григорьевны еще сохранили свои чудесные ощущения и в голове, и в животе.

Завтрак, тем не менее, оказался вполне приличным — помимо крутого яйца, сыра и творога, с великих щедрот было выставлено на стол блюдо с кусочком отварного мяса. Хотя, разумеется, никаких фаршированных блинчиков (ах, какие блинчики подавали в гостиничном ресторане!).

Но вот устроить низкокалорийный ужин Софье Михайловне не удалось. Потому как вечером в гости пожаловал Борис Борисович Орехов, а гостей в доме Казиков было принято кормить прилично — нормальной, а не диетической пищей.

— Пообщался с Олегом Романовичем Купревичем, он сказал, что вы, Казик, конечно, хитрец и шельмец, но большой молодец! — сказал подполковник.

— А еще авантюрист, — вставила Софья Михайловна.

— Не без того, — легко согласился Орехов. — Но главное — хороший психолог. Олег Романович с самого начала подозревал, что в этой аэропортовской истории есть какой-то психологический нюанс, и Аркадий Михайлович оказался очень кстати. Прямо в точку.

— Ах, Борис Борисович, — вздохнул Казик, — в любом преступлении есть психологический нюанс. Вне зависимости от главного мотива. Ведь преступления совершают люди. И даже если двое мужиков поначалу вполне дружески наливаются водкой, а потом один бьет пустой бутылкой по голове другого, то вполне возможно потому, что на сакраментальный вопрос «Ты меня уважаешь?» не получил нужного ответа и сильно обиделся. А в аэропорту — просто пример для учебника. Чтобы убрать Старчука, Огородов весьма изощренно решил сыграть на его психологии: избавиться от Лавронова. А чтобы убедительно избавиться от Лавронова, решил убить первого подвернувшегося под руку человека. И все это сделать руками киллерши, опять-таки

используя психологический нюанс: ее благодарность за спасение любимого дедушки.

— Ну, не все так бескорыстно, — уточнил Орехов. — Огородов ей все-таки заплатил. Хотя деньги тут вторичны, вы правы.

— Какой кошмар! — гневно отреагировала Софья Михайловна и добавила с явным укором: — Между прочим вы, Борис Борисович, тоже весьма ловко используете психологические слабости моего братца.

— Да, учитываю, что он шельмец, хитрец и авантюрист, — не стал возражать подполковник.

Уже в конце вечера, за чаем, Аркадий Михайлович вдруг воскликнул:

— Ну надо же, мне ведь выдали пропуск «вездеход», я мог с ним ходить туда-сюда через государственную границу и таможду, а ни разу не воспользовался!

— Ну, конечно! — фыркнула сестра. — В аэропорту хватило кафе и ресторанов, куда пускали без всякого пропуска, так что тебе не было никакой надобности таскать туда-сюда через государственную границу и демонстрировать таможде свой сытый живот.

В канун Нового года первым Казика поздравил полковник Купревич. Пожелал всего наилучшего, кратко проинформировал: дело Огородова передано в суд, в отношении Мальцевой еще идет следствие, за ней просматриваются другие эпизоды, их объединяют в одно дело. Что же касается самого аэропорта, вернее, его владельцев, то там еще работы много, но ею занимаются другие структуры.

Следом объявился Гаврюшин. Радостно заявил, с каким удовольствием он вспоминает дни работы с Аркадием Михайловичем, хотя никакой особой работы он не делал, однако московский следователь обещание сдержал, похлопотал, и Севастьяну выписали хорошую премию.

Потом позвонили Дергачев и Егорова — вместе.

— Я ведь послушался вашего совета, — сказал Сергей. — В общем, десять дней назад мы с Олей поженились. Ну а что тянуть? Вы ведь правы: мы уже не мальчик с девочкой, вполне взрослые люди, все разумно оцениваем и понимаем. Правильно? — вопрос адресовался Ольге, и та откликнулась весело:

— Да, правильно. К тому же, Аркадий Михайлович, в новом году Сережа станет дедушкой, а потом — папой!

Последней на связь вышла Нина Григорьевна.

— Вам Ольга с Сергеем сказали, что они ребенка ждут?! — по обыкновению проорала Кондакова.

— Сказали, — подтвердил Казик.

— Ну вот! — торжествующе провозгласила Нина Григорьевна. — Ольга столько лет с первым мужем прожила, а ребенок заводиться никак не хотел! С Дергачевым же — хоп, и сразу! А я ей говорила: дети сами знают, когда и от кого им рождаться!

— Вы, Нина Григорьевна, прямо психолог, — оценил Казик.

— Да какой там психолог! — отмахнулась Кондакова. — Просто жизненный опыт. Надо выбирать птицу своего полета, а не такую, которая считает, что взлетит высоко, а у самой крыльев нет.

— Значит, ты в аэропорту отметился не только как сыщик-любитель, но и как сваха, — заметила Софья Михайловна.

— Ну-у-у... я просто дал мудрый совет. И к нему прислушались.

— Возможно, дорогой братец, это лучшее, что ты сделал, — оценила сестра.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	13
Глава 4	29
Глава 5	42
Глава 6	54
Глава 7	65
Глава 8	76
Глава 9	81
Глава 10.....	92
Глава 11.....	105
Глава 12.....	109
Глава 13.....	122
Глава 14.....	126
Глава 15.....	142
Глава 16.....	152
Глава 17.....	166
Глава 18.....	173
Глава 19.....	181
Глава 20.....	193
Глава 21.....	203
Глава 22.....	210
Глава 23.....	223
Глава 24.....	233
Глава 25.....	241
Глава 26.....	251
Глава 27.....	261
Глава 28.....	271
Глава 29.....	280
Глава 30.....	287
Глава 31.....	293
Глава 32.....	305
Глава 33.....	315

Литературно-художественное издание

Военные приключения

Левит Ирина Семеновна

АВАРИЙНЫЙ ВЗЛЕТ

Выпускающий редактор *В.И. Кичин*

Художник *Ю.М. Юров*

Корректор *Б.С. Тумян*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

127566, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6,

помещение 3, комната 1/1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 05.07.2023. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «KudrashovC». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 10. Тираж 2000 экз. Заказ № С-1752.

Отпечатано в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

e-mail: idelpress@mail.ru